

**Ангел  
специального  
назначения**  
*Ангел специального  
назначения - 1*

**Глеб Егорович Исаев**

**SHOUT**  
**SHARE IT**



# Annotation

*Ей восемнадцать, ему сорок... Казалось-бы, что может связывать начинающую певицу из далекой провинции и капитана Российского спецназа? Тем более, что они даже не знают о существовании друг друга... Однако им предстоит вместе пройти через многое, и стать другими.*

- Ангел специального назначения

- Часть первая

- Вступление

- Глава 1

- Глава 2

- Глава 3

- Глава 4

- Глава 5

- Глава 6

- Глава 7

- Глава

- Часть вторая

- Вступление

- Глава 1

- Глава 2

- Глава 3

- Глава 4

- Часть третья

- Олин сон

- Глава 1

- Глава 2

- Глава 3

- Глава 4

- Глава 5

# Ангел специального назначения

# Часть первая

## Вступление

Медленно, в три приёма, снайпер сдвинул ветку и замер: «Мельчают кадры. Без прикрытия, по трассе. Не «духи», детский сад какой-то. Вот, в первую кампанию были зубры, советской ещё школы. Пять потов сойдёт, пока достанешь...»

Мысли вернулись к неспешному течению: «Если честно, устал. Возраст, как ни крути, давит. Сверстники давно в полковниках. А ты? Сорок уже, всё капитаном, по горкам с «Винторезом» в обнимку бегаешь. Хотя, какого...? Сам виноват. Смолчал бы тогда, давно «майора» получил. И звёздочку, вторую. Да, ладно, проехали. Не жалею. Размышления прервал треск в ухе. Наблюдатель «отмаячил» о приближении объекта засады.

Что говорить, постарались они с Вовкой от души, имитация камнепада полная.

«Сразу не просекут, а там и поздно будет. Хотя, лучше не зарекаться». — Алексей шевельнул пальцем, снимая оружие с предохранителя, и сосредоточил внимание на месте запланированной встречи.

Из-за рыжего края скалы вынырнул открытый УАЗ. Подлетев к завалу, визгнул колodками и встал. Замерла и Нива с охраной. В перекрестие прицела вползла дорогая папаха. Полевой командир развалился на переднем сидении «козлика» в позе казака, сочиняющего письмо турецкому султану. Снайпер выбрал курок, зажал дыхание и довёл спуск. Малахай прыгнул с бритой головы в дорожную пыль. А сам «чех» плавно вывалился под колеса вездехода.

«...Отлетался, желтоглазый». — Ствол вновь дрогнул, и второй пассажир уткнулся головой в сидение. — «Этот мне без нужды, но, когда было, чтоб главарь, да без свиты? Будет, кому в котле смолу мешать».

— Ноль два один, уходим. — Шепнул Леха в чёрную пуговку передатчика. Медленно, черепашьям темпом, выбрался за поросший кустарником бугорок. С наслаждением стянул лохматый капюшон. Уже не таясь, полной грудью вдохнул стылого осеннего воздуха. Колючим от сухих листьев рукавом «Лешего» смахнул пот, пристроил «кормилицу» на спину и рванул в пункт сбора. И в этот момент ожили телохранители «Абу Хасана», с азартом поливая зелёнку склона из всех стволов.

— Фиг вы угадали. — Огрызнулся Леха. — Уйду, должен уйти.

Испорченной пластинкой закрутил в голове: «...Помирать нам, рановато... «Бежать под неслышное бормотание куда как

легче. На миг тормознулся, проверил азимут и наддал вверх по склону. К месту сбора вышел вовремя. На подходе замер, осмотрелся.

«Странно, вроде никого, а на душе... тускло»? — Стукнул в микрофон, вызывая напарника, и в тот же момент уловил за спиной шорох. Кувырком ушёл в сторону, выдёргивая из зажима клинок. И, продолжая движение, встретил «духа» прямым. «Блин..., в жилет». Связка, блок. Нож противника обжёг предплечье. Ответный выпад: «Борода, штука хорошая, но «Бобру» не помеха».

Мгновенный перекат за неприметный, укрытый плесенью, камень.

«Если это засада, выходит «Лютого» уже нет? Такого «спеца» втихую снять...? После, всё после...»

Сдёрнул ствол, и только везенье спасло от короткой очереди. Почти весь заряд принял на себя камень, только одна пулька нашла цель, но срикошетила от ствольной коробки.

«Спасибо, родная, выручила, но без тебя совсем худо. Что осталось? Не густо. Стечкин, две гранаты, нож. Выходит, «Варяга» петь?

Взвёл затвор: «Кисло. Против их «Калашей» не аргумент. Абзац котёнку».

Пострелял на звук, стараясь особо не высовываться. В ответ услышал гортанный крик: «Урус, сдавайся».

«Вот вам. Признаю, бойцы классные, хоть и сволочи, обложили намертво. Выходит помирать? Ох, как не хочется... Стоп. Зажал страх. Потёк, вот и слабею».

Выждал очередного броска и подловил «басурмана» в прыжке.

Щёлкнул затвор: «Последний... Сейчас... Чуть, чуть и... Лишь бы не осечка». Рванул зубами чеку.

Кинулись с трёх сторон, норовя ошеломить рёвом. Клацнула, вылетая с разжатой ладони, скоба. Грохот взрыва уже не слышал. Вспышка и тьма.

Всё...

# Глава 1

## Здравствуйте, девочки

Поразила тишина. Усилием воли разжал сомкнутые веки. Неяркий свет ослепил.

«Так вот ты какой — мир иной». — Нашёл силы удивиться он. Вместо буйных зарослей серый потолок, кривенькая пыльная люстра. Замер, сосчитал до пяти, успокоился. Вспомнил разрыв, вспышку.

— Не мог я уцелеть, не мог. — Словно заклинание повторил Алексей, определяясь в пространстве. Перевёл взгляд на себя, ожидая увидеть изорванное осколками тело, в самом худом случае, пропитанные кровью бинты. И обмер: «Ну, дела?»

Худенькие ручки, обтянутая футболкой грудь. Тёртые джинсики: «Это что за такое? Тело то не моё».

И тут в голове проснулись чужие воспоминания: «Оля Шилова. Краснодар..., выпускной..., Казанский вокзал. Приёмная комиссия. Институт, вроде театральный. В списках нет... Объявление — модельный бизнес, предоставляется жильё...»

Тихонько покрутил головой. Лёгкие пряди русых волос накрыли лицо, мазнув по щеке. Медленно согнул руку, разглядывая обломанные ногти со стёртым маникюром: «Тьфу. Непотребство какое».

Попробовал встать. Заныл бок, в запястье врубилось кольцо наручника. Только тут сообразил, что лежит на вонючем матрасе пристёгнутый к батарее. Давненько уже. Если судить как затекла кисть, не менее суток. Изогнулся, подтянул ставшие безобразно стройными ноги к груди. Осторожно застегнул молнию, осмотрелся.

«Срач-то какой? А ещё говорят, как в казарме. Да в самом худом стройбате за такой бардак нарядами замордуют». — Сознание, защищая рассудок, пыталось включить юмор. Кое-как удалось. Рассмотрел обстановку. Дверь с треснутым стеклом, пегие обои, диван, подранный линолеум. На полу сигаретные бычки, тряпки, несколько использованных презервативов. «Так, не понял? Меня что, ещё и...? Вот тебе и здравствуйте. То-то, чувствую...». Не удержавшись, он матерно оценил ситуацию, смачно плюнув в сторону двери: «Б. абство, какое! А?

Итак, что мы имеем? — Незнакомое тело, чужая память и комплект неприятностей. Будем разбираться».

Расслабился и позволил её памяти всплыть на поверхность.

Руслан встретил Ольгу в близком офисе. Загорелое, слегка

восточного типа лицо. Римский нос, ухоженные волосы, классный парфюм. Доброжелательно выслушал, просмотрел фото. Портфолио, как он их назвал. Рассказал о фирме, обозначил ставку.

«Восемьсот «баксов» в неделю, обалдеть. Танцевальная группа в элитном клубе».

Элегантный менеджер забрал паспорт, заявление, анкету. И любезно предложил отвезти в гостиницу. Только когда заехали в этот район, удивилась. — «Общежитие на окраине, а клуб в центре. Это каждый день по два часа на дорогу?»

Едва поднялись в квартиру, ударил в живот, приказал заткнуться, добавил кулаком по лицу. Доходчиво объяснил, что за работа.

«...Как я сразу, не догадалась. Мама...» — голос сорвался, ледяной страх обессилил, захлестнул сердце.

Он едва успел отключиться, собирая волю в кулак. Дальше — сопли, боль, расстройство от потери иллюзий. Полный комплект иллюстраций к третьему тому сексуальных извращений. Трое. По крайней мере, трое отметились. И ещё раз, и снова: «Они, на батарейках, что ли?»

«Отставить. Берём информацию». — Приказал себе Алексей. — «Итак: Руслан. Этот вроде визитки, ещё один — охрана и бык. А вот третий, Ахмед — главный. Седина уже пробивается, а туда же..., кобель-переросток».

Из разговоров понял. Ольга седьмая. Четверых уже отрядили к арабам (громко звучит, в апартаменты). Ещё двоих закопали, а Олю, предупредив о недопустимости саботажа, хотели только припугнуть, но, войдя в раж, перестарались.

Внезапно Алексей сообразил, почему не слышен голос её сознания, только обрывочные воспоминания и ужас. Тихая, домашняя девочка сошла с ума. Её сознание сейчас там, где легко и спокойно. Здесь только изорванное тело и мой разум.

Испорченный товар списали на боевые потери, и сроку ей осталось до сегодняшнего утра.

«Тогда нужно действовать, после будем рефлексировать». — Отбросил рассуждения Алексей. Порылся в развале вонючего матраса и отыскал заколку. Открыть наручники подручными средствами для специалиста — минутное дело... Учтя subtilность нового тела, устраивать корриду Леха не стал. После недолгого ожидания, едва в замке повернулся ключ, тихонько присел возле двери, накинув сверху чью-то потёртую куртку. Гость распахнул дверь, обернулся. Короткий взмах, и гость, получив не сильный, но точный удар за ухо, осел на пол.

Привычно обыскал языка: «Ствол в наплечной кобуре, под

кожаной курткой, документы мои, то есть её, это надо».

Перевернув на спину, узнал Руслана: «Действительно, морда гламурная. На что дурёх и ловили». Выщелкнул обойму. «Надо же, полная». Первым делом отстегнул снаряжение и, подтянув ремешки, пристроил на себя. Привычная тяжесть оружия создала рабочий настрой.

Через три минуты стреноженный Казанова без малейшего признака одежды лежал посреди комнаты.

«Ничего личного, старик, допрос в боевых условиях подразумевает глубокое психологическое воздействие, а времени убеждать в серьёзности намерений, у меня нет». — Решил он. — «Придётся начать с шокотерапии».

Выкрутив лампочку старенького бра, аккуратно разбил стекло, оставив торчать два контакта. Тем временем связанный очнулся и дёрнулся. Выпучив глаза и кашляя, Руслан силился понять ситуацию.

— Отвечать коротко. Когда придут остальные? — В полном соответствии с методичкой, Алексей задал вопрос и лишил пленника возможности выразить своё отношение к происходящему, залепив рот скотчем. — Советую не молчать, могу не сдержаться и шлёпну. — Закончил он вступительную речь и на контрасте истерически рывкнул. — Забыл, сука?

Морщась от боли, стянул разодранную футболку. Обнажая маленькую, почти детскую грудь с кровоподтёками и подпалинами от сигарет. «Прости меня, девочка. Тебе некого стесняться. Мы с ним оба покойники, я настоящий, он будущий». — Виновато вздохнул Алексей и тут же одёрнул себя: «Стоп, работа есть работа, остальное в сторону».

Первый разряд, аккурат по непроизвольно ожившему органу. «Язык» взвыл и забился в конвульсиях, взгляд поплыл.

— Спрашиваю последний раз. — Спокойно произнёс Алексей, натягивая майку. — Когда придут остальные?

Лицо пленного исказила гримаса страха. Картина, действительно, впечатляла. Руслан заворожено наблюдал, как «сумасшедшая девка» уверенно, деловито передёрнула затвор. И вот опять звучит деловитый, без малейших эмоций голос. Пробирает до костей, до душевной дрожи и слабости в мочевом пузыре. А ещё глаза. Однажды, в детстве, гуляя в горах, он встретил волка. Зверь был сыт, лишь внимательно глянул и исчез. А взгляд его запомнился, навсегда. Спокойный, безразличный взгляд убийцы. Вдвойне жутко и чужеродно сочетание таких глаз с девичьим лицом.

Он, наконец, осознал, что при всей нелогичности обстоятельств, это всерьёз. И потерял сознание. Когда очнулся,

сразу заговорил.

«Молодец, на глазах умнеет». — Лехе надоело тратить электричество.

«Он должен позвонить Махмуду, убрать несостоявшуюся клиентку, а после вывезти за город». — Такова была информация, поспешно выложенная прозревшим сутенёром.

— Звони. — Девчонка приложила трубку к уху испытуемого. — Но помни, вздумаешь шутить, умрёшь. Один, и трудно...

В назидание слегка «торкнула» заросшее густой шерстью бедро. Вздогнув от боли, Руслан послушно закивал. Услышав ответ абонента, хрипло пролаял: «Махмуд, езжай сюда. Вывезем».

Леха удовлетворённо спрятал трубку в узкий кармашек джинсов.

— Зачем тебе? Лучше уходи. — Приободрился будущий покойник. Видимо общение с сородичем внушило ему ложную надежду.

— Продолжим. — Тоненькие пальцы небрежно сжали импровизированный шокер. — Кто вы, чем занимаетесь?

Всего после двух сеансов «электротерапии» язык выдал нужную информацию.

Ахмед собрал группу в прошлом году, платит кому-то из местных, те «крышуют».

— Кому платят? — Руслан не знает. Пробавляются девочками, немного дурью. Ахмед сейчас в офисе, на Тверской. Отстойник на съёмной хате, здесь, в Останкино.

— Оленька, — зачастил пленный, словно поняв, что говорить больше не о чем, — милая, отпусти. А? Денег..., все деньги отдам..., в машине тайник... — Он, захлёбываясь словами, пытался отползти к стене.

«Слова-то, какие вспомнил?»

— Деньги? — прикидывая, сколько времени осталось в запасе до приезда «быка», повторил, — деньги, — это хорошо. Где?

— Поклянись. — Заторговался «абрек».

— Ну, нет, так нет. — Девчонка подняла ствол.

— Эй, не надо, слушай. В колонке, всё, забирай, — Руслан заворожено уставился на оружие.

— Да, ладно, чего там, живи. — Подхватив с матраса подушку, шагнул к отработанному «языку» и выстрелил. Прижатая к стволу, она заглушила выстрел. Оставив раненого «доходить», вернулся на кухню и закурил трофейных.

«Мальборо? Крепкие. — Еле продышался он. — И вообще, кто я теперь? Алексей Бессонов, капитан спецназа ГРУ, лежит, раздёрганный осколками на мелкие куски в горах недружественной республики. И хорошо, если хищная мелочь ещё

не слодала то, что от него осталось».

«А стоит в маленькой кухоньке, — он глянул в стекло буфета, — растрёпанная девчонка. Пусть до невозможности грязная, с лиловым синяком под глазом, но, всяко, не сорокалетний холостяк-неудачник с кучей ранений, орденов и комплексов».

Алексей поискал глазами, куда бросить окуроч, не нашёл, и ткнул в заваленную грязной посудой раковину.

«Что ж, подведём итоги: Как ни дико это звучит, но, выходит, я и есть теперь эта самая Ольга Шилова, девятнадцати лет, уроженка города Краснодара. Ну, а мозги? Кому какое дело, что у неё в голове. Почему, каким образом, для чего? Эти вопросы пока за скобки. Будем живы, разберёмся». — Размышления прервал негромкий звук поворачивающегося ключа из прихожей.

Снова щёлкнул замок. Прозвучал каркающий голос. — Руса, ты где? Давай ещё разок...

Квадратный, с курчавой шапкой жёстких, цвета вороньего крыла волос, крепыш протиснулся в дверной проем. Заметив стоящую посреди кухни пленницу, удивлённо ощерился и шагнул вперёд, намереваясь схватить беззащитную жертву.

Пистолет в руке девчонки чуть шевельнулся. Грохнуло, остро пахнуло сгоревшим порохом.

«Огнестрел в печень — штука отвратная». — Невольно посочувствовал врагу Алексей, отступая в сторону. Басмач тонко взвизгнул и, рухнув на пол, закрутился как придавленный таракан, оставляя на грязном линолеуме следы крови и печёночной ткани.

«Это тебе за Олю», — вспомнив дикие «подвиги» нукера, Алексей бесстрастно выждал пару минут и добил изувера. — «Не заслужил ты, собака, лёгкой смерти».

«Рассиживаться не резон, сполоснусь, и пора в дорогу». — Перекинулись мысли капитана на текущие события. Соседей он не опасался. Судя по всему, квартирка имела дурную славу, и жильцы предпочитали не связываться с мутными постояльцами. Прихватив несвежее полотенце, зашёл в ванну и с удовольствием смыл грязь последних дней.

Именно тут он вдруг осознал, что начал ассоциировать себя именно с ней, с Ольгой. Никаких эмоций её нагота не вызвала. Может потому, что, перейдя смертельную грань, понял: его больше нет — осталась только она? И назад пути не будет. Натянул заскорузлое от грязи барахло, внимательно осмотрел место второго рождения и, убедившись, что «зачистка» не нужна, сбежал вниз по затёртым ступеням.

На стоянке около дома приткнулись несколько авто. Однако, на сигнал отозвалась довольно потрёпанная трёшка БМВ. Леха

забрался в пропахший табачным дымом салон и вытянул из-за сиденья пластмассовую колонку. Недолго думая, разломал дешёвую китайскую коробку.

«Штук десять. — Прикинул толщину завёрнутого в целлофан свёртка. — Ну что они? Евро надо собирать, надёжней. Но это на оперативные расходы». — Чувствуя лёгкую неловкость, оговорился он, засовывая деньги в карман.

Как ни подмывало завести машину, а не мотаться по городу на своих двоих, осторожность возобладала. Пришлось ловить машину с обочины.

— В центр. — Попросила девчонка хмуро косящегося на её замызганный наряд шофёра.

«И то, правда». — Ехать в офис на свидание к Ахмеду в таком виде не входило в первоочередные планы диверсанта. Приметив вывеску косметического салона, Леха выбрался из прокуренного салона и начал плановые мероприятия камуфляжной подготовки.

В неярко освещённом, безлико чистеньком холле одиноко дремала средних лет фасонистая тётка. Мазнув намётанным глазом, она тут же внесла девчонку в разряд случайных зевак и даже не повернула головы от пасьянса.

— Але, — Постучала Ольга сломанным ногтем по стойке, — мы работаем?

— Мы, да. — Окрысилась администратор.

— Тогда проявите интерес к клиенту.

— Деточка, знаешь, сколько это стоит...? — Начала монолог, предвкушая развлечение, фифа.

— Знаю. — Невежливо прервала её замарашка. — А вы видели американское кино — «Красотка»? Так давайте не будем подражать героям этой пошлой мелодрамы. Меня интересует весь спектр услуг, кроме, разве что, подтяжки и целлюлита.

Леха акцентировано покосился на едва прикрытое короткой юбкой бедро собеседницы, бугрящееся апельсиновой кожурой.

Мастер, в отличие от «администраторши», к простоте клиентки отнеслась без предубеждения. Поэтому и разговор с ней Алексей построил иначе.

— Умоляю, выручайте. Если после вашего колдовства, я стану, хоть чуть-чуть, похожа на современную и стильную москвичку, сумма к оплате вырастет втрое. Идёт? — Весело попросила нахальная девчонка, усаживаясь в кресло.

Парикмахер внимательно осмотрела фронт работ и, получив твёрдое разрешение делать всё, что считает нужным, приступила к священнодействию.

Стрижка, мелирование, притирки. Лёгкий запашок химии сменился ветерком фена. Наконец, мученье завершилось.

Светлые пряди, уложенные в художественном беспорядке, создавали некое подобие причёски. На взгляд привычного к уставной стрижке Алексея — полный кошмар. Но, в тоже время, этот беспорядок придавал лицу неуловимое обаяние.

«Оля, да мы с тобой, оказывается, просто красавица». — Умилился Леха, отсчитывая пятьсот долларов.

Следом пришёл черёд ногтей и косметолога.

«Господи, как они это терпят, столько мук из-за роговых наростов? Кошмар». — Охнул непривычный к подобным истязаниям разведчик. Самое интересное, что после всех этих примочек, втираний и выщипываний, он почти не заметил следов косметики. Разве, что брови стали более ярко очерчены, проявились длинные ресницы.

«И то сказать, мастер, он и в Африке, мастер». — Удовлетворённо повертел Леха преобразившейся головой.

Облегчив заначку ещё на три сотни зелёных, выполз из кресла, разминая ноги.

— Знаете, — улыбнулась косметолог Ира, — вам очень подходит этот стиль, есть что-то завораживающее. Контраст. Кажется, что у вас глаза взрослого человека, причём сильного и умного. В сочетании с личиком эффект поразительный. Только будьте осторожны. С такой внешностью в Москве вы можете или многого добиться, или попасть в серьёзную неприятность.

На прощанье, хулигански показав администраторше маникюр на среднем пальце, Ольга двинулась по улице, ловя заинтересованные взгляды мужиков. Естество разведчика бунтовало. Где неприметность, заурядность? Однако в том и заключается мастерство профи. Когда играешь роль, играй правдиво и искренне. Отсутствие косметики у молоденькой девчонки вызовет большее недоумение, чем индейская раскраска. Пройдя всего сотню метров, наткнулся на витрину нужной лавки. Сказать, что Леха любил выбирать тряпки, пожалуй, будет преувеличением. А Оле придётся изображать крайний интерес и увлечённость. Но всё, слава богу, обошлось удачно. Продавец оценила качество «боевой раскраски» и была сама любезность.

— Девушка, ми..., — Оля чуть было не прокололась привычным для капитана Бессонова обращением. — Помогите провинциалке выбрать наряд. Джинсы, футболку, обувь, куртку, а ещё сумочку. В пределах двух, трёх тысяч долларов, но, если обойдётся дороже, не беда.

«Ну и цены? «За тряпочку размером в ладонь, названную одеждой явно по ошибке, пришлось выложить сто пятьдесят баксов, джинсы — семьсот, куртка из тонкой кожи — тысячу, туфли без каблука — двести. Переделалась Оля там же.

Правду гласит молва, по одежке встречают. Статус девочки в глазах встречающих, особенно женщин, вырос на порядок. Проходя по этажам супермаркета и, что греха таить, с интересом разглядывая отражение в витринах, сообразил: «Для образа нужны украшения».

Колечко белого золота шестнадцатого размера с небольшим бриллиантом после тряпок показалось вовсе не дорогим, всего полторы тысячи «зелёных денег». В конце концов, Алексею надоело бегать в лавку, и он поменял доллары на рубли, благо появилась сумка, и заталкивать купюры в узенький кармашек нужда отпала.

Маскировка заняла более трёх часов. Телефон Руслана звонил трижды, но только раз на экране высветился номер Ахмеда.

«Значит, ещё не дёргается». — Удовлетворённо констатировал Леха.

«Однако, теперь пора и навестить старого кобеля...» — недобро ухмыльнулся капитан, вспомнив потные лапы главаря. Её память подсказала адрес. Пройдя дремлющего сторожа, назвать его охранником было бы нездоровой лестью, поднялся на этаж и распахнул дверь.

Прочитал вывеску: «Модельное агентство «Бизнес Арт». «С выдумкой у сутенёров явно не густо».

Сменив внешность тёмными очками, Ольга впорхнула в офис. Сердце ёкнуло. Стресс был так силён, что картина, врезавшаяся в память, даже сейчас вызвала бессознательный всплеск ужаса. Леха задержал дыхание и резко выдохнул.

«Разве это стресс? Вот когда мы в 97–м, на албанский патруль наравались, а у нас трое раненых и никакого оружия, вот тогда стресс был, это да». — С некоторой даже ностальгией вспомнил он.

— Что желаете? — Галантно привстал Ахмед.

— Это модельное агентство? Я приехала в Москву из Владивостока, хочу найти работу. — Улыбнулась девушка. Бла, бла, бла. Рассказ почти не заинтересовал пожилого ловеласа. Видно было, что он уже готов, слюни, разве, не текут ручьём. В ухоженной мордашке новой соискательницы он не признал истерзанную жертву.

«Тем лучше, не придётся устраивать шум здесь». — Удовлетворённо заключил мститель.

— Конечно, конечно, Вы нам подходите. — Соловьём разливался мятый жизнью сатир, едва сдерживая похоть. Формальности отложили на завтра. Претендентка отговорила тем, что паспорт остался в гостинице, но, возжелавшего утех

пенсионера это не смутило, и, не откладывая в долгий ящик, он предложил выбрать место в общежитии.

«... Где вам будет обеспечено проживание с соответствующим уровнем комфорта, питание...

«Видели мы тот комфорт, а про остальное и говорить не хочется». — Иронично прокомментировал про себя рекламу Алексей. Однако ломаться провинциалка не стала.

Усадив даму в перламутровый внедорожник с красочным итальянским именем «Паджеро», погнал в Останкино, по дороге отзвонил в два адреса, но автомат сообщил, что абонент недоступен. Махнув рукой на подельников, главарь решил, что справится в одиночку, а, заметив у подъезда лайбу Руслана, и вовсе обрадовался.

— Менеджер по кадрам тоже подъехал. — Уведомил он претендентку.

— Сразу введёт Вам в курс дела. — Кочетом пел старик, коверкая от волнения слова. Любезно распахнув дверь, он галантно пропустил гостью вперёд. Алексей похвалил себя за предусмотрительность и прошёл внутрь.

— Руслан, принимай гостей. — Крикнул Ахмед, поворачивая ключ в замке. Молоток для отбивания мяса, пристроенный на обувной полочке, оказался востребован вновь.

«К чему мордобой? Функционально, значит, правильно». — Затащив снулого пенсионера в комнату, Леха снял наручники с Руслана и пристегнул нового клиента к пресловутой батарее так, чтобы покойники были в его поле зрения. Опыт подсказал, нужды в дополнительных мерах убеждения не понадобится, этому будет достаточно зрелища мёртвых подельников. Наконец очнулся и перепугано уставился на тела приятелей.

— Если хочешь жить, надо отвечать на вопросы. Ясно? — Проинформировал Алексей, в целях профилактики стукнув жертву в колено. Ахмед взвыл. Под ним начала растекаться лужа.

«Готово, поплыл, но усугубим, чтобы не расслаблялся». — Удовлетворённо кивнул головой Леха: «Будешь молчать или болтать не по делу, оставлю так и уйду. — Плёнка перекрыла дыхание «последнего из могикан».

— Сорок два, сорок три, — неторопливо считала девчонка, наблюдая в окно за носящимися по двору ребятишками. За спиной дёргался, пытаясь оторвать батарею, абрек. Увидев, что тот потерял сознание, капитан сорвал пластырь. Нашатырь, вдох, сдавленный кашель.

— Что, не узнал? — Спросила Оля бывшего мучителя. — Ну и ладно, тебе уже без разницы. Хотя, можешь повспоминать, напоследок.

Умело построенный допрос не занимает много времени. Вопросы простые и конкретные: «Где, что, когда».

Ахмед работал на местного авторитета. Кличка «Камаз», живёт в посёлке под Москвой. Охрана. В команде человек сорок. Под ним десяток таких групп, как у Ахмеда, и несколько точек на трассе.

— Что ещё? — Добавил недовольство в голосе Бессонов, изобразив угрожающий жест.

— Оружием занимается, точно не скажу. — Выдохся язык.

Леха проверил содержимое карманов пленника: «Это не мародёрство, он ведь живой, пока».

— Правильно? Во-от, согласен. Какое же мародёрство, ежели ты согласен. — Пошутила девчонка, разряжая обстановку. Обнаружил две карточки. Кинул ручку и блокнот — Пиши PINы.

— Вы мне за поруганную честь должны. — Стряхнула несуществующую пылинку с рукава странная девчонка. — Скользкий юмор не соответствует обстановке, но клиент должен поверить в возможность остаться в живых. Уж больно не вяжется хрупкая девчонка с изогнутыми телами окоченевших приятелей и безжалостной пыткой.

«А вы что, думали, вам до старости вот так, по шерсти, везти будет?» — хмыкнул капитан.

— Продолжим. Вот тебе бланк доверенности, можешь не заполнять. Я на твоём авто съезжу к банкомату, проверю счёт и, если не соврал, отпущу».

— Всё, вроде? — спросил Алексей, проверяя бумаги. — Ничего не хочешь сказать..., напоследок?

Ахмед замер. Переход от надежды к отчаянию должен быть внезапным.

— Да, ты не пугайся, пошутила я. Кстати. С кем ваш «грузовик — оглы», враждует?

— Открыто ни с кем, но местные зуб точат. Витя Маленький, из Останкинских. — С готовностью откликнулся пленник,

«Теперь все». — Тоненькие пальцы порхнули, обернув плёнку вокруг плешивой головы сутенёра.

— Хреновую вы себе работу выбрали ребята, стыдную. Потому и смерть вам такая. В общем, по Сеньке и шапка. — Прозвучало это как эпитафия.

Оставив затихшего главаря рядом с подчинёнными, подошёл к зеркалу и оставил короткое послание.

Выведенная аккуратным, ученическим почерком надпись гласила: «Привет от Вити».

## Глава 2

### Редактор и покойники

Неспешно пробираясь на трофейном джипе сквозь московские пробки, Леха недоумевал: «Столько фильмов видел про то, как мужчина превращается в женщину, и во всех мужики, ломая ноги, неуклюже пытаются пародировать женские повадки. А тут, без малейших затруднений, совершенно естественно вписался в женскую пластику? Непонятно. Очевидно, помогает её память? Не только воспоминания прошлого, но и память тела. Интересно, а мои навыки сохранились? Девяносто процентов умения бережёт тело, не зря его тренируют до автоматизма. Но ведь десять-то голова, рассудок... — Надо проверить».

Бросив переливчатый джип возле входа в спортивный магазин, Ольга прошла внутрь.

— Здравствуйте, — выскочил навстречу бойкий паренёк. — Подсказать?

«Странно, не продавец, а сама любезность? А, понятно... Всё забываю делать поправку на новый облик. — Сообразил Алексей. — Непривычно, когда тебе щерятся мужики, хочется оглянуться или дать в ухо».

— Где у вас ножики продают? — смущённо улыбнулась девушка. — Хочу своему парню сделать подарок. Последняя фраза далась ей с некоторым затруднением, однако, назвался груздем, будь добр, соответствуй.

— У нас отличный выбор. — Заучено принялся рекламировать товар приказчик.

— Одну минутку, — покупательница в раздумье сложила губы трубочкой. — Покажите мне вот этот, ещё один с верхней полочки и два с витрины.

Оля выбрала приличную финку с красноречивым названием «Смерш».

— Эти ножи практически идентичны тем, которые применяют в спецназе. — Продавец, расхваливая товар, ненароком угадал.

— Ага, только гарды нет, — прикидывая вес, задумчиво согласилась Ольга, — и тонковат.

Не ожидавший такого знания предмета, рассказчик поперхнулся,

— Мой друг увлекается, — непринуждённо объяснила она. — Запомнила.

— Вот этот. — Отложила финку, — и..., может, ещё те...? — Два метательных ножа, копия Осы, но поменьше и без заточки,

легли рядом.

— Ещё доску, — кивнула привлекательная покупательница на деревянную мишень, висящую в конце зала. — Можно проверить? — Она невинно взглянула на собеседника.

Лицо продавца вытянулось. Он пожал плечами, недоумевая, каким манером девчонка собирается проверять, как она выразилась: «доску».

Подбросив нож на ладони, поймал центр тяжести и, уповая на выработанные годами рефлексy, взмахнул рукой. Нож глубоко вошел в центр круга: «Хе-хе..., помнят ручки-то».

— Беру, — она вынула деньги, прервав задумчивое созерцание молодого человека поражённой мишени. — Заверните.

На выходе ждала неприятность. Неизвестно откуда возникшие мужички в салатных распашонках спорo окутывали её авто тросами, явно собираясь погрузить джип на платформу.

— Ребятки. — Хозяйка приблизилась к труженикам проезжей части. — Распрягайте, рассчитаюсь на месте.

Хмурые дорожники продолжали цеплять троса.

«Не понял? Со слухом плохо? — Алексей не завёлся, но уже недоумевал. — Что это за плебейское хамство?»

Наконец, один из работяг процедил сквозь зубы, обходя девчонку по касательной.

— Вон, к начальству иди там и вякай. Командирша сопливая. — Он ненавязчиво, но крепко пихнул плечом вовсе не мешающую движению помеху.

«Ладно, с тобой после». — Отложил Леха в памяти поведение нагловатого маргинала.

Оля приблизилась к ГАИшной мыльнице. Легонько постучала по матовой тонировке согнутым пальцем: «Командир, я хозяйка, штраф выписывайте».

Пауза, сродни МХАТовской, затянулась.

Не дождавшись повторения просьбы, «гаер» приоткрыл боковое стекло.

— Поздно хватилась, с арестплощадки заберёшь. — Лениво процедил офицер.

Леха оценил заплывшее жиром лицо, возникшее перед Ольгиным носом, и понял: «Уговаривать бессмысленно. Этот упивается властью. Ему не столько нужны деньги, как сама возможность заставить человека униженно просить. Конечно, в итоге можно и копеечку сдёрнуть, но прежде поизмываться в своё удовольствие».

— Надеюсь, вы понимаете, что поступаете незаконно? — Уточнила она, чтобы после не было недоразумений. — В

присутствии хозяина арестовывать машину.

— Ты, б..., мне тут ещё про законы будешь? — Неожиданно «завёлся» дорожный тать.

«Чего это он? Нервный, или это на слово «закон» аллергия? — удивился Леха. — Нет, так нет. Не хочешь по закону, будем «ровнять по понятиям».

— Товарищ капитан. — Обратилась водительница к «старлею», изобразив сладкое подобие многообещающей улыбки. — Давайте решим вопрос..., на месте. Вы позволите даме присесть? — Тон прожжённой шалавы Леха симитировал весьма ловко.

Сообразительный «гаер» уловил знакомые интонации, окинул взглядом ладную фигурку и расплылся в масляной улыбке. — Садись, подружка, карамелькой угощу.

«Ну, ну. Пошуту, пока». — Недобро усмехнулся про себя оскорблённый разведчик.

Девчонка махнула работягам. — Отвязывайте, сейчас всё уладим.

«Мусор», (Господи, прости за грубое слово, но кто же он ещё? с такой-то харизмой?), благодушно кивнул, подтверждая хозяйкины слова. Скользнув на сидение, девчонка легонько коснулась большим пальцем руки его лоснящейся, не влезающей в форменный воротник, шеи и ласково проворковала. — Ой, помадой испачкали. Жена ругать будет. Я вытру.

Ожидание релакса перешло в глубокий сон. Голова коррупционера запрокинулась, рот приоткрылся, открывая несвежий язык. Ослабив нажатие в точку, расположенную под левой скулой, Оля откинулась на сидение: «Ну, вот и договорились. Теперь отдыхай».

Его всегда развлекало перечисление «смертельных» точек, которые печатают в книжках по самообороне. — «Точек, конечно... как грязи. Но, давить на выбранную, упираясь со всей силы, без толку. Физика тут не поможет. Смысл воздействия в прохождении энергии. На фаланге большого пальца, к примеру, идёт канал тай-инь, в переводе — ручной канал лёгких. А на шее янь-цзяо-май. Отвечает за кровообращение. Совмещение противоположных энергий ведёт к угнетению функций выбранного органа. А если подержать чуть дольше..., ну, понятно. Клиент, как говорится, может и «ласты склеить».

Элементарно, казалось бы. Одна закавыка. Для того, чтобы сработало, меридиан и точка на пальце должны быть открыты, а вот это и достигается годами тренировок и медитаций. Но это так, к слову. Просто мне нужно было выждать время, чтобы работяги успели освободить моего «коня».

А лейтенанту, к сожалению, уже не стать капитаном. Даже лёгкое нарушение кровообращения мозга ведёт к трудно обратимым последствиям. Он, конечно, уже и не вспомнит, что стало причиной столь печального исхода. Врачи определяют стопроцентный микроинсульт.

Перевозбудился, кровь в голову и привет... А я при чем? — Напоследок Алексей открыл бардачок и выгреб кучу смятых купюр. — Ничего себе? Трудненько ему после таких доходов на больничном сидеть придётся. Но, сам выбрал. Предлагали ведь ему по закону. Но, будем надеяться, пары месяцев ему, для перевоспитания, хватит».

Захлопнув дверцу и помахав ручкой тёмному стеклу, Ольга прошла к машине.

Уже открыв дверцу, автовладелица поманила хама с рожей профессионального алкоголика. В руке у девчонки мелькнула свёрнутая в трубочку тысячная купюра.

Запеленговав знакомый цвет, тот трусцой подлетел к джипу.

— Любезный, заметила, у вас со слухом неважно, вот, подлечитесь. — Мило улыбаясь, проворковала Оля.

Мужик, удивлённый странной щедростью, потянулся к деньгам, но девчонка неуловимым жестом сунула купюру ему в ухо и чуть толкнула.

— Ой, @ля. — Схватился за голову клиент.

— Ничего. Ничего. По частям..., пинцетиком, доктор вынет. Склеишь, в банке за полцены возьмут. — Пошутил Алексей на прощанье и выжал газ.

«Не то, что ему доставило удовольствие издеваться над жлобом. Но, в последнее время, люди сами, почему-то, норовят пнуть больнее. Возможно раньше, в силу габаритов, ему не задалось встречаться с бытовым хамством столь часто. И поэтому, вполне рядовые события, происходящие с ней, вызвали столь бурную реакцию?» — Сидя в машине, под тихое журчание русского радио, Бессонов размышлял о том, как жить дальше: «Для чего меня занесло в тело бедной девочки? Неужели только, чтобы отомстить этим подонкам? Тогда, будем считать, программа выполнена. Пора уходить. Но, судя по всему, повторной кончины не намечается. Жить её жизнью не смогу. Какая из меня женщина? Смех один. Я, ведь, первому кавалеру голову сверну. Идти в психушку с подобной историей, вряд ли здравая идея. И меня не спасут, и её залечат. Зайдём с другой стороны. Не случись всего, лежать ей сейчас в придорожной канаве, небрежно присыпанной землёй, это сто процентов.

Если кто-то всемогущий хотел сохранить её жизнь, мог бы послать любую другую девчонку. Мало их? А попал я,

профессиональный, будем называть вещи своими словами, «мокрушник». Значит, так и было задумано. А поскольку делать в этой жизни ничего другого не умею, я должен продолжать свою работу. И не зря началась она с этих подонков. Дальше — остаётся идти по цепочке, а там видно будет. От такого вывода ему стало легче. Привычнее, что ли.

«Цель понятна, следует разработать план и выполнять. Вперёд. Если ошибусь, меня всегда могут вернуть на тот склон, к моим, уже, наверное, некрасивым костям».

Определив ближайшую перспективу, он занялся тактикой. — «Сорок бойцов — это серьёзно. Воевать — не с руки, нужен снайпер. Снайпер, это — я, а где взять подходящий инструмент? На базаре не продадут. Хотя? Есть одна намётка. Так, отложим ствол в сторону». — Размышления нарушило явственное урчание в животе. — «Действительно, сколько времени она не ела? Сутки, двое? Надо подкрепиться».

Недалеко от дороги, чуть в стороне, заметил вывеску небольшой кафешки.

Тихо, чистенько, спокойная музыка, несколько парочек сидят под разноцветными абажурами, в приглушённом свете видны только фигуры и неясные тени. Официантка подала меню.

— Котлету с гарниром, крабов, селёдочку в уксусном соусе, кальмар под майонезом, салат из помидоров, водочки грамм триста, сок апельсиновый. — И тут Леха замер, сообразив, что официантка пытается что-то спросить.

— Вы ждёте гостей? — уточнила девушка.

— В смысле? А? Нет. Проголодал... — ась. Ладно, кальмар отменяется, и... водку, пожалуй, вычеркните.

«Неизвестно, как поведёт себя её организм от детской, с моей точки зрения, дозы. Рисковать не стоит».

Автоматически закулив, погрузился в размышления: «Надо определиться, где спать? Ночевать в машине как-то не с руки. Мне-то не привыкать, а девчонка и так какие сутки по шалманам».

Неожиданно он сообразил, что относится к Ольге слишком по-отечески. «Может, потому, что своих детей так и завёл? Сначала не с кем было, потом командировки, жена не хотела, а после и вовсе ушла. Не задалось».

«Какая разница? — Разозлился он на себя. — Психолог хренов, фрейдист доморощенный».

Расстроено смяв окуроч в пепельнице, заметил, что человек за соседним столиком внимательно наблюдает за ним.

«Вроде его не было, когда успел подсесть? — Алексей начал вспоминать. — Точно. Официантка стояла в три четверти,

перекрыв траекторию, он прошёл и сел. Плохо, вот так и случаются провалы. Все эти размышления, так совсем контроль ослабишь».

В наказание за расслабуху приказал составить словесный портрет и прокачать соседа по всем параметрам.

«Рост — метр семьдесят восемь, плюс минус сантиметр. Телосложение—среднее, возраст — примерно тридцать пять, волосы темно—русые, зачёсаны наверх и вправо, короткие. Черты правильные, глаза карие, средние, нос прямой, с лёгкой горбинкой, носовые складки симметричные. Что ещё? — Подбородок выпуклый, квадратный, на лбу три морщины, параллельны. Руки ухоженные, дела с железом не имеет, одет дорого, со вкусом, работал дизайнер, носки в тон. Ботинки не стоптаны, поведение естественное, средней открытости, жесты плавные, мотивированные. — Ладно, вижу, помнишь».

Хитрость в том, что при составлении такого портрета нельзя смотреть на объект. Выбирается всё, что отложилось в памяти. С одного взгляда. «Теперь выводы. Женат, есть ребёнок. Отношения в семье хорошие, скорее всего, руководит чем-то некрупным. Какая-нибудь торговая компания. Ориентация нормальная, женат первым браком, не менее семи лет. Посматривает на молоденьких с явным практическим интересом, значит, жена старше и уже наскучила, но уходить даже не думает. Сел лицом к двери, хотя неудобно, похоже, кого-то ждёт...»

Развлечение прервал стук приборов. Бросив заниматься ерундой, навалился. Утолив голод, выпил сок.

«Жизнь налаживается». — Улыбнулся старой шутке.

Тем временем атмосфера в кафе внезапно накалилась. Троица здоровых парней по—хозяйски расположилась за столиком, где уже сидел привлёкший внимание посетитель.

— Заткнись, козёл, — невежливо попросил один из них слабо выкнущего аборигена.

Алексей вздохнул. — «Нигде от них покоя нет».

Мужчина завертелся, подзывая администратора. Куда там, почуяв жареное, мужичок в похоронном костюме благоразумно исчез в глубинах кухни.

Голоса зазвучали громче. Мужчина встал и двинулся к столику, за которым сидела Оля. — Простите, идиотская ситуация. Утверждают, что они заказывали эти места... Затевать скандал не хочется, Вы позволите сесть к вам.

Ольга пожала плечами.

Диверсант прокачал ситуацию. — «Может, подстава? Классический финт для установления контакта. Мотивировано. Лёгкая неловкость и униженность должна вызвать симпатию и

жалость. Хотя, торопиться с выводами не стоит. Иначе подозрительность может превратиться в паранойю».

Однако, инцидент получил развитие. Видимо, что-то, сказанное в сердцах посетителем, не понравилось хамоватым искателям приключений.

Один из них встал и, распространяя тяжёлый пивной выхлоп, завис над затихшим посетителем. — Ты что, гнида? От нас к шлюхе свалить решил? А за базар ответить? — Стандартно предъявил незваный гость.

«Вот не стоило так-то. — Колыхнулось в душе разведчика лёгкое раздражение. — Ладно, мне пофиг, но эта падла девчонку ни за что оскорбила».

Ольга подняла голову от тарелки. — Хватит базлать. Иди к себе, не ищи проблем.

Неизвестно, что послышалось в её словах нахалу. Но то, как это было сказано, не очень походило на обычное женское возмущение. Звучало чёткое предупреждение уверенного в себе, сильного человека.

Парламентёр шагнул назад, однако издевательский смех приятелей пересилил чувство самосохранения, и он вернулся.

— Ах, ты..., учить будет. — Далее набор идиоматических выражений.

«Понятно, ребятки ищут приключений и, судя по всему, уже нашли».

Мужик вспыхнул и рывком поднялся из-за столика, сжав кулаки.

«Всё как обычно. Вот так «на слабо» и разводят. — Усмехнулся ветеран спецназа. — Сейчас он врежет, навалятся всей командой, под шумок свистнут телефон и бумажник, А «терпиле» ещё и за разбитую мебель платить как зачинщику».

Ольга тронула мужчину за рукав. — Здесь не стоит, они Вас провоцируют, лучше выйти, больше шансов, что менты разнимут. И вообще, если рвануть сразу от дверей, могут не догнать.

Дельный, кстати, совет нивелировался тем, что исходил от симпатичной особы.

«Не побежит. — Понял Леха. — Ну, и дурак. Отступление — не слабость, манёвр. Ладно, его дела».

Мужчина дёрнул головой и двинулся к выходу, тройка, ехидно ухмыляясь, пошла следом. Один повернулся и жестом изобразил похабщину.

«Всё, напросились». — Выдохнул Алексей.

Оля бросила на столик пару тысячных купюр и направилась к выходу. А возле крыльца уже шла потеха. Завалив мужчину на загаженный асфальт, тройка нападения азартно пинала его,

норовя достать в голову.

«Ого, да вы отморозки какие-то. За паршивый телефон убивать? Куда катиться мир?»

Спрыгнув с крыльца, Ольга приблизилась к свалке и ткнула в спину крайнего форварда.

Легонько, но, судя по тому, что тот свалился на землю рядом с жертвой, достаточно болезненно. Второй попытался ударить неожиданную защитницу в живот. Делать ему этого не стоило ни при каком раскладе. Алексей и так еле сдержался, чтобы не изувечить первого, а когда эта тварь ударила девчонку... — «Ну, сам горя ищешь».

Лёгкое движение в сторону, захват.

Такое впечатление, что нападающий замер, словно печатая строевой шаг. Взмах маленькой ладони и общая, мгновенная концентрация в момент касания.

Раздавшийся хруст, наверное, был слышен даже в зале. Нога вывернулась. «Всё, отбегался, а может, и отходился. — С запоздалым сожалением мелькнуло в голове разведчика: Хитрость казалось бы несильных ударов — в концентрации. Кроме физиологии есть ещё энергетика. Направленная в конечность она создаёт... Хрен его знает, что она создаёт, но работает наверняка».

Третий, видя неправильное развитие ситуации, замер, пытаюсь сообразить, что произошло. Толчок открытой ладонью в солнечное сплетение последовал так быстро, что ни сам пострадавший, ни кто другой не мог толком сказать, чем его ударили, и был ли удар. Однако результатом стал перелом трёх рёбер и разрыв поджелудочной.

«Легко отделался» — Прикинув возможные последствия, решил Бессонов.

Вежливо предупредив молодых людей о необходимости вести себя пристойно в общественном месте, девушка помогла исполнителю роли потерпевшего встать. «Видок тот ещё. Разбитая скула. Заплывший глаз. Кровь из носа заляпала весь пиджак. Что с органами неясно, но держится за бок и хромает.

— Ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным. — Вздохнула она, открывая дверцу. — Поехали, эй, воин.

Отъехав несколько кварталов, джип тормознул возле фонаря.

— Мужчина, что Вы так дышите, словно Вас катком переехали. Ну, побили слегка, что, в детстве не дрались? Он ошарашено покосился на малолетку, забыв про нос.

— Осторожно, Вы мне весь салон замажете. — Водительница автосарая раскрыла бардачок и вынула ветошь, которой прежний хозяин вытирал лобовое стекло.

Стресс первых минут лучше всего снимается обыденностью поведения.

— Куда едем, командир? — голосом московского бомбилы отвлекла она пассажира от переживаний.

— В Медведково. — шепеляво пробормотал он разбитыми губами.

«В Медведково, так в Медведково. — Леха мысленно почесал затылок: Бесполезно. Где Кунцево, где Медведково, для меня без разницы, всё равно, не знаю».

— Вот что, садись рядом и показывай дорогу. — Наконец выдала провинциалка своё невежество. Мужчина перебрался на переднее сидение.

— Вы не местная? — С удивлением сообразил он.

— Хм, а что, заметно?

Видно по голове ему пришлось не слабо — ушиб мозга, если не сотрясение.

— Может, в травму заедем?

— Нет, спасибо, я домой. — Отказался потерпевший.

Повинуясь его указаниям, кое-как проскочили Кольцевую трассу и двинулись к цели. Добрались, когда на часах уже было около одиннадцати.

— Ну вот, приехали. С вас триста. — Пошутила девчонка, не выходя из роли таксистки.

Мужик распахнул дверцу и, туго соображая, пригласил зайти в гости.

— Жена ужином угостит. — Сморозил он.

— Как бы она тебе за такую компанию ещё не добавила. — Усмехнулся Алексей.

Мужчина сделал несколько шагов от машины и мягко опустился на асфальт.

«Всё же в больничку надо было заехать. — Вздыхнул Бессонов. — Как это у классика? Мы в ответе за тех, кого не убили? Придётся знакомиться с супругой. Будем надеяться, сцен ревности она не будет устраивать».

Захлопнув машину и взвалив достаточно тяжёлого для нынешнего веса спутника на плечо, Леха двинулся к подъезду.

«Слава богу, дверь без кода. — На площадке вынул бумажник тихо стонущей ноши. — Квартира 36. Хоть здесь повезло — второй этаж».

Дверь с панелями под красное дерево, два глазка, дорогой замок. На звонок выскочила миниатюрная блондинка лет тридцати. Картина, надо думать, ей запомнится надолго. Девчонка, с растрёпанными волосами, держит на плече, словно мешок с картошкой, её супруга.

— Ваш? — не придумал большей глупости, чем спросить принадлежность груза Алексей, — забирайте. И шагнул в прихожую. Усадив хозяина в кресло, миниатюрная гостья облегчённо выдохнула и стёрла пот. В результате, вся тушь с глаза осталась на тыльной стороне ладони.

«Мать моя, краска потекла. Представляю, что с ресницами?» — Удивлённо расстроился Леха.

Но хозяйка, растеряно заглядывая в разбитое лицо мужа, на такие мелочи внимания не обращала.

— Витя, что с тобой? — наконец смогла выдохнуть она.

На шум выглянула дочка. Мелкое чудо, лет тринадцати, в наушниках. Увидев незнакомую девушку посреди квартиры, разинула рот.

— Ну, и что стоим? — Понимая, что жена не способна реагировать на слова, обратилась Ольга к подростку. — Папе плохо, обычное дело. Нашатырь давай.

Дите, получив распоряжение, отмерло и рвануло в кухню.

Но глава семейства ожил сам. Он навёл резкость и огляделся. — Маша? — Изумлённо спросил он.

«Интересно, кого он ждал увидеть?» — Невпопад хмыкнул Леха.

Вернулась дочка, растеряно показав руками, — нету.

— Ладно, проехали. А лёд есть, или кусок чего-нибудь холодного, из морозилки.

Она вновь исчезла в глубине квартиры. Хозяин тем временем застонал.

— Тошнит? — влезла жена.

Больной только поморщился.

— Вызывайте Скорую, похоже, сотрясение. — Распорядился Леха.

— Девушка, — наконец разглядела гостью Мария, — а вы кто?

— Да, так, прохожая. Вижу — бьют. Посадила в машину, довезла, а у подъезда он сознание потерял. Пришлось тащить. Ну, вроде доставила. Пойду. Счастливо оставаться.

Алексей развернулся в надежде по-быстрому испариться.

— Стойте. — Завизжала Маша.

«Господи, что вы так кричите, я слышу».

— Девушка спасла меня от хулиганов. — Пробормотал Виктор. — Не уходите.

— Маша, растеряно топтавшаяся возле супруга, закивала головой. Видно, оставаться наедине с проблемами ей было непривычно. Девушка взяла у подроспевшей дочки пакет с куриным филе и приложила к голове пострадавшего.

— Звоните в Скорую, — повторила она распоряжение.

Вызвав неотложку, мать с дочкой, не зная, что делать, стояли над больным.

— Да не дёргайте вы его, пусть отдохнёт, потом всё расскажет. Это всё мелочи, главное — жив. Кстати, где у вас умыться можно, а то я вся в крови перемазалась. — Отвлёк Леха внимание хозяйки.

Зайдя в ванную и глянув в зеркало, он в который раз поразился метаморфозе. Девичье личико с размазанной по щеке тушью и растрёпанными волосами — всё равно привлекательное и симпатичное. Кое-как смыв тушь и причесав волосы, принялся за куртку. Однако пятна крови из носа впитались в тонкую кожу и смотрелись отвратительно. — «Тысячу выкинул, кстати. Раз уж так вышло, переночую тогда я здесь. Может, не прогонят спасательницу?»

В гостиной уже колдовал врач Скорой. Глянул в зрачки, измерил давление. «Ох, уж эти мне, кони в белом». Глубокомысленно изрёк. — Скорее всего, сотрясение мозга и перелом носа, про внутренние повреждения сказать точно не могу. Покажет обследование. Необходима госпитализация.

— Я с тобой, с решимостью декабристки вскочила Маша.

— Не стоит, его сейчас будут по кабинетам возить, Вас туда не пустят. — Врач не отговаривал, а констатировал ситуацию.

— Да, да. Маша успокой Лизу, и напои чаем гостью. Она тебе всё расскажет. — Виктор повернулся к жене, но закрыл глаза от боли.

— Всё, несите, — распорядился врач санитарам. Проводив мужа, супруга вернулась обратно. Видок у Марии был потерянный.

— Ну, что Вы кукситесь? — Решительно взяла гостя инициативу в свои руки. — У меня мама хирург, я сама почти доктор, ничего серьёзного, всё обойдётся. Лучше давайте, как сказал Ваш муж, попьём чаю. Я расскажу, что случилось, а то мне ехать надо.

Устроившись на аккуратной кухне, они пили чай с печеньем. Уплетая вкусный корж, Леха коротко изложил версию событий.

«Пьяные хулиганы, испугались воплей защитницы, разбежались, а остальное по тексту».

— Спасибо Вам большое. — Наконец сообразила поблагодарить хозяйка, не заметив изъянов. Она уже пришла в себя, по извечной женской привычке успела оценить Олину внешность, наряд, не упустила и колечко.

Не сочтя пигалицу угрозой семейному очагу, она всплакнула и попыталась завести бесконечный женский разговор, когда обе

разговаривают одновременно и слышат только себя. В отличие от неё, разведчик слушал умело. Где нужно кивал, где требовалось, соглашался, не забывая демонстрировать жестами полнейшую открытость и расположение. Не удивительно, что уже через пятнадцать минут он знал всё о семействе редактора небольшой газеты Виктора Обухова, всё, включая пристрастия дочери и маленькие проблемы самой хозяйки.

— А Вы? — сообразив, что за час так ничего и не узнала о собеседнице, удивилась Маша.

— Я поступаю в институт, приехала из Краснодара. Мой папа там занимается бизнесом. «Надо как-то замотивировать недешёвый джип под окном. Ха, видела бы она крупного бизнесмена в рваных носках и растянутых тренировочных штанах, сидящего у телевизора».

Олин батя всю жизнь прослесарил на небольшом заводе, но дочку любил и отпустил в столицу с крайней неохотой. Как выяснилось, не зря он опасался. Ну, это реплика в сторону, как писали в старых романах.

— Живу в гостинице, где-то в центре, как искать буду? Ума не приложу.

Маша среагировала на лёгкую провокацию адекватно. Перспектива метаться по комнате, накручивая себя разными страхами, её не прельщала.

— А оставайтесь ночевать. — Предложила она. — У нас три комнаты, так, что не стесните. Время уже двенадцать. Куда ты поедешь? — Взяла шефство над провинциалкой москвичка, обретя некую уверенность столичного жителя. — Мы тебе очень благодарны.

Дочка, крутившаяся во время чаепития рядом, признав в госте почти сверстницу, решила привлечь внимание и потащила к себе в комнату.

Вывяснив, что в молодёжных феньках Оля ничего не понимает и, списав на дремучую провинциальность, прониклась расположением. Уже через пять минут девчонки разглядывали, как выразилась Лизавета, прикольные картинки в её компьютере, на Лехин консервативный взгляд больше похожие на суровую порнуху, разбавленную туалетным юмором. Но, иные времена, иные нравы. Нашим родителям битлы тоже казались верхом разврата. Чего уж теперь?

— Лиза, отпусти Олю. Она устала. — Не выдержала одиночества мать.

— Все, спокойной ночи. — Попрощалась новая подружка с малолетней стрекозой, пообещав утром прокатить до школы на джипе.

— Оля, Вы не знаете, — наконец приступила к главному Мария. — Зачем Витя ездил в это кафе. Собеседница пожалала плечами: Откуда?

Маша продолжила: Он оставил машину, сказал, что у него важная встреча с каким-то человеком, и вообще очень оживился, когда тот ему позвонил.

Остальная часть разговора кроме нескольких мелких фактов смысловой нагрузки не имела. Лёгкий трёп за жизнь, причём говорить Ольге не пришлось. Где-то часа в два Леха не выдержал и начал зевать. Наконец, гостью отпустили на боковую.

Проснулся от голосов в коридоре.

— Лиза, ну, нельзя же так, — отговаривала мать дочку. — Легли поздно, она устала.

— Мы же договаривались? — Канючила та.

Встаю, — крикнула Оля через дверь. — Сейчас.

Выпив кофе, отправились вниз. Обещал — выполняй.

— Вы не сможете отвезти меня в больницу? — попросила Мария.

— Хорошо, только завезём Лизу в школу, и я в Вашем распоряжении. — Алексею почему-то не хотелось впрягаться в суету.

Кстати, вспомнив про бандитов, он нащупал в кармане кредитку. Притормозив у банкомата, набрал код доступа.

На счёту у покойного лежало чуть больше трехсот тысяч рублей. С нескольких заходов банкомат отдал всё.

— Вот и готово, не опоздаем? — Оля вернулась к машине, где ожидали мать и дочка. — Деньги сняла, — объяснила она задержку.

На деньги у Лехи были далеко идущие планы: «Хороший инструмент стоит дорого, так что пригодятся».

Высадив Лизу у подъезда школы и посигналив на прощанье, они двинулись в сторону больницы. Где она находится, Леха даже не представлял, поэтому несколько раз Марии пришлось спрашивать у прохожих. Наконец, показался кирпичный угол.

— Огромное спасибо, — Мы Вам так благодарны, она помялась и, наконец, продолжила. — Может Вы со мной? Я не знаю, но вдруг потребуется, что-нибудь подтвердить для милиции.

«Ну, это вы хрен угадали. — Алексей категорически не горел желанием общаться с серыми братьями, но, чтобы не спорить, кивнул в знак согласия. Сходить можно. А там уж, как получится».

Сейчас, при свете дня, выглядел Виктор совсем не важно. Отёкшее лицо, заплывший глаз. Поговорив с женой, он обратил

внимание на Ольгу.

— Огромное Вам спасибо. — Пробормотал он. — Вы не оставите телефон, если потребуется подтвердить факт избиения.

— Конечно, конечно, — Оля с готовностью покивала головой.

— И ещё одно, — он испытующе глянул на девушку. — Маша сказала, Вы остановились в гостинице. Может быть, пока я в больнице, поживёте у нас? — больной помолчал, собираясь с мыслями.

— Дело в том, что эти хулиганы пристали ко мне не случайно. Мне назначил встречу офицер, пообещав материал про торговлю оружием из армии, конкретно с северного Кавказа. Здесь этим делом занимается некий «Камаз». Очевидно, таким образом меня предупредили, чтобы я не совал нос в это дело. Вы не обязаны..., но я помню, как Вы расшвыряли их, и, думаю, с Вами Маше будет спокойней. Она совершенно непрактичный человек. Я заплачу. Скажем, тысячу в день. — Он сжал губы, не отказывайтесь, прошу, я очень беспокоюсь за моих.

Пока в разговоре не прозвучало имя, Бессонов даже голову не забивал этим предложением. «Всему есть разумный предел. Свои проблемы каждый решает сам. Но последние слова насторожили, это меняет дело. Не зря, ох, не зря попался мне этот человек. Похоже, выход на фигуранта упрощается. Вот и славно».

Чтобы не вызвать подозрений девушка слегка помялась и нехотя дала согласие:

— Недельку я смогу пожить, а потом будет видно. Но, не ждите от меня чудес. Я — провинциальная девушка, владеющая несколькими приёмами, и всё.

— Что ты, я понимаю, только побудь рядом с Машей. — Приняв Ольгу на работу, Виктор изменил и форму обращения

— Начинается обход. — Предупредила медсестра. Дамы спустились к машине.

— Давайте, я отвезу Вас домой, а потом заберу Лизу из школы, — приступила Ольга к обязанностям. — Если кто-то хочет напугать или заставить Виктора отказаться от своих замыслов, то через дочь это сделать проще всего. Мария, подавленная известиями, не спорила.

Подъехав к школе чуть раньше полудня, когда заканчивались уроки, Леха бросил авто в переулке и, прогуливаясь, подошёл к входу. Подозрительная семёрка, блестя тонированными стёклами, одиноко стояла на противоположной стороне дороги, но, судя по тянущейся из приоткрытого окна струйке табачного дыма, в ней кто-то был.

«Курить в закрытой машине удовольствие сомнительное, почему не открыть окно? Странно. Вот что, не будем искушать

судьбу». Пройдя в здание, он быстро нашёл класс. Когда прозвенел звонок, и удивлённая встречей девчонка подбежала к новой знакомой, спросил, — А есть в школе чёрный ход?

— Конечно. — Проныра, весело щебеча, повела Ольгу по коридорам. Выйдя в заваленный мусором двор, они протиснулись через решётку и незамеченными добрались до машины. На все вопросы Оля коротко ответила. — Мама тебе всё объяснит, а сейчас домой.

Оставив неизвестных ожидать у моря погоды, в пять минут добрались к дому. Сдав Лизу матери, Леха категорически наказал сидеть дома и не открывать никому.

Сам же решил заняться поисками инструмента.

Веди снайпер дневник, свои последующие действия Леха вполне мог описать следующим образом.

«За годы службы мне случалось иметь дело с разными людьми. Жизнь научила — нет людей хороших или плохих. Судьба и обстоятельства делают их такими. Кому-то повезло, ему не пришлось стоять перед выбором, который мог сломать человека, и он прожил жизнь честно».

В середине девяностых у моего сослуживца произошло несчастье. Тяжело заболела жена. Попытка найти денег честным путём закончилась, не начавшись. Геннадий выбрал другой путь. Детали остались за кадром, но деньги он нашёл. Каким образом, стало ясно, когда после очередной проверки выплыла недостача нескольких единиц вооружения. Стрелка упёрлась на него, но командиры не сдали. Кому охота выносить грязь на всеобщее обозрение. После тяжёлого разговора Геннадий подал рапорт и уволился со службы.

Однако не пропал, обустроился в гражданской жизни и даже поддерживал контакты с некоторыми из сослуживцев. Подозреваю, что не только из-за верности боевому товариществу.

«Все мальчики большие. — Рассудил я и ребят не осуждал. Когда зарплату не выдают несколько месяцев, моральные аспекты менее актуальны». Жизнь продолжалась. Гена перебрался ближе к столице и сейчас жил в Твери. Городок тихий, недалеко от Москвы. Адрес его мне как-то давно продиктовал товарищ и намекнул, что интерес свой к оружию Гена не оставил, более того, перешёл на более высокий уровень. Вот его-то я и решил навестить.

«Машину искать не будут ещё пару дней, и я могу спокойно кататься на экспроприированных колёсах». Решив так, я выбрался из Московской толчеи и двинул в Тверь. Мощный джип домчал за пару часов.

Гена здорово изменился, потолстел, обрюзг и ничем уже не

походил не резвого старлея, которого я знал. Но мне с ним не детей крестить.

Он весьма неприветливо встретил неизвестную девчонку, пришедшую к нему со скромной просьбой. Посодействовать в покупке снайперского оружия. Иначе говоря, он послал её в известный адрес. Я был готов к такому развитию событий и поведал ему одну старую историю, не имевшую, по странной прихоти законодательства, сроков давности.

Озадаченный Геннадий поскрёб в затылке, недоумевая, откуда столь пикантные подробности могли стать известны посторонним, но решил не искушать судьбу и скрепя сердце пообещал глянуть. Гена логично предположил, что кто-то из старых знакомых, испытывая нужду в инструменте, привлёк девчурку для большей конспирации. Случай, пересказанный девочкой, был известен всего нескольким из их группы. Ссориться с кем-то из старых друзей и трогать покупательницу он не решился. Поэтому через два часа мы завершили сделку в небольшом гараже на окраине. За потрёпанную «Драгунку» и коробку патронов, пришлось выложить почти все деньги, снятые с карточки. Чтобы у бывшего товарища не возникло желания всучить барахло, намекнул, что фактический покупатель верит опыту продавца и не сомневается в его порядочности.

Благополучно миновав посты ДПС, Ольга вернулась в столицу. Прикопав инструмент на небольшом пустыре, поспешила к дому.

Маша от беспокойства приложилась к бутылке Мартини и потому мирно спала на диванчике. Дверь открыла Лиза. Крайне злая тем, что весь день пришлось быть в четырёх стенах, она буркнула что-то сквозь зубы и ушла к себе. Переживать из-за детских капризов Леха не стал.

Отсутствие внимания со стороны домашних Виктора устраивало как нельзя лучше. Открыв папку с рабочими материалами в его ноутбуке, он почти сразу наткнулся на черновик статьи о торговле оружием.

Сплетни и слухи, ничего заслуживающего внимания. Ну, вывезли с Кавказа контейнер, другой стволов. И что? Никаких фактов. Из-за такой ерунды устраивать наезд? Дичь.

Внимание привлёк короткий абзац, почти в самом конце материала. Автор, ссылаясь на источник в одной из частей, туманно обмолвился, что:...попал в засаду и был убит один из причастных к этому делу, капитан спецназа, Алексей Бессонов. Погиб, весьма своевременно, поскольку его уже давно подозревали в соучастии и буквально днями собирались арестовать.

Алексей даже и не понял вначале, что речь идёт о нём. Решил — однофамилец, но, когда вчитался, сомнения исчезли.

«Что за хрень, какие пряники? — рассуждать спокойно в такой ситуации трудно. — Мало того, что не всё ясно с той засадой, так ещё и на мёртвого чьи-то грешки решили повесить?»

Разозлился Леха качественно. Всерьёз: «Ну, ребята, не годится так. Будем выяснять».

Закрыв ноутбук и начал анализировать ситуацию. — «В принципе, есть два варианта. Первый — журналист высосал всё из пальца, имея какую-то информацию о гибели спецназовца и решив добавить колорита. Либо, это умышленная попытка перевести стрелку и закрыть дело.

Чьё это творчество, и кто так вольно распорядился его именем? Вот, что нужно узнать, и разобраться с выдумщиками. Он, говоря по совести, не очень и злился на тех абреков, что пытались взять снайпера. Война, они делали свою работу. Так, что с ними ему делить нечего, а вот того мерзавца, который придумал этот финт, он очень хотел увидеть. Так сильно, что едва не рванул к редактору, задать пару вопросов».

Поостыв, решил не гнать лошадей и довериться пословице. «Утро вечера мудрёнее». Проверил замки и, выставив на входе простенький сторожок в виде двух стеклянных банок, отправился спать. Негромкий звон разбудил около двух часов. Кто-то, аккуратно вскрыв замки, попытался забраться в квартиру. Не успев накинуть на себя ничего существенного, девчонка выдернула из ножен финку и замерла на пороге.

Дверь, тихо сдвигая банки, приоткрывалась: «Не профи, те среагировали бы иначе».

В два скользящих шага Леха переместился за входную дверь. В проёме показалась рука с зажатым в кулаке стволом. Сомнения в непрофессионализме злодея превратились в уверенность. Даже первогодок знает, проникать в помещение следует либо в нижнем секторе, на полусогнутых, либо рывком, но, уж во всяком случае, не вытягивая руку с оружием вперёд. Держать же пистолет рекомендуется ближе к телу, на уровне пояса.

Леха не стал ждать, когда «тихушник» просунется в дверь, и махнул лезвием, а на возврате, достал прямым в печень дёрнувшегося от неожиданности и боли злоумышленника. Стук пистолета о паркет совпал с визгом подраненного.

«Захватывать его, резона нет. Он — простой исполнитель, способный назвать, разве что, имя отдавшего приказ. А куда его потом? Сколько времени придётся успокаивать хозяек дома и как общаться с милицией?»

Поэтому дал воющему от страха и боли горе бандиту

убраться восвояси. Наконец, в прихожую выскочили разбуженные воплями мать и дочка. Зажёгся свет, и они увидели квартирантку с неслабым ножиком в руке и лужицу крови возле открытой двери. Хорошо ещё, ствол она успела запнуть в комнату.

— Всё в порядке, — Оля прикрыла дверь и незаметно спрятала нож за спину, — попробовали, не вышло.

В порядке было не всё. Истерика, естественно, случилась. Маша пыталась вызвать милицию, позвонить мужу, задвинуть дверь шкафом. Наконец, Алексею всё это надоело и, плюнув на приличия, он вправил мозги. Старшинский мат, с трехэтажным спряжением, стал откровением даже для продвинутой дочки. Плач оборвался, и наступила тишина.

— Всем спать. — Скомандовал Алексей. — Остальное завтра. Я на страже. — Приободрив таким образом, выждал минут пять и отправился в спальню. Утро прошло в безуспешных попытках объяснить Маше, что для неё и дочери будет безопаснее на время уехать.

— Получив отпор, бандиты могут предпринять кардинальные меры, и тогда не факт, что я смогу прикрыть вас от нападения. — Убеждала Ольга.

— Мне нужно поговорить с Виктором, — упёрлась Мария.

«Пообщаться с ним, по всякому, не мешает. — Согласился в душе Леха. — А вот джип теперь стал опасен. Они, несомненно, поставят за нами хвост, и для главарей будет неприятным сюрпризом узнать, что передвигается жертва на машине их покойного сподвижника».

В больницу поехали на такси. Хвост и впрямь был. Вчерашняя семёрка, особо не прячась, плелась следом до самой больницы.

## Глава 3

### «Камаз» — машина хорошая, но дурная

Андрей Кармазин, по кличке «Камаз», которого Алексей посчитал земляком сутенёров, был потомственный русак, в заблуждение ввёл Ахмед, привычно добавивший к имени уважительное обращение Оглы. Однако продажа девчонок на потребу ближневосточным контрагентам приносила неплохой доход. Поэтому, не без оснований полагая неприличным самому заниматься этим прибыльным, но слегка неавторитетным бизнесом, он нанял для этого дела южан. А в ответ шёл другой товар. Огнестрельный. Связи в таможне позволяли гнать его дальше на запад, почти не засвечивая себя. С Кавказа на Украину или в Белоруссию по коридорам, оплаченным на самом верху.

Отсутствие вестей от подчинённого несколько удивило авторитетного предпринимателя, но встревожился он лишь на третий день. Устав от неустроенности тюрем и пересылок, «Камаз» полюбил свою дачу, выстроенную в ближнем Подмоскowie, и почти всё время жил там. Вот и сегодня он сидел на террасе и беседовал с начальником собственной безопасности.

— Понимаешь Макс, — Авторитет, разменявший пятый десяток, однако сухой и жилистый, как настоящий шоферюга, отхлебнул сок из высокого стакана и продолжил. — Последняя партия товара с Кавказа едва не засветилась. Накладки. Тема ушла какому-то журналисту. По пьянке болтанул один человек. Земля ему, — небрежно обмахнулся «Камаз». — Писака нацарапал статейку и приволок в редакцию. Тут повезло, вовремя перехватили. Журналиста мы прижали. По нашему приказу он вызвал редактора на встречу, где его должны были слегка предупредить, чтобы отбить охоту совать нос в чужие дела. И вот тут началось странное. В разборку влезла какая-то девка. Уложила всех наших. А сама вместе с редактором села в машину Ахмеда и свалила. На следующий день пацаны решили прихватить дочку этого «папараца», однако, всё та же девка увела её из-под носа и опять на этой тачке.

Пацаны завелись и отправили гопника, вскрыть хату и навестить семейку, благо, что мужика ихнего всё же в лазарет приняли. Тихарь получил удар пером. От кого, неизвестно. А поутру из подъезда вышла жена этого хмыря, дочка и девка. Как тебе история? — Наконец закончил монолог бандит. Собеседник его, светловолосый средних лет мужик, слушал внимательно, умело.

— Хорошая история, — наконец высказал он мнение, — Ахмед, надо думать, так и не объявился?

— А то? — среагировал хозяин, — Сами ищем. С утра людей по его точкам отправил.

— Что за накладка с товаром? — Привыкнув выяснять тему досконально, специалист вернулся к деталям.

— Да, там много накручено. — Нехотя процедил «Камаз».

— А все-таки? — Макс пристально взглянул на собеседника. — Сам знаешь, в нашем деле мелочей не бывает.

— Вот, блин..., ладно. Короче. Контейнер джигиты, с той стороны, подогнали. Мы послали деньги. Всё как всегда, но тут пошли косяки, Контора прознала место стрелки и через вояк снарядили засаду со снайпером. У басмачей среди федералов оказался свой человечек, отмаячил. На перехват абреки кинули своих боевиков.

Цель была: спеленать снайпера и повесить на него срыв ликвидации. Что там вышло, неясно, но войсковик уделал нашего связного и старшего с той стороны. Через «сливного» известна была и точка, где этого снайпера должны были подобрать. Боевики попытались взять стрелка там, но тот успел подорвать себя и ещё троих духов. В этот момент подоспели вертушки, в общем, унести тело не смогли.

Макс, до этого слушавший молча, покачал головой: Что за вояки? Казалось, всё знали, а упустили.

— Во-от, — покрутил сиреневыми от перстней пальцами «Камаз», — и я о том же.

Стали «кубатурить». Как это палево вышло? Контрразведчики не дураки. Враз просекли, что был информатор. Чтобы отмазать своего человека духи подкинули на тело стрелка деньги и бумажку с компроматом. Вышло так, будто этот снайпер был в теме и хотел прибрать деньги за товар себе. Жалко бабки, но агент важнее. Ты, кстати, имей в виду — если звон пойдёт, то лишь от нас двоих. Знаю, что не трепач, но предупредить обязан. Голову снимут, обоим.

Вояки оказались в дерьме и назначили бойца «иудой», сообщили журналистам. Всё написали, как полагается, а этот... или пронюхал, или кто подсказал, дескать, не всё чисто, вопросы начал задавать. Похоже, что-то успел нарыть.

— Вроде? — Поднял бровь слушатель.

— Сдох, не успели выяснить, сердце у него, вишь ты, отказало. — Повторил, чьи-то слова «Камаз». — Вот такая вот история. Самое главное, ичкеры товар придержали и не отправляют. Мол, разрулите ситуацию, тогда. Им главное, чтобы на того человечка не дунуло. Задача тебе Максим будет:

Выяснить, чья это девка. Что с Ахмедом, и как уладить с редактором. — Обтекаемо намекнул на возможную ликвидацию помехи авторитет.

Проигрыш «Таганки» отвлёк внимание «Камаза». Глянув на экран телефона, он недовольно нажал кнопку ответа: Ну? И затих, слушая голос в трубке. По мере доклада его лицо, изрезанное глубокими складками, мрачнело.

— Как, от Вити, говоришь? Ладно, сваливайте, не топчите. Все.

Он упёрся недобрым взглядом в заросли. Наконец, взяв себя в руки, продолжил: Ахмеда и подельников нашли. Вседохлые. На хате одной, типа отстойник для транзитных девок. Перед смертью пытали. Ахмеда удавили, остальные постреляны. На зеркале надпись: Привет от Вити.

Мы неделю как с «Маленьким» косяки заровняли. И, на тебе? Теперь ясно, почему машина его светилась в городе, но всё равно, если это Витина работа, что за девка? Надо выяснять. Давай, Макс, впрягайся в тему.

Он дал понять, что беседа окончена, и замолк.

Максим Геннадьевич Праскудин ушёл из контрразведки в сорок пять. Мог бы ещё послужить, но начальство в кадрах решило иначе. Подполковник особенно не расстроился и, пройдя выбраковку, направился к своему знакомому, который вышел на него ещё в начале девяностых и понемногу платил оперу за благосклонность. Однако времена изменились. «Камаз» поднялся в реального бизнесмена и на компромат, образно говоря, чихал. Но, зная Максима как грамотного опера, взял на работу. Тот ломаться не стал и, придавив гордость, впрягся. Дело оказалось почти родное, те же разработки, слежка, агентура. Только с гораздо более щедрым финансированием и почти без оглядки на законы.

Семья, неизбалованная доходами, с удивлением обнаружила, что можно жить, не считая дни до зарплаты, и отдыхать не в деревне, нюхая навоз, а на курорте в Анталии.

Привыкший всё делать на совесть, Максим Геннадьевич вёл дела фирмы с педантичностью и на совесть. Поэтому приказ выяснить воспринял с должной серьёзностью. Прибыв на квартиру в Останкино, осторожно прошёл в комнату. Вид покойников его не смутил. Прикрыв нос платком, осмотрел тела и обстановку. Прихватив ствол, из которого были застрелены подручные Ахмеда, отправился в свой рабочий кабинет.

«Что мы имеем? — Размышлял он, сидя за столом, уставленном сувенирами со всего света. — Работал специалист. Жёстко, но без садизма. Только одного завалил на эмоциях,

может, сказал что поперёк? А в остальном чисто и грамотно. Школа. Может наш? Нет, скорее вояки. Методика потрошения их. Спецназ? Или из бывших? Выяснить — есть ли у Вити разведчики и с каким опытом. Второе: Была девка. Куда делась? Изготовить портрет. Третье. — Судя по следам, работал один. Не стыкуется. Значит — Витя для отвода глаз? Или наоборот: «Маленький» послал настолько крепкого спеца, чтобы показать силу. Ерунда. «Камаз» количество ликвидаторов и не просек бы. Значит, это кто-то третий. Скажем, девкин приятель или старые разборки Ахмеда. Всё равно, нужно брать эту малолетку». Наметив план, он вызвонил своего помощника. Григорий, прапорщик из разведбата, прошёл три компании и в своё время приглянулся Максиму полным отсутствием принципов и рассуждений.

«Приказ отдан, значит должен быть выполнен». — Любил повторять бывший «кусок».

— Гриша, — сказал Макс, когда тот по-военному чётко представился в трубке.

— Подскочишь к ребятам, они у Автомобилиста служат, покажут объект. Надо быстро и аккуратно его заснять и отправить в проявку. Всё понял? Главное, не засвети плёнку. Кадр очень ценный.

Прослушки бывший чекист не боялся, шифровался скорее по привычке. Отдав распоряжение, Максим связался с «Камазом» и попросил выручить людьми. Хотя он и был уверен в навыках опытного вояки, но... «Девчонка может начать дёргаться, всякие там восточные дела, устроит шум. Пусть лучше с гарантией. А что подумает шеф — вопрос третий. Главное — дело».

Лехина беседа с редактором не задалась. Узнав последние новости, он побледнел, засуетился, начал звонить каким-то связям в УВД. В общем, потерял лицо.

«Хотя, легко говорить, это ведь не моих девочек пытались украсть. С другой стороны, знал, куда влез. А так не бывает, чтобы мухи с котлетами в разных тарелках. Спасибо, конечно, сказал, но и всё, никакой информации больше не дал, понятлив. Теперь его разговорить трудненько будет». — Расстроился Алексей.

Оставив Виктора убеждать жену в необходимости уехать, Леха вышел из главного входа больничного корпуса и, размышляя о своём, тихо пошёл к воротам. Тут его и сработали. Упаковали здорово. Неприметный мужичок, до этого тихо читавший прессу, едва девчонка поравнялась с ним, потянулся и легонько ткнул в спину «шокером», спрятанным в газете. Отработать на рефлексе Леха успел, но подвело нетренированное тело. Тряхнуло и свело мышцы, а ещё один разряд окончательно вырубил сознание. В

себя пришёл быстро, однако, только для того, чтобы сообразить: лежит на полу машины, сверху крепко прижимает чья-то, обутая в пыльную кроссовку, лапа. Рот и глаза завязаны, руки тоже.

«Взяли меня люди «Камаза», это к бабке не ходи. Высветили через контакт с Машей и джип Ахмеда. Сам виноват, расслабился, посчитал людей дурней себя. Закономерно, теперь хлебну горячего». — Не подавая вида, что пришёл в себя, определил расклад диверсанта.

Ехали молча, один раз только мужичок отзвонил кому-то, доложил о захвате. Судя по ухваткам и обращению, мужик из бывших. Говорил коротко, без имён, прокололся лишь под конец.

"«Так точно» братки не говорят. И «до связи» — не прощаются. Отставник. Судя по возрасту, не в больших чинах, скорее прапор или младший офицер, до капитана. Но чтобы уйти капитаном, нужно пить по-чёрному. Этот вроде не пропитый, да и не взяли бы алкаша к себе бандюганы. Значит прапор. Основы знает, следовательно, учен. Служака. Всё, хватит о нём.

Строить планы не стал, бессмысленно. Слишком велика погрешность, и много неизвестных. Значит, ждём и терпим».

Перескочив через бугорок, машина снизила скорость и остановилась. Выдернули, особо не церемонясь. Кто-то здоровый взвалил на плечо и поволок. По дороге слегка потискал, но в пределах.

Алексей втянул носом, — «Одеколон пахучий, не дешёвый, но и не супер, главное — запоминается. Разберёмся с владельцем, бог даст».

Уронили совсем мягко, на диван. Сорвал повязку, руки оставил связанными. А вот это лишнее, чувствительный хлопок по щеке едва не пересчитал все зубы.

«Да встаю я, встаю». — Открыл глаза, показывая всем видом, что жертва очухалась, незаметно огляделся. — «Подвал в коттедже, рядом теплотрасса, бойлер, оборудование. Всё дорогое, качественное. Ухожено, чисто. Скорее всего, логово «Камаза» или... В углу, спиной к закрытой плафоном лампочке, стоит человек, «Камаз?» Вряд ли, контору за версту видно, встал по науке.

Одет привычно, неброско, украшений ноль, причёска короткая, уставная. Седина. Точно, контора. Безопасник, наверное. А кто у нас лучшие цепные псы, правильно, особисты. Не лает, не кусает, а в дом не пускает. Умный, дурака не возьмут, на службе не прижился, это плохо. Умный и не прижился, значит, с амбициями и работает на совесть. Такой иголки под ногти загонит и не сморщится. А ты? И я тоже. Но до пыток доводить не резон. Я, конечно, перетерплю, но тогда у него появится куда

больше вопросов, начнёт «мотать» всерьёз. Значит, играем. Только бы не проколоться взглядом. Искра проскочит, и готово. Свой своего по глазам узнает».

Глядя в переносицу, срывающимся голосом крикнула что-то вроде, — Палачи... Сатрапы... — Короткий удар по затылку ткнул носом в диванную подушку. «Не больно, но обидно. Для девчонки этого достаточно. Замолкла, глядим испугано, голос в дрожь, горло перехватило. Вроде верю, как сказал бы Станиславский. Этот тоже поверил. Кивнул помощнику, остановив готового ударить ещё раз.»

— Ну что, милая? — Начал разговор дознаватель. Говорить будем долго, поэтому, ты не ори, а послушай меня. Он пересказал факты и задал три простых и короткий вопроса. Кто убил Ахмеда? Кто ранил человека, пытавшегося залезть к Журналисту? Кто избил людей в кафешке? Всё пока.

«Кто, кто? Конь на лыжах» — Время изобрести правдоподобную версию у Лехи было. Рассказ Ольга начала с Краснодара. Как приехала в Москву, как нашла фирму Ахмеда. Что случилось дальше, в деталях.

«Пусть слушает, это ему не диссидентов наркотой обставлять. А про групповуху не хочешь? Молчит, слушает внимательно. Без эмоций. Ох, помучаемся мы с тобой. Трудно с умными. Таких легче сразу закопать».

Наконец, подошли к главному. Её голос сорвался, зазвучал с дрожью. Дескать, решили они меня напоследок ещё раз попользовать и отправили в ванну, я ведь у батареи трое суток просидела, а по нужде не отпросишься. Вот, они, извращенцы, в ванну и загнали.

«Верит, нет? — Поди, пойми. Я бы поверил. Врём дальше. Стук, удары. В щёлку видела. Человек, в чёрной куртке. Открыл ему Руслан, повернулся спиной, тот его по затылку и стукнул.

— Стоп, — прервал слушатель, — он что, его знал?

— Кто?

— Ну, Руслан, того, вошедшего.

— Да. Похоже. Впустил ведь.

— Дальше. — Распорядился зануда.

— Он в комнату зашёл, а Руслан у порога остался лежать. Выстрел, один, потом второй. Потом кому-то приказал на пол сесть, руки за голову. Я ждать не стала. Оделась. Выскочила потихоньку из ванны, а на полочке барсетка Ахмеда, её прихватила и в дверь. В подъезде посмотрела, нашла ключи от машины. На ней и уехала. Там ещё деньги были, в себя пришла, купила одежду, макияж и остальное. — Протараторила пленница, сбивая внимание.

— Значит, мужика этого ты в лицо не видела?

«Плохо спросил, не верит. Почему?» — Озадачился Алексей.

— Нет, не заметила, он спиной был ко мне и немного боком. Среднего роста, волосы короткие. — Ответила, вспоминая детали, пленница.

«Так, хорошо. — Видно было, что какие-то вопросы у него остались. Однако, не спешит».

«Особист» подошёл ближе, упёрся взглядом в лицо Ольги: Рассказывай, что дальше.

«Что дальше, что дальше? О-хо-хо. Дальше сказка сказывается, и чем дальше, тем страньше. — Это Алексей пробормотал уже про себя, в раздумье. — Не сходится уже много, а после очередного эпизода куда больше вопросов появится. То ли дело Штирлицу. «Где мог залапать чемодан? А коляску нёс. Спросите, у кого хотите.

— Ну, извини тогда.

С этим горлохвatom такой номер не пройдёт. Расколет он меня. Надо форсировать».

Делая вид, что поперхнулась, Оля жалобно спросила воды.

«Смотрит, эх, слезы бы не помешали. — Отстраненно наблюдал за реакцией Леха. — Так, повёлся, налил в стакан, подаёт и, бог мой, кивнул сторожу. Неужто развяжет? А это ещё зачем? Джентльмен? Не похож. Пьём. Успокаиваемся, но медленно».

А он всё смотрит. Зараза. Опа, стакан взял, за доньшко. Точно, они на хате до ментов были и, скорее всего, отпечатки со ствола взяли. Сейчас сравнит, и привет легенде. Вот и карачун тебе, сказочница. Как же я ствол-то не протёр? Ну, извини, бывает.

Обыскать они Олю, конечно, не забыли, выгребли всё.

«Да и ладно. «Смерша» я всё равно дома оставил, а вот «Осу» не нашли. Слабо им наши женские ухватки пробить. — Горделиво усмехнулся разведчик. — Ножик-то есть, одно плохо, доставать трудно. Джинсы, хотя и клешеные, под коленкой не видно, но пока вытянешь..., не будут они стоять и ждать. Если руки вязать начнёт, придётся рисковать, нет, тогда погодим. Не стал, прелестно».

«Особист» вышел, прихватив с собой тару.

«Ясное дело, отдаст на сравнение и вернётся дослушивать. А как ясность появится, тогда и пентотальчиком могут уколоть. Вот удивятся, когда правду узнают. Ведь не поверят. Решат, что препарат просроченный». — Несмотря на пиковую масть ситуации, Алексей поймал себя на мысли, что на удивление спокоен. Должен мандражить, волноваться. Или после смерти

так? Да, но ведь живой как бы. — Короче, тело её я этим уродам курочить не дам.

«Порву, кого смогу, а там по лёгкому и успокоят. — Твёрдо решил он. — А если повезёт, то и сам... Но самому — это в последний момент нужно. Пока надежда есть, погодим о грустном. Как это у классика? — Со мной был нож, решил я, что ж. — Может, тоже стихи писать?»

— Нашёл время, «идиет», — вспомнился ему голос Папанова в знаменитой комедии. — Нормально. Девочка уже всё, что могла, потеряла, а меня, считай, вороны доели. Значит, повоюем. Хорошее настроение, бойцовое. С таким настроем на горке бы не взяли. Там я один был, на работе, здесь — другое дело. Ой, ребята, на вашем месте я бы ещё троих подтянул, для страховки. И то, хватит ли?»

Вернулся опер. — Ну что, Оля, продолжим.

Он вдруг насторожился, видно шестым чувством уловив исходящие от пленницы уверенность и опасность.

«Пригасим». — Девушка потупилась и сжалась в комочек.

Он постоял, качаясь на носках модельных туфель, видно раздумывая, как поступить. Связать или нет.

«Результат сравнения будет скоро готов, тогда и свяжем» — Видимо, решил контрразведчик и поторопил. — Давай, девочка, говори дальше. Всё, всё. По-хорошему.

Алексей выдохнул, сосредоточился и старательно испортил воздух.

— Ой, — пискнула девчонка, — живот, скрутило. Ой, не могу.

Понимая, что реакция на произвольный страх проявляется именно таким образом, хозяин не удивился, только досадливо, как от лишней заботы, поморщился. — «Диван портить, оно ни к чему, и, вообще, пока ничего не ясно». Поэтому кивнул соглядатаю, приказав отвести пленницу в сортир. Шли недалеко, из подвала на первый этаж. Лоб открыл дверь и пропустил её в туалет.

Леха напрягся: «Интересно, зайдёт или нет?»

Однако топтун осмотрел помещение, в котором не было ничего, кроме рулона бумаги и ароматизатора на стенке.

— Иди, — здоровяк посторонился, запуская девчонку в клозет.

«Ах ты, рыбий глаз, — припомнил Алексей запах одеколона недавнего грузчика, чья кроссовка испачкала дорожную футболку. — Ничего личного, но за козла ответишь».

Выдернуть нож — секундное дело.

— Дяденька. — Жалобно окликнула Оля стоявшего за дверью сторожа, — здесь вода...

Амбал сунул в дверь голову, и, увидев, что Ольга, согнувшись, заглядывает в унитаз, приблизился.

— Ну, чего там? — брезгливо поинтересовался он, наклоняясь. Закончить не успел. Пошла работа. Напоровшись на лезвие, хрипнул и удивлённо открыл рот. Ещё один удар и ещё. Это в кино люди падают с одного удара. В жизни надо бить до последнего. Чем больше, тем лучше. Маленькая ладошка зажала рот охраннику.

«Сейчас уходит, может закричать».

Осев на пол, сторож дёрнул кроссовками и затих.

«Извини, — вытер Алексей лезвие о куртку покойника, — я тебя к ним на работу не гнал. Сам выбрал. Не обессудь. Жалости к поверженному не было, приходилось, знаете, сталкиваться с подобными кадрами. Такой туповатый, исполнительный кадр, ежели скажут, и по частям нашинкует, и кожу на ремешки со спины живьём спустит. Война есть война».

«Оружие, конечно, в наплечке. Как же иначе, секьюрити и без ствола. «Иж», но полностью снаряжённый. Всё, время пошло.

— Диверсант оттащил тело в угол, прикрыв банным халатом: — Совсем не укрыть, но хотя бы время потратят, пока будут открывать, разглядывать, а мне и секунда лишняя на пользу.

— Глянув в зеркало и не обнаружив следов крови, тихонько приоткрыл дверь.

— Никого. Отлично. Служивый минут пять точно будет ждать. Время есть». — Неторопливо двинул по коридору.

В приоткрытую дверь слышен голос. Дальше — лестница, возле неё сопляк с бритым черепом, играется чётками, изображая нож-бабочку.

«Чисто дети». — Не давая опомниться, перебил готовый сорваться возглас.

— «Камаз» там? — Кивок вверх. — Его Данилов зовёт.

— Нет, он на веранде. — Автоматически среагировал «шестёрка». — Какой Данилов?

Посыльная отмахнулась. — Не твоё дело.

Сделав шаг к выходу на просторную, укрытую зарослями вьющихся лиан, террасу, Леха, определив, где может находиться объект, низом проскочил дверь и перекатом, преодолев три метра, вынырнул у плетёного кресла, в котором дремал крепкий мужик в спортивном костюме.

«Один, прекрасно. — Девчонка шагнула за спину и, ухватив левой рукой за короткий чуб, блокировала движение. Нож плотно зажал горло. — И впечатляет, и не заорёт сдуру».

Выпучив глаза, «Камаз» потянулся встать. Громким шёпотом, одновременно усилив нажим, в самое ухо предупредила. —

Сидеть, прирежу.

Кожа лопнула от нажима отточенного клинка.

«Когда кровь чувствуешь и не видишь, это страшно». Ощущения склонны преувеличивать.

— Всё, всё. — Он опустил руки на подлокотники. — Что тебе надо?

Фразу Алексей произнёс медленно и разборчиво, делая поправку на стресс жертвы: — Скажи охране, пусть подгонят машину. Мы с тобой отъедем. Если всё как надо, через пять километров тебя отпущу. Начнёшь дёргаться, прирежу или пристрелю.

На сдавленный крик хозяина в беседку влетел давешний пацан.

— Машину подгони. — Хрипло приказал «Камаз».

Струйка крови, текущая по шее хозяина, впечатлила, и, не задавая вопросов, боец кинулся во двор.

— Прикажешь всем отойти, особенно твоему «Особисту». Он, может, и сумеет отбить, а, может, и нет. Тебе к чему рисковать? — Холод клинка убеждает лучше слов.

— Ещё одно, за нами не гоняться. Увижу хвост, отрежу руку. — Уточнил, тебе — руку. Давай.

Вернулся посыльный, доложил: Готово.

Он с любопытством обвёл глазами веранду и снова исчез. Прижав ствол к плешивому затылку, Леха вытянул из джинсиков узенький ремешок. Накинуть его можно и одной рукой, было бы умение. Прихватив руки пленника за спиной, обмотал другой конец вокруг шеи.

Во дворе одиноко стоял Мерседес, чуть поодаль, рассредоточившись и выставив стволы, залегли охранники.

Алексея разобрал смех. — «Камаз», скажи ты им, пусть не позорятся. Что за детство?

Заложник сердито засопел носом, но промолчал, не дав сорваться с языка резкому слову в адрес наглой девки.

Не торопясь, преодолели десяток метров от дома к машине.

Ольга пристроилась за спиной стреноженного авторитета, контролируя его движения нажимом ствола в бок.

Открыв дверь, шмыгнул на сиденье и рывком, без церемоний, прямо за пояс втащила задохнувшегося пленника в салон. Хлопок дверцы, и тут же, рукояткой пистолета, Леха выключил жертву.

«Камаз» ткнулся носом в боковое стекло. Однако глубокая тонировка скрыла варварское обращение с заложником от глаз охраны.

Мерседес тронулся мимо застывших телохранителей и выскочившего из дома начальника охраны.

Как ни подмывало Леху приоткрыть окно и вклеить ему пулю в колено, но пришлось сдержаться.

Не обременённые интеллектом соратники «Камаза» могли отреагировать агрессивно просто на уровне рефлексов. Машина перескочила водосток и, вывернув на асфальтированный просёлок, рванула к трассе.

Алексей гнал машину, поглядывая на привалившегося к дверце «Камаза», и прикидывал, как его потрошить. Допросить было необходимо, но дорогая машина наверняка имела систему слежения, поэтому остановиться на достаточное для беседы время не получится.

«Что ж, будем говорить на ходу». Он застегнул ремень на безвольном теле и похлопал бандита по щеке. — Подъём.

«Камаз» дрогнул веками.

— Не надо придуриваться. — Леха дёрнул удавку. Пассажир открыл глаза и осторожно пошевелился.

— Не выйдет, — охладила его надежды девчонка. — Сиди тихо и отвечай на вопросы.

Авторитет грубо выругался, вспомнив её родителей. Затем перешёл к конкретике. Угрожать не рисковал, но намёками пытался запугать, конкретно.

«Дурачок, чего он этим добьётся?»

— Сейчас ты мне расскажешь подробно. Что это за история с оружием и федералами. Возражения не принимаются. Ты видел результаты допроса Ахмеда и его шестёрки, поверь, рука не дрогнет.

Он молча сидел, глядя на пролетающие мимо столбы.

— Так, тебя предупредили, ты не послушал. — Коротко размахнувшись, Алексей воткнул нож в локоть вывернутой руки. Если знаешь куда ударить, боль невыносимая. Реакция на нерв разрывает руку и всю половину тела от макушки до ноги. Выдернул, теперь кровь текла не только из пореза на шее, но и по руке.

— Слушай, кончай партизанить, так на кровопотере загнёшься. — Пошутил диверсант.

— Что ж ты за тварь такая? — Выдохнул авторитет.

— А ты весь в белом? Как рояль. Вопрос задан. Пойми, ответить придётся. Только, когда ты заговоришь по принуждению, легче будет добить, чтоб не мучился. — Леха глянул в зеркало: «Сопровождения пока не видать, но это дело времени. Появятся, не усидят».

Вопрос пришлось повторить дважды. Ненавидяще скрипя зубами, «Камаз» бессильно плюнул кровью в лобовое стекло и рассказал историю продажи контейнера с оружием, засады, В

общем, всё, что знал. А когда авторитет, между прочим, обмолвился о том, что снайпера сдали два раза, сначала чужие, а потом свои, то желание прекратить допрос стало невыносимым. Наконец, «язык» замолчал, на лбу у него выступили бусинки пота.

Алексей понимал: «Нужно заканчивать, скоро пост ГАИ».

— А ведь ты с этим снайпером сейчас и едешь, — глядя на дорогу, без эмоций произнесла девчонка.

Невероятно, но авторитет поверил, посерел ещё больше. Он мог надеяться, что его отпустит посторонняя дурочка, но теперь надежда исчезла. В отчаянии дёрнулся, пытаюсь достать её головой. Лехе осталось только выставить клинок. Лезвие вошло точно между рёбрами, пробив сердце. Откинувшись на сидение, бандит коротко всхлипнул, пытаюсь вдохнуть мгновенно посиневшими губами, и замер.

Заметив аккуратный поворот на второстепенную дорогу, Алексей съехал к небольшому лесочку.

Сидя на сухом пенёке возле блестящей чёрным лаком машины, в салоне которой неподвижно завис пристёгнутый к сиденью, теперь уже бывший авторитет, Леха подбрасывал на ладони маленький шедевр компьютерной техники. Его наличие меняло весь расклад. Первым желанием Алексея было оставить миникомпьютер на сидении и бежать, куда глаза глядят. Поразмыслив, торопиться не стал: «Всё равно, не отстанут. А так, одной проблемой меньше, или больше, теперь без разницы».

Он с наслаждением вдохнул прохладный осенний воздух. Пахло травой, прелостью. Запахи осени, такие мирные и настраивающие на лирический лад, никак не вязались с этой кровавой суетой, в которую его затянула неудачная реинкарнация. Невесело хмыкнул и, стряхивая расслабленное настроение, хлопнул в ладоши.

— Рота, подъем. — Заорал голосом старшины Пилипенко.

С верхушки сорвалась одинокая ворона, каркнула, ругаясь на шепутного соседа, и, тяжело взмахивая крыльями, полетела к трассе. «Пора и мне». Встал и, сбивая сухую траву, двинулся к трассе, а уже через пару минут, остановив попутку, ехал в город, слушая весёлую болтовню водителя Жигулей.

Паренёк записал неизвестно чей телефон и довёз Ольгу к самому подъезду.

Маша оказалась дома. Хотя, по идее, должна была свалить куда подальше.

— Где шлялась? — встретила она Олю интонацией столбовой дворянки. — За что тебе деньги платят?

«Что ты будешь? Гонору, как у комиссарши. — усмехнулся Леха. — Положим, денег мне ещё не заплатили, а тон я бы

поменял. Негоже со спасительницей так-то. Ну, да бог ей судья».

Не обращая внимания на взбалмошную дамочку, собрал вещи, проверил документы, сверху уложил два ствола и нож. «Арсенал — мечта ППС».

— Ты куда? — остановила её Мария.

— Послушай, я русским языком сказала. — Нужно исчезнуть. Тебе муж повторил. Что, совсем тупая? — задал Алексей риторический вопрос. — Сама жить не хочешь, дочку пожалей. Последний раз говорю. Бежать нужно. Немедленно. Через час, максимум, придут люди, которые, прости за пошлость, из тебя дурашлаг сделают. Ты что, мазохистка? —

Ольга двинулась к выходу.

— Подожди, — Визгнула хозяйка. Мы с тобой.

— Лиза — крикнула она дочери, — собирайся, поедem к бабушке.

«Господи, снова здорово. Как вы меня достали».

— Давай так. — Алексей задумался. — Схожу за машиной, а вы собирайтесь. Посигналю, спускаетесь вниз. Только не к матери, вспомни каких-нибудь знакомых. Желательно, не в Москве, а в пригороде. Барахло не бери. Документы, деньги. Всё.

Оставив их собираться, прогулялся на стоянку. Машина была на месте.

«Ох, не дело. Не дело. Этот белобрысый по своим каналам ментов наверняка озадачил. Теперь первый гаишник тормознёт на раз. Но, что делать, не бросать же девчонок? Люди покойного сейчас в таком раздёрганном состоянии, что не дай бог им в руки попасть. Жалко и её, и дочку. Попробую вытащить».

Перекрестившись, завёл двигатель и пополз назад. Не въезжая во двор, заглушил двигатель и тихонько прошёл к подъезду. Вроде спокойно? Однако, в окне третьего этажа шевельнулась тень.

«Мужик, судя по габаритам. Выходит, опоздал?» — Присмотрелся внимательней и зацепился взглядом за стоящую в ряду машин Шевроле Ниву.

«Маска, маска, я тебя знаю. Точно, возле дома у «Камаза» такую видел, номер правда не помню, а вот цвет соответствует. Пойду, проверю». Леха скользнул вдоль баков с мусором и вынырнул в мёртвой зоне, чуть позади шедевра российско-американского автопрома. В машине, больше смахивающей на Оку-переростка, чем на джип, кто-то сидел. Девушка постучала в стекло и заблужила пьяным голосом малолетней шалавы. — Мужчина, угостите даму сигареткой.

— Да пошла ты... — Отмахнулся тот, не сводя глаз с окон.

— Хам. — Малолетка коротко ткнула сидящего стволом в

висок. — И разиня.

Водитель завалился на пассажирское сидение.

«Потерял сознание, очнулся, гипс... Почему от subtilной девочки никто не ожидает подлянки? Психология? — Размышлял Алексей, приоткрывая дверцу и тихонько дёргая застревающее в узком проёме тело. Добивать не хотелось. — Что я, зверь, что ли. Ещё разок по кумполу, и на полчаса глубокий наркоз обеспечен».

Сев за руль, приготовился ожидать: «В доме шуметь не станут. Скорее всего, ждут. Маша наверняка раскололась. Слаб человек. Хотя, своя рубаха ближе..., это понятно. Только, ведь и их живыми не выпустят. Зачем им свидетели? А вот, если не появлюсь, девочек должны отвезти на базу и допросить с пристрастием. Ну, как и вспомнят? Что говорила, куда заезжала? Дело нудное. На психе, да в суёте, много не выяснить. Опять же — соседи».

Не прошло и часа, как засадные хлопцы двинулись вниз. Снова мелькнул силуэт в окне, потом свет погас. Но, засаду всё же оставили. Весь свет не выключили.

«Теперь внимание. Готовность раз. В машину входит пятеро. Минус водитель, четверо, минус один в засаде, а то и двое. Скорее один, больше для проформы оставили. Итак, трое. Плюс две барышни. Если одну в багажник сунут, вторую на пол. Уместятся. Нормально. Трех в рукопашке не осилю. Придётся стрелять. Черт, не хочется шуметь. Резать тоже не с руки, мужики здоровые. Пока одного завалю, остальные навалятся, задавят. Решили».

Леха скользнул из кабины и притаился в тени. Через минуту процессия вышла. «Лиходеев» и впрямь оказалось трое: «Жаль, белобрысого нет. Видно, не барское дело — по засадам шастать. А вот мужичок знакомый. Прапор, точно. Значит, его валим первым. Снайпер ушёл в сторону, меняя приоритеты. Едва фигуры приблизились, открыл огонь. Выстрелы слились в один трескучий хлопок. Особой хитрости нет. Простенькое упражнение по стрельбе с двух рук, из начальной школы. Ошеломлённые развязкой, Маша и Лиза застыли возле корчащихся на асфальте боевиков.

Намётанным глазом Леха определил. — «Добивать некого. Все трое с дырками в голове. Ну, что поделать, не их сегодня день. А ведь куда проще. Отзвони водителю, убедись, что всё чисто. Пришлось бы тогда в квартире погром устраивать. С неясным результатом. А так, всё ровно». Открыл дверцу и втолкнул подопечных в салон. Маша судорожно втягивала воздух, борясь с дурнотой. А вот в глазах дочки, как ни странно, проявился огонёк восхищения.

«Вот они детки-то, ничего святого. — Посетовал Алексей. — «Никиты» разной насмотрятся».

Аккуратно освободил пленниц от оков и строго наказал. — Хотите жить, ни звука, нервы потом. Не отошедшие от потрясения они сидели, прижавшись друг к другу.

«Вот и хорошо, молчат и ладно». — Вытащив из кармана водителя бумажник с документами, завёл мустанга Тольяттинского разлива и тронул прочь.

Наконец заговорила Маша. — В Одинцово. — Глядя на Ольгу с животным страхом, попросила она. «Ещё бы, кто она в её глазах? Убийца. А то, что нелюди приехали за их жизнями понимает? Ох, вряд ли. Вот, когда они всем коллективом её и дочку, перед тем как закопать, на хор бы поставили, тогда сама в горло будет готова, наверное, вцепиться, да поздно».

«Хотя, что тут мудрить. Душегуб я. Какие ни есть, они — люди. И душа у них должна быть, другой вопрос, какая». — Отставить. Устроил здесь». — Осадил себя рулевой.

Высадив молчащих пассажиров у новостройки, кивнул на прощание и собрался отъезжать.

Неожиданно Маша нагнулась к окошку и произнесла. — Спасибо, Оля. Не знаю, кто ты, но спасибо.

Они ушли, а Леха двинул машину в ночь.

Спать пришлось в салоне. Кое как устроился и задремал. Навалились воспоминания. Его, Лехины. Понемногу вытесняя реальность прожитого дня словно кадры старого фильма, где он — в главной роли.

Военкомат. Стриженный наголо призывник стоит перед комиссией. Седоватый полковник решительно закрывает папку с его делом и веско произносит. — Годен во флот.

## Глава 4

### Алексей, по прозвищу «Норман»

Армейская романтика исчезает после трёх дней службы. Мгновенно и навсегда. Рёв сержантов, стриженные под ноль головы новобранцев, казарма, вонь портянок.

Всё бегом: бегом умываться, бегом в столовую, бегом на построение и только «строевые» шагом, хотя тут вот лучше бы бегом.

День за днём, вот и неделя пролетела, вторая, появилось лёгкое понимание этого бардака.

Что-то злит, коробит, но уже становится привычным и потому не страшным.

В элитные части Алексей не рвался. Он вообще с удовольствием сачканул бы от «почётной обязанности и долга». Но проходной балл в университете был такой, что поступить честно не стоило и мечтать. Итог — Повестка, военкомат, ПТК со странным прозвищем «холодильник». И вот: «Через две весны, через две зимы».

Слова популярной тогда песни отзывались нехорошим предчувствием этих зим и вёсен.

В десант попал случайно. Расписанный в ВМФ, он ждал вызова от своего «покупателя», сидя на лавочке возле площадки где с высоких ступеней выкрикивали фамилии новоявленных воинов.

«Какой смысл давиться в толпе? — размышлял призывник. — Если нужен — найдут».

Когда рядом присел офицер, он даже не повернул голову, дисциплина ещё не въелась в сознание.

— Эй, воин, спичку дай. — Попросил сосед. — А что не там, «купили» уже? — кивнул головой военный, прикурив.

— А чего толкаться, услышу. — Алексей глянул на собеседника.

«Ого, десант. — По экранам только прошёл забойный фильм про десантуру, и ореол романтики веял над всем, связанным с полосатыми тельняшками и голубыми беретами.

Он присмотрелся. Не многим старше его этот лейтенант. Сам Леха призывался на два года позже сверстников, дали окончить техникум, поэтому выглядел почти ровесником офицера».

Здоровьем и силой Алексея природа не обидела, а спортом он занимался с детства. Русский чуб, рост за метр восемьдесят, широкие плечи. Белозубая обаятельная улыбка. Если бы в те

времена крутили западные боевики, то кличка «Лундгрэн» была бы ему обеспечена.

Лейтенант перехватил взгляд новобранца.

— Земляк? — Разглядел он на рукаве стройотрядовской ветровки эмблему Новосибирска.

— Наверно. — Пожал Леха плечами.

— Где жил? — Поинтересовался сосед.

Оказалось, что «летеха» учился в соседней школе, только окончил её на год раньше. Нашлись и общие знакомые.

Местные знаменитости и признанные красавицы района. Уже через пять минут Виктор, как представился лейтенант, предложил. — А пошли к нам. Зачем тебе три года ботинки на флоте рвать.

Алексей, от всей души согласный, что три, это не два, раздумывать не стал. Назвал фамилию, команду и, слегка волнуясь, закурил в ожидании. Решилось быстро.

— Иди в казарму. — Скомандовал, вернувшись из штаба, офицер. — Завтра в десять — здесь. — Он ткнул пальцем на знакомую скамейку. — Ну, всё, «земеля». — Лейтенант хлопнул новобранца по плечу. — С десантом тебя.

И вот уже три недели Алексей служил в десанте.

Учебка, она и у космонавтов учебка. «Строевые», уставы, наряды, опять строевые, постоянное чувство голода, бег на физзарядке, бег с выкладкой, бег просто так...

Алексей постепенно втянулся. Понятно, не получал удовольствия, но и тягот, особых, не испытывал. Помог характер, спокойный и рассудительный.

«Значит, так надо, «гражданку» из нас выбить. — Смеялся он про себя, прыгая после отбоя, по команде орущего сержанта. Стресс выбивают стрессом».

Наступила дата присяги. Отстояв на плацу и прочитав заученный текст, они перешли в надёжные лапы Вооружённых Сил.

А на следующий день его вызвал командир роты.

Само по себе — это событие. Командир роты новобранцев не замечал в упор, и вызов к нему значил не просто нарушение, а сверхпроступок.

Алексей, чувствуя себя невинно осуждённым, вошёл в кабинет и, бросив ладонь к виску, рывкнул, докладывая. — Товарищ майор, по вашему...

Однако вместо командира, за столом сидел немолодой офицер, в звании подполковника. Форма почему-то смотрелась на нём чужеродно. Словно на переодетом гражданском. Уставная фуражка, с покосившейся кокардой. Ни один офицер не станет

терпеть такое издевательство над головным убором. А тем более подполковник.

«Как известно, «шитые» фуражки — привилегия старших офицеров, и носить уставной котелок? — Алексей перестроился и продолжил доклад. — Рядовой Бессонов по вашему приказанию прибыл.

— Ладно, не ори. — Остановил подполковник.

— Садись. — Ткнул пальцем, указывая на стул.

Алексей сдёрнул берет и присел на край, готовый при первой необходимости вскочить.

— Размазывать кашу по тарелке некогда. Перейду к делу. — Офицер достал папку. — Предлагаю вам, рядовой Бессонов, службу в подразделении ОсНаз.

От непонятного слова тянуло уже знакомой романтикой.

Алексей невольно усмехнулся, вызвав удивление собеседника

— Странная реакция, — насутился он. — Объяснитесь, солдат.

Алексей смутился, потом честно ответил. — Когда я, на «призывном», услышал слово ВДВ — это значило два месяца бега и строевых занятий. Вот и подумал. — Сколько месяцев строевых означает такое длинное слово?

Подполковник хлопнул ладонью по зеленой ткани стола и оглушительно захохотал.

— Ай, молодца. Ну, молодца. — Повторил он. — Впервые слышу такой ответ. Парень, мы споёмся.

Станный офицер утёр слезу. — Я, командир роты, набираю личный состав. Честно скажу, твоё дело смотрели психологи, поэтому, в том, что ты согласишься, не сомневаюсь. Но, вот что такотреагируешь. — Психологи не сказали.

Строевых будет мало. Это я тебе обещаю, а вот всего остального хлебнёшь полной ложкой. Детали, извини, сообщать пока не могу, но одно скажу, служба в самый раз для тебя. Романтики у нас не задерживаются. Работа мужская, тяжкая и грязная. Решай.

— Товарищ подполковник, наверное, психологи знают лучше. Согласен. — Алексей, действительно, не имел ничего против нового предложения.

Служба в десанте, по его пониманию, мало что могла ему дать.

«Если быть, то быть профессионалом, а при таком обучении и загруженности хозяйственными работами стать профессионалом невозможно. Каких высот можно достичь, если за два с лишним месяца обучили только тянуть ногу?

— Твоё желание — полдела. У нас строгий отбор. —

Продолжил офицер. — Не очень сложный, но специфичный. Вот, к примеру, ты — молодой боец, для тебя любой офицер — это царь и бог. То, что ты сумел перестроиться и доложить, это уже плюс. Что среагировал на предложение с юмором — тоже и так далее. Самое невинное задание может оказаться проверкой, поэтому, будь внимателен.

Значит, договорились. — Он встал и протянул руку — Зовут меня Василь Кириллович. Прозвище в части скажут. Завтра тебя вызовут. Ну и, естественно, никому, ничего. Бывай, Алексей Бессонов.

Новая служба началась с испытаний. Тряской. Его и бойца из соседнего взвода погрузили в кузов бортового Урала и повезли.

Ехали долго. Сержант разговорчивостью не страдал. Он сдвинул берет на глаза и задремал, не обращая внимания на дикие рывки и подпрыгивания.

Водитель гнал, как на ралли. Пока шли по трассе, было терпимо, но когда дорога стала похожа на стиральную доску, а водила почти не сбросил скорость, стало тяжело.

Но, добрались. Военный городок оказался небольшим. Три казармы, учебный корпус, штаб, полоса препятствий, парашютная вышка.

И всё это в окружении вековых сосен. На этом сходство с учебкой и лагерьем закончилось.

Сержант привёл их в казарму и, показав две койки, буркнул. — Спать здесь будете. Рундуки сдать в каптёрку, дальше по распорядку.

И ушёл. Настроенный на пристальное внимание старослужащих, Леха удивился тому, что никто их не встретил.

Только из каптёрки появился толстенький солдатик и, отобрав мешки и «парадку», выдал застиранную п/ш.

— Устраивайтесь, бойцы. — Он весело подмигнул. — Не дрейфь, босота, не съедят.

Действительно не съели. Лёгкую издёвку считать за дедовщину смешно. Каждый занимался своим делом и к новичкам не лез. Они попали в спецнабор одного года, из стариков были только замкомвзвода.

Отбор начался с кросса. Их, команду тридцать пять новобранцев, гнали три сержанта. Темп они взяли такой, что даже сами, как заметил Алексей, к концу задохнулись. Бессонов, имевший первый разряд по пятиборью, пробежал нормально, вперёд не лез, но и не отставал, держался в середине. Однако после кросса пошло издевательство над организмом.

Остановив их в распаханном поле, сержант отдал приказ — По-пластунски, вперёд.

После десяти метров беречь форму стало бессмысленно.

Преодолев вспаханный участок, рванули. Сержанты уже не подгоняли, а просто бежали рядом.

«Отрезок пять километров, — как понял Алексей. — Гоняют кругами».

Снова пахота и снова ползком. Он насчитал пять кругов, команда растягивалась всё больше и больше. Отставших не ждали. Наконец, пытка кончилась. Резкая команда — в одну шеренгу становись. Переключка.

— Иванов, Петров, Сидоров. — Отозвалось семнадцать. Отставших списали в тот же день.

«Сурово» — Усмехнулся Леха. Ему это испытание далось не сказать, что просто, но не на пределе. Однако следующий день принёс совсем другие тревоги. Началось всё обыденно. Их вывели на полигон и приказали пройти по широкой доске строевым шагом, инструктор засёк время. Недоумева, Алексей промаршировал, как и все. Но, когда поступил приказ забраться на пятиметровую лестницу, где была установлена такая же доска, и промаршировать по ней, в животе стало пусто.

Кажущаяся невысокой конструкция, сверху смотрелась пятиэтажкой. Шаг, которым испытуемые проходили по доске, назвать строевым мог только отъявленный лстец. Один из курсантов просто лёг на доску, и снимать его пришлось сержантам.

«Не дождётесь. — Алексей выдохнул и, когда подошла его очередь, резко скомандовал себе. — Доска на земле, вперёд.

И, почти не глядя, удерживая срез краем глаза, прошагал, казалось, даже быстрее, чем на земле».

Инструктор крикнул и занёс время в журнал.

«Отходить» Леха начал позднее. Загнанный вглубь страх вышел наружу, когда возвращались с полигона. Ноги задрожали, бросило в пот. Однако никто не заметил.

На доске отсеклось двое. К концу недели из двадцати осталось трое. Утром, их вызвал командир роты, уже знакомый Василий Кириллович. По кличке «Груздь», как выяснилось, фамилия Грибов.

— Справляешься? Я знал, что ты пройдёшь. — Он пригласил сесть.

Теперь, взамен мешковатого кителя, на нём был выцветший комбинезон цвета хаки с множеством карманов и берет, заломленный на ухо.

— Поздравляю. Молодец. Показатели хорошие, но это только начало, расслабляться не советую. Готовим мы, как ты, наверное, понял, диверсантов — разведчиков, причём именно в таком

порядке. А так же снайперов. — Он прошёлся по кабинету, однако старый паркет даже не скрипнул. Помолчав, добавил. — На занятиях тебе объяснят, что это, и с чем едят. Рота у вас пока учебная, но все инструкторы воевали и могут научить не только книжным знаниям. Старайся вникать. Всё на занятиях не освоишь, курс громадный.

— Вопросы? — он поднялся. — Тогда вперёд.

Занятия, тренировки, снова занятия и бег, бег, бег. Как будто из них готовили в первую очередь марафонцев. И всё же молодой организм восстанавливался быстро. Появились приятели. Особенно Алексей сошёлся с рыжим пареньком, одним из тех, с кем он проходил испытания.

Вовка Сидоров — крепкий как боровик, смешливый, находчивый сибиряк, простоватый, но в то же время с лёгкой крестьянской хитрецей. Его сложно было увидеть сидящим. Живчик вечно с кем-то спорил, загорался, быстро остывал, подначивал. Алексей же — спокойный и неторопливый, выглядел его полной противоположностью. Мог подолгу всматриваться на занятиях по маскировке в складки местности и, на все уговоры приятеля начать действовать, отвечать: — Успеется. Иногда они ссорились, но дольше часа Вовка не выдерживал и шёл мириться.

— Эх, Алёха. — Мечтал Вовка, вот бы счас в увольнение пойти. Берет, тельник, все девки наши.

— Ага, ты этот берет, заслужи ещё, — тормознул мечтания Алексей.

— Приземлённый ты, Алексеич, человек, уж и помечтать нельзя. — Злился приятель.

Три месяца пролетели быстро. Наступил день первого прыжка. Психовали, конечно, все.

Вовка, оживлённый даже сверх обычного, чуть ли не носился по казарме, Алексей сидел молча и просматривал конспекты.

— Я слышал, после прыжков увольнительную дадут — Притащил очередную сплетню приятель.

— Вовка, достал. Куда? От нас до ближайшего посёлка сорок километров. Кто нас повезёт? В лучшем случае, в культпоход съездим. В кино и назад.

— Тоже не плохо. — Соглашался приятель.

Первый прыжок описать сложно. Постные лица сидящих вдоль борта товарищей, мерный гул двигателя, полумрак грузового отсека транспортного борта. Мерзкий вой сирены, сигнал на сброс, ледяной поток воздуха. Алексей, зацепив карабин, двигался следом за приятелем. У самого люка заметил, что того заносит к поручню.

Инструктор, провожая очередного бойца, отвлёкся и на них

не смотрел.

«Прихватило, — понял Алексей, — сейчас вцепится, не оторвёшь». Он, опережая движение руки, толкнул друга в люк. Сам шагнул следом

Занятый приятелем, не то, что забыл испугаться, как-то проскочил момент выхода и сообразил, что летит, уже падая в бездонную яму.

Но тут по спине отброшенный тугой волной шелка хлопнул клапан ранца. Забыв обо всем, он смотрел на раскинувшийся до горизонта зелёный фон леса, стальной блеск петляющей реки. Приземлился удачно, спружинил на бок и погасил купол. Почти не протатило.

Свесив ноги, они сидели на краю парашютной вышки.

— Алекс. — Приятель чуть повернулся, опасаясь смотреть вниз. — Я высоты с детства боюсь. Что-то надо делать, каждый раз меня выталкивать некому будет, а прознают отцы командиры, отчислят вмиг.

— Ну, все боятся. — Алексей пожевал губу. — Я тоже боюсь, что теперь, всех гнать.

— Ты не поймёшь. — Вовка печально вздохнул.

Они залезли на вышку специально. Первый раз, наверху, страх зацепил так, что похолодело в ступнях ног. Однако, сев на край, и посидев минуту — две, заметили, бояться словно надоело, страх стал подконтрольным. Ещё пару дней, и они могли сидеть уже спокойно. А сегодня, даже Вовка сумел оторвать руку от перил и повернуться к собеседнику. Тут их и застал товарищ Груздь.

— Але, бойцы. — Неслышно подойдя к вышке, он задрал голову и разглядывал их с нескрываемым любопытством.

— Вы что там, как мушкетёры, заговор устроить решили? Ну-ка, слезайте.

Застигнутые врасплох, солдаты начали подниматься.

— Э, нет. Куда? — Остановил командир. По перекладинам вниз. — Он стоял, ожидая. — Что, слабо?

Командир явно не шутил. Какие шутки. Добряк Вася, как звали его курсанты, прошёл три войны и немыслимое число командировок, где, понятное дело, не мёд собирал. Поэтому, когда он говорил, его слушали.

Деваться некуда. Алексей посмотрел на Вовку. — Спокойно, он прибавил металла в голос. — Ты пристегнут, — почему-то добавил он.

Вовка странно глянул на него и внезапно успокоился.

Он развернулся и, поискав перекладину ногой, повис на вытянутых руках. Нашупав, закрепился и, балансируя, перехватил

трубу, присел, зацепился и проделал операцию снова. Удивлённый Алексей последовал за ним.

— Земля, не смотреть на землю. — Убеждал он себя. — Командир знает, что делает, мы сможем.

Пятнадцать метров они преодолели за пять минут. Мокрые от пережитого страха, соскочили с последней перекладины, но возле вышки уже никого не было.

— Алёха! — Вдруг заорал Вовка. — Я смог, тудить его, смог!

Он упал в траву, глядя на вышку. — Я смог, совсем не боялся, мне казалось, на поясе страховка. Он сел, удивлённо глядя на друга. — А ведь это ты мне сказал — страховка.

— Ладно, Алексей вытер со лба пот, и тоже присел в траву, колени дрожали от пережитого страха, но в душе была радость. Он это сделал. — Главное, мы слезли.

Часовой развернулся и неторопливо двинулся в обратном направлении. До угла ему оставалось ещё три метра.

Алексей выждал и двинулся в такт шагам противника. Раз, два, три, разворот. Он опустился на корточки, сжавшись в комок,

Маскировочный комбинезон с нашитыми кусками ткани, ветками, листьями, скрывая контуры тела, превратил его в неприметный на фоне кустов бугорок. Пять шагов, разворот. Часовой вдруг остановился и резко обернулся назад.

«Чтоб тебе». — Алексей едва успел прервать движение и замер в неестественной, полусогнутой позе. Ноги мгновенно занемели.

Часовой внимательно осмотрел прилегающую территорию, поправил автомат за спиной и нехотя отвернулся.

«Раз, два, три». — Алексей, увеличивая шаги, пошёл в разбег и на счёт четыре, в прыжке, сбил часового с ног и, падая, рубанул ножом по шее, другой рукой успевая зажать рот.

— Готов — он поднялся и протянул руку. — Вставай, Вова, ты помер.

— Совсем сдурел? — Вовка растирал шею. Хорошо, резиновый. А если б настоящий? И вообще, я тебя, кажется, слышал.

— Если слышал, чего не стрелял? — Алексей понимал, что приятель, если и слышал, уверен не был, а открыть огонь по кустам, без противника — это незачет.

— Надо было стрелять — хлопнул он друга по плечу — был я там.

— Ладно, погоди, сейчас я тебя сделаю. — Вовка натянул маскировочный комбинезон, а его напарник двинулся к складу. Занятие по снятию часовых продолжалось.

Среди множества инструкторов и преподавателей в роте был

свой человек—легенда. Бойцы, на перекурах, пересказывали о нём слухи и домыслы. Ему подражали и побаивались. Хотя, на первый взгляд, невзрачный, худощавый, а в камуфляже и вовсе щуплый, он совсем не походил на супермена.

Однако, как уже успел понять Алексей, в разведке такие здоровяки как он, конечно, тоже имеются, но хватает и солдат обычного телосложения.

Вёл он предмет, который, как, оказалось, считался в спецназе вторым по важности после бега. Предмет назывался — Работа с ножом.

— Нож, это главное оружие разведчика. — Сказал на первом занятии Влад. В полном варианте его прозвище было — Влад Дракула.

— Почему? — Задал он вопрос и сам ответил. — Скрытность и тишина, вот что спасёт вас в тылу противника. Оружие, будь оно трижды совершенное, не даёт гарантии бесшумности.

— Объяснять почему, думаю, не надо. — Он прошёлся по залу. —

Нож должен быть продолжением руки. Сейчас модны стали эти боевые искусства. Он косо глянул на сидящего в общей массе Леху, так вот, нож гораздо эффективней всех ваших прыжков и криков. А сталь, всяко, твёрже руки.

— Во—первых, — он совершенно незаметно вынул нож.

— Доставать его нужно мгновенно — это восемьдесят процентов успеха. В неожиданной схватке побеждает тот, кто первый достанет оружие, — это понятно? Второе, никаких понтов, вы не в балете. Финты, уклоны оставьте для уличной шпаны. Удар по блокирующей или бьющей руке и добивание. В горло, в лицо или в сердце.

— Первое правило. — Начал инструктор. — Рукоять ножа расположена по диагонали ладони, причём сила захвата в кольце из безымянного пальца и мизинца. Указательный, средний и большой пальцы лишь слегка придерживают оружие и направляют его в цель...

Они учились выхватывать нож в любом положении, лёжа, стоя, в прыжке, с разворота. Сотни, а то и тысячи раз, до полного автоматизма.

Следом пошла отработка удара. — На манекене, в спарринге, с резиновыми лезвиями, с настоящими ножами. Влад преподавал и метание ножей, как оказалось, тоже необходимую науку разведчика.

В работе ножом прекрасно зарекомендовал себя Вовка, он неожиданно быстро достиг очень приличных результатов. Техника простая и надёжная, а особенно скоростная работа

позволяла ему справляться с партнёрами за две, три секунды.

А вот метание пришлось по душе Алексею. Он интуитивно выбирал нужный замах, и процент попаданий у него был лучшим в группе.

Нож для метания — особый, тяжёлая ручка, отверстие для тросика. Но, брошенный мастером, имеет силу, в два раза большую, чем удар рукой, а если учесть, что расстояние для прицельного броска около пяти метров, то преимущества очевидны.

Конечно, тренировки важны, но играют роль и природные способности.

Кому-то дано, и тогда тренировки помогут добиться выдающихся результатов. Алексею было дано. Он метал в прыжке и стоя. Спинай и с переворота, а нож, как заколдованный, вонзался именно в место, куда был предназначен.

Даже Влад, глянув на Лехины достижения, покачал головой, заметив. — В цирке большие деньги можешь заработать.

Вроде похвалил?

Дни шли. Рукопашка, стрельбы, ножевой бой, работа сапёрной лопаткой, психологическая подготовка.

Ох, как трудно далось это упражнение, далеко не каждый смог запросто возиться в кровавом месиве. Возили их и в морги, на вскрытия.

После этих занятий отношение к службе у Алексея изменилось. То, что раньше считал просто тренировкой, приобрело зловещий и суровый смысл. Что делать с заметившим разведчиков мирным жителем? Отпустить, но это гарантированный провал и смерть всей группы. Ответ один, но как даже самому себе признаться в том, что это придётся сделать?

И Алексей нашёл выход. Он определил для себя: Всё, что должно делать — это работа, без эмоций. Просто служба, на которую ты попал по незнанию, по недомыслию, из глупой романтики, но это то, что ты должен делать, и делать хорошо. Или уходить, или делать. Решить один раз.

Он прошёл через этот порог. Теперь тренировался серьёзно, в полный контакт, не жалея себя. Ему казалось, если он терпит боль и готов к смерти, то и сам, при вынужденном убийстве, морально имеет право на это.

Полгода они провели в классах, а с началом лета перебрались в поле. Ориентирование на местности, подготовка следопыта, выживание, топография.

Снайперская подготовка вообще-то относится к специализированной и идёт после окончания курса общей, но их учили одновременно и этому.

«Вы, ребята, особый случай». — Обмолвился командир роты. Чем особый, не досказал.

Причину узнали позднее. События в Афганистане выходили из-под контроля, требовалось огромное количество снайперов.

Начали с маскировки. Костюмов было только два. Для демонстрации. Поэтому шили сами.

На комбинезон пришивались куски распоротой ткани, бахрома, делались петли для веток и листьев, полог, он же «намордник-накомарник», кусок ткани, закрывающий лицо. Костюмы получились что надо. Каждый, проявляя смекалку, придумывал что-то своё.

Алексей, нашив несколько кусков ткани, вставил внутрь тонкую медную проволоку и при её сгибании куски меняли фигуру до неузнаваемости, причём их можно было изогнуть по месту, приспособив к форме конкретного фонового участка.

Дальше, прятки. Один прячется, другой высматривает. Наконец, пришёл черёд стрельбы, но сначала сборка разборка. Легендарная «Драгунка» снилась по ночам. СВД осваивали всерьёз. Леха уловил, как выбрать курок и плавно провести его по всем шероховатостям и зацепам спуска. Придумал, а потом отработал способ, ярко представляя, что какая-то сила давит на указательный палец, и незаметно для себя производил выстрел.

Наступил новый, 1981 год. Свободные от вахты солдаты сидели в Ленинской комнате. По телевизору шёл «Голубой огонёк».

— Леха, — негромко произнёс, отвлекая приятеля, Вовка, — а я себе «позывной» придумал.

— Ну? — Алексей, следя за прыгающим на эстраде Валерием Леонтьевым, поинтересовался. — Какой?

— «Лютый». — Гордо выдохнул приятель, и в ожидании глянул на товарища.

Понимая, что обидеть можно не только словом, но и интонацией, Алексей серьёзно помолчал и, наконец, произнёс. — А что, солидно. Одобряю.

С тех пор Вовка перестал отзываться на имя, признавая только новое прозвище.

Разбудил его стук в стекло.

— Эй, в джипе, меня заперла. — Разорялся мужичок в коротком плаще.

Леха передвинул машину и попытался задремать, но сон улетучился.

— Надо же, как наяву? А ведь, сто лет прошло. — Алексей потянулся и задумался. Вчерашние события казались далёкими, словно были и не с ним.

«И что дальше? Выяснить, кто из моих командиров сволочь? — Внезапно почувствовал совершённое безразличие. — Да хрен с ними. Чего добился? Убрал одного бандюгана, так сегодня на его месте трое новых появятся. Найду я подонка в родном полку? Его тоже валить? Тогда и Гену Тверского надо убирать, чем он лучше?»

Новое состояние переполняло душу. Жизнь прожил, а кроме роты покойников за спиной вспомнить и нечего.

Решение созрело мгновенно. Он подхватил сумку, бросил в салон оба ствола и захлопнул дверцу.

«Пропади оно все». — Махнул рукой и, не оборачиваясь, двинулся прочь. Сделал пару шагов и внезапно сообразил, что его сознание не одиноко. В голове отчётливо звучали чужие мысли...

## Глава 5

### А в актрисы слабо?

Ольга улыбнулась. На душе необычайная лёгкость. Захотелось петь. Она оглянулась. Раннее утро, кругом ни души.

Потихоньку затянула старинный романс. Откуда вспомнились эти слова и мелодия?

Миновав парк, вышла к остановке. Автобус со вздохом распахнул забрызганные дорожной грязью двери. Забралась внутрь и устроилась возле окна. Не имея представления куда едет, Оля точно знала, всё будет хорошо.

Неожиданно заметила площадь «трёх вокзалов». Не раздумывая, выскочила из салона и двинулась в кассы. А уже через час, сидя в купе, провожала взглядом неласковый Московский пейзаж.

В Питер, так в Питер. Ближайший поезд решил всё.

Попутчиков, к счастью, не оказалось, пустое купе.

Разглядывая мелькающий за окнами ужастик промзоны, неожиданно сообразила, что скучает по дому.

«Как там они, даже не позвонила. Странно, будто провал в памяти, так бывает, когда дни заполнены рутиной, учёбой, например. При желании не вспомнить, что делала вчера, а уж тем более три дня назад. Но тут? Я же вроде экзамены сдавать приехала?»

— Ничего не понимаю. — Голосом «колобков» из мультика пробормотала она.

Поезд заскочил в небольшой тоннель и, глянув на отразившееся в темноте провала лицо, девчонка обалдела: «Блин! Причёску сменила? Когда? Ох, провалы в памяти, это склероз. И всё равно, настроение полёта не пропадало. — Мы живы, мы веселы, впереди слава. Разберёмся». Ей до ужаса захотелось сладкого. Глядеть в окно быстро наскучило, и остаток пути она с удовольствием проспала, несмотря на музыку, гремющую в поездной трансляции.

Разбудила проводница. — Вставайте, девушка. Белье сдаём.

Наскоро умылась и, оглядев дикой расцветки и фасона топик, решила: «Эту страсть в утиль немедленно».

В Питере она была всего раз и то в детстве, поэтому город казался совсем незнакомым. Запомнились только кони на Аничковом мосту, сугробы, голуби у Казанского собора и Дом книги напротив.

С вокзала, поймав такси, махнула в гостиницу.

«Номера дико дорогие, почти сто долларов в сутки. Но, искать жильё, в таком виде, просто бессмысленно. Кто пустит немытую, бомжеватого вида, девчонку в дом?» — Первым делом залезла в ванну. Отмокала час. «Господи, так вывозиться? — недоумевала она, отчаянно царапая пятна на джинсах и подтёки на кожаной курточке. — Симпотная, кстати, курточка. Где купила? Ума не приложу. И колечко новое? Странно, что с памятью? Забыть такое? А камешек вообще, прикольный. Фианит?» — Полюбовалась колечком, и наскоро высушив волосы, кое-как расчесалась.

«Здорово, а мне идёт, — крутанулась у зеркала, — диковато, но мордашка высветилась. Ещё бы накраситься и барахло поменять. Отстирать это, мне кажется, невозможно. Въелось, как не знаю... Кетчуп что ли?»

«Слушай, Олька, — озадачилась девчонка, — а чего ты в Питер поёрлась? Вроде в Москву собиралась? Да, ладно, Питер, так Питер, театральные вузы и тут есть. Распахнув сумку, обалдела. — «Ой, а денег-то сколько?»

Леха, впервые, тихонько вклинился в ворох чужих мыслей, якобы припоминая: «Фишки, шампанское. Воспоминания оживил мелкими эпизодами покупок и похода в Салон красоты».

«Казино? Странно, не помню, совсем. Шампанского, что ли, на радостях перепила? А, ладно, не банк ведь ограбила. Здорово как. Можно что хочешь закупить, а ещё и домой послать». — Защебетала про себя фантазёрка.

Наконец, уже спокойно, вынула деньги и пересчитала. «Надо в банк положить. — Твёрдо решила хозяйственная девочка. — И карточку завести.

Гостиницу оплатила, на шмотки тысяч пять возьму, и на жизнь столько же. Хватит, наверное?»

Её рука ткнулась в упрятанные на самое дно сумки ножи.

«Ничего себе, кинжалы настоящие?»

— Пусть лежат. — Неслышно попросил Алексей.

«Да ладно, пусть валяются». — Ответила она себе и положила «Осу» назад. С отвращением натянув «стоячие» от грязи джинсы, спустилась в холл. К её радости всё, что нужно, оказалось в том же здании. И филиал банка и бутики.

Скоренько оформила счёт, расписалась за карточку и кинулась за покупками. В последний момент не удержалась и захватила с собой ещё десять тысяч. На всякий случай.

Набрав гору тряпок и умотав Леху беготнёй по примерочным, девочка отправилась в парикмахерскую.

«Косметику потом выберу, а сегодня хоть так, голову подправлю и ногти сделаю». — Размышляла довольная, как стадо

диких слонов, провинциалка.

Леха с тоской представил, что предстоят два часа муки, и смирился. Дама в парикмахерской заинтересовано прочесала волосы и одобрительно кивнула.

— Хороший мастер. У нас делали стрижку?

— Нет, в Москве, — подсказал Оле внутренний голос. — На Арбате в «Волшебнице»

— Знаю, как же. — Кивнула собеседница. — Салон известный.

Второе посещение храма причёсок он перенёс значительно легче. — «Привыкаю, что ли?»

Хотя, справедливости ради, уложились в каких-то сорок минут. А вот с ногтями, которые резали, клеили, сушили, пилили буквально по живому, скис

«Ну что тут поделать, выше сил, не могу».

Высидев положенное и рассчитавшись, Ольга выскочила наружу. Однако качество ногтей стоило потерянного времени. Позвонив в справку, узнала номера театральных ВУЗов.

«Слава богу, приём ещё идёт и оплата божеская». Вспомнив о доме, набрала код и услышала родной голос. — Оленька, слава богу, где ты?

— Отец! Оля звонит. — Мама казалась не на шутку взволнованной. — Где ты?

— Я в Питере. Живу в Прибалтийской, завтра несусь документы в институт.

— Почему в Ленинграде? — заполошилась мать. — Оля, у нас такие страхи были... Ты не представляешь, мы чуть с ума не сошли. Почему не звонила? Неделю, как уехала, и ни разу... Что это такое?

— Да погоди, ты! — Рывкнула мать на вырывающего трубку отца.

Оля кое-как наврала, что в Москве нет приёма на нужный профиль, и вообще..., сейчас вся жизнь в северной столице. Успокоив родных, задумалась сама: «А и, правда, что-то совсем. За неделю ни разу не звонила. Коза. И «сотовый» куда дела? Совсем плохая?»

Алексей усмехнулся. «Ладно, хоть такая критика. А родные не зря паниковали, видно, сердцем чувствовали. Ну ладно, обошлось и, слава богу».

Утром, перекусив в буфете, собралась и отправилась в приёмную комиссию.

Документы приняли, очередь, конечно, пришлось отстоять дикую.

«Такие «фифы», что ты будешь..., прямо столичные звезды,

но, вроде, и я не совсем колхозницей смотрелась. А на колечко, так вообще..., пялились. Как на бриллиант.

«Хотя, что и говорить, сверкает классно, лучше, чем натуральный переливается». — Повертела рукой Ольга.

«Ещё бы, — Алексея рассмешила наивность девчонки. Потому и блеснит, что высшей пробы камень».

«...Первый тур через два дня, слава богу, успела». — В номер приползла без ног.

«Стоило мучиться, на каблуках-то? Ведь не экзамен». — Запоздало сообразила абитуриентка.

«А к чему на экзамены наряжаться? — Подкинул идейку квартирант. — Там все будут в лучшем, и кого здесь «раскраской» удивишь? Может, наоборот? На контрасте.

«... Интересно? — она задумалась — «Может, и правда, попросту, не выпендриваться?»

С этой мыслью и заснула.

Весь следующий день выбирала, что читать: «Басни — не актуально. Классиков — скучно. А что?» — Так ничего не решив, она устала и махнула рукой.

Вообще-то, плюнул Леха, ему надоело следить за её мученьями из-за такой ерунды.

Странно, Ольга вовсе не беспокоилась о первом туре. Главное — второй этап, музыкальный номер, вокал.

А на следующее утро, повинуясь невнятному желанию, съездила в Пассаж и выбрала хорошую шестиструнную гитару. Концертная «Кремона» вытянула на двадцать тысяч, но того стоила. Чистейший звук, строится легко, держит мертво. А в придачу к инструменту, гулять, так гулять, разорилась на роскошный футляр. Твёрдый, обтянутый матовой кожей.

«Захотелось вот... И плевать, что играю я так себе. Не очень играю, если честно, но пусть будет...». Начала оправдываться перед собой транжира.

«Нет, ну надо такое сказать? Это кто, не очень? — Алексей даже обиделся. — Да я одних только струн под сотню порвал, а на аранжировке собаку съел.

Нормально ты сыграешь. А если ещё spoёшь как надо, вообще «супер» будет».

Придя в номер, Оля, первым делом, вынула гитару, устроилась поудобнее и неожиданно для себя заиграла какую-то замысловатую классическую мелодию. Не рваными дворовыми аккордами, а немыслимо ловко перебирая тонкими пальцами лады, и с немим восторгом вслушиваясь в кружево волшебной мелодии.

«Ага, вспомнила. Бетховен, соната ре минор. Ух, ты, как я

успела забыть, когда учила. Но, всё равно, здорово).

Окончив, взяла аккорд и заиграла вступление к старинному романсу. Всплыли в памяти слова великого поэта. Чудо, пальцы сами брали нужные аккорды. Она пела и не могла понять, что с голосом. Ну, пела для себя дома, знала, есть, но что такой тембр, сила. А верха? Даже слезы проступили. Спела ещё, но уже из современных. Тоже неплохо. В тон и без фальши, правда, немного по-своему. — Ну, так это ведь здорово.

А напоследок вспомнила старую вещь Розенбаума, что-то из одесского цикла».

«Обалдеть. Это не я. Это почти мужской голос, и переходы мужские, интонации. И хотя пела весь вечер, в горле даже ни скрипнуло».

На первый тур пришла, в простеньком цветном сарафане, лишь слегка подправив глаза, и уложив волосы.

Своей очереди ожидала тихонько сидя в пропахшем духами и прочей «боевой химией» вестибюле. Дождалась к полудню. Озверев от наплыва чтецов, экзаменаторы, уже тоскливо смотрели перед собой, словно выполняя тягостную повинность.

Ольга поздоровалась, и, не дожидаясь традиционного вопроса, на вдохновении, произнесла. — Есенин: «Письмо к женщине».

Чуть посаженный вчерашним вокалом голос ушёл вниз, возникла лёгкая хрипотца, но звучал чётко и сильно. Повторила чуть тише. — Письмо к женщине.

...Вы помните? Вы всё, конечно, помните... — Показалось, что произнесла это вовсе не хрупкая, в простеньком платице, девчонка.

Один из экзаменаторов, задумчиво сидящий за столом с видом страдающего острой зубной болью, поднял глаза, среагировав на голос. Обратил внимание и на отсутствие косметики, на внешность. Заинтересовано толкнул локтем соседа, профессорского вида толстяка, незаметно читавшего газету.

А перед глазами у Алексея вдруг всплыл его разговор с женой. Он, как раз, вернулся из Вьетнама. Двухнедельный рейд по джунглям, кишашим тропической живностью, оставил после себя дикое безразличие и вызвал какую-то местную заразу.

Леха сидел на продавленном диване в убогой комнатке гарнизонного ДОСа, закутанный в казённое сероватое одеяло, сжимая зубы от потряхивающей тело мелкой дрожи.

Мария, узнав, что его переводят в Забайкалье, ехать отказалась. Наотрез. Коротко и доходчиво объяснила причину: «Если тебя, дурака, убьют в очередной проклятой командировке, мне вовсе не светит вдовствовать на копеечную пенсию у черта в

турках...» Тяжёлый, в общем, разговор вышел... И закончился, как и следовало ожидать, разводом.

«Интересно... Как она сейчас? А что меня уже нет, наверное, не знает?» — внезапно подумалось Алексею.

Оля читала и, словно наяву, переживала боль расставания. Всплыло непонятное раздражение и чья-то, уже вовсе нестерпимая, почти смертельная тоска, а ещё понимание невозвратности. Скорее, даже не для них читала, для себя. Закончив, подошла к столу и вопросительно глянула на председателя комиссии. Оля часто видела её по телевизору. Красивая, ещё эффектная женщина, задумчиво, и слегка недоверчиво посмотрела на абитуриентку.

— Девочка, — показалось, что глаза актрисы, спрятанные за стильными очками, подозрительно блеснули. — Ты молодец. Поступай.

Сосед председательствующей согласно кивнул головой с величественными залысинами — Да, да, я буду на втором туре, Вас очень интересно будет послушать. — Он вернул Оле листок.

В гостиницу летела как на крыльях: «Надо же, кто мог подумать, прошла. Ура».

Алексей тоже удивлялся, не её успеху, а своему настроению: «Это ж надо, десять лет прошло, ни разу не вспомнилось. Разошлись и разошлись. А тут, вон как зажгло. Может, зря не удержал, может, стоило отказаться? Глядишь бы и проскочили...

Нет, бесполезно жалеть. Да и как отказаться? Ты бы не смог. Как же, вся группа на задание, а ты в кусты».

Готовили их для работы в Африке, «Аденские кореша» по социалистическому лагерю тогда крепко поссорились с Генсеком, нужно было вправить кое-кому мозги. Был у их вождя родственничек с амбициями. Амбиции ему и вышибло, вместе с мозгами. «Ладно, чего уж теперь, проехали. — Вздохнул Леха. — Эка, вспомнил».

На музыкальный конкурс Ольга пришла с гитарой. Стоило только видеть, как скривило лица экзаменаторов, вообразивших, что придётся слушать подражательное вытьё малолетки под нестройные «три аккорда».

«Ну, держись, славяне». — Леху заело.

Ольга распахнула футляр и, вынув инструмент, провела по струнам: «Нормально, не стрясла».

И тут же, без перехода, выдала блюз «All your love», Гарри Мура.

Пройдя до места, вызвавшего у слушателей непроизвольную дрожь, внезапно оборвала. И, взяв аккорд, неожиданно запела совсем другое.

— Е-еха-ли цы-га-а-не. — Вещь, при кажущейся простоте, для исполнения сложна, и кто понимает, вокал оценит обязательно. А если её к тому же грамотно аранжировать, вызывает не меньший интерес и искреннее переживание. Она играла, вкладываясь в музыку целиком, а голос, улетающий местами на три октавы, слушать без волнения мог только глухой с детства.

Закончив, остановилась: «Странно, молчат?»

Оля заметила вчерашнего мужика, с первого тура. Тот незаметно поднял вверх большой палец и, подбадривая, кивнул головой, предлагая спеть ещё.

«Вот как? А из «Призрака оперы», арию, думаете — слабо? Партия дикая, но справилась, и не стыдно было, ничуть».

Дверь в коридор приоткрылась, там тоже слушали.

«Чего они молчат? — Уже с тревогой замерла, переводя дух, исполнительница. — Ну, раз не гонят, сыграем ещё, чтобы на любой вкус».

Того, что прозвучало дальше, не ожидал никто, даже сама. После короткого, рваного вступления, зазвучали бесшабашно-отчаянные интонации Высоцкого.

— Я Як, истребитель..., — на пределе, в опасной близости от срыва.

И в конце, когда вышла на финальное. — Мир-р-р вашему дому. — Всем показалось, это он, сам, оборвал песню. — Слушатели замерли, борясь с пугающе зримым ощущением надвигающейся земли..., с неповторимой правдой его интонаций.

Сама, находясь под впечатлением вырвавшихся эмоций, наклонила голову, спрятала гитару в футляр и коротко спросила у комиссии. — Я пойду?

И тут взорвалось. Хлопали долго. Отдавая бумажку, профессор негромко посоветовал. — Оля, если к нам не пройдёшь, обязательно иди в музыкальный, у тебя талант.

Ответила: Я подумаю и, стараясь не разреветься от удовольствия, ретировалась.

В коридоре её остановил роскошный парень, сунул визитку. — Я, сын...

Он назвал известную в театральных кругах фамилию. — Позвони, составлю протекцию. Мой отец на третьем круге в комиссии слушать будет. Сдерживаясь, чтобы не послать «сынка» в адрес, обогнула толпу и прошла к выходу.

«Что это со мной? Почему такой холод идёт от смазливых мужиков? Вообще, заметила, что боюсь их. Просто дикий страх с недавнего времени?» — Ольга недоумевала.

Домой ехала в раздумьях. «А может, прав старик. Может,

действительно, в музыкальный?»

«...Стоп, не дёргайся. Давай закончим с одним, после будет видно», — подкинул Леха здравую мысль.

Утро он встретил в отвратительном настроении. Перспектива жить в чужом теле, постоянно зависеть от прихотей её сознания, желаний, стала невыносима.

«Она не виновата, а я чем провинился? Нагрешил? Так что? Ну, убили..., Я своё получил..., забирайте..., куда там дальше? Готов я. А так-то, зачем? Самое гнусное, если не давить её сознание, ничего не сделаешь. Руку по собственной воле не поднять». — Короче, злой был, как черкес. Да и соседка поскучилась, детские мысли разбегались из крайности в крайность. То она хотела всё бросить и уехать назад домой, то нарядиться, как на свадьбу.

«У неё, видишь ты, сегодня этюды. Задолбало». — Алексей отключился и тихо ненавидел всех. Себя, её, весь мир. Кое-как добрались в институт. Снова нудная, парфюмерно-потная очередь. Она попыталась встряхнуться и привести себя в бодрое настроение.

«А, пусть творит, что хочет». — Он разглядывал портреты театральных корифеев, развешанные по стенам, и в происходящее не вникал.

— Ну-с, детка. Вы успешно прошли два тура, сегодня мы дадим вам задание..., исполнить сценку, экспромт. — Вальжный мэтр с гривой седых волос снисходительно взирал на зеленую выскочку через круглые позолоченные очки,

— Попробуйте изобразить, к примеру, — он на секунду словно задумался, — грабителя банка. Вот мы, посетители и персонал, Вы — грабитель. За пять минут нужно сделать так, чтобы мы отдали Вам деньги. Взаправду.

Ольга растерялась, по молодости лет ей было невдомёк, что талант, как правило, любят значительно меньше, чем посредственность. И нет для серости больше удовольствия, чем видеть поверженного удачника.

Задача казалась ей невыполнимой. Она и без того еле заставила себя прийти на экзамен. На душе скребли кошки. Плохо было. Тоскливо настолько, что хотелось выть. Она замерла, надеясь поймать кураж, но Лехе было всё равно. — «Её проблемы».

«Ничего, ни одной мысли. — Ольга представила, как поднимает руку, изобразив пистолет, тоненько говорит. — Спокойно, это ограбление».

«Чушь собачья, лучше не позориться» — Навалилось сонное безразличие. Опустив голову, чтобы скрыть выступившие слезы,

двинулась к выходу.

«Да за что, такое? — Она беззвучно всхлипнула. — Пропади всё пропадом. Куда теперь? В контору, полы мыть, за три тысячи? Или в гастроном, народ обвешивать».

Позади раздалась усмешка довольного своей выдумкой мэтра.

— Вот видите... — Фаянсово прожурчал он, обращаясь к соседке, увешанной посудным серебром. — Искусство, это не только смазливое личико...

И тут Лехина злость нашла выход. Мгновенным движением обернулся и, крутанув сальто, прямо через стол, пришёл за спину болтливого пердуна. Уже в воздухе кляцнул об угол пустую бутылку из-под газировки и, поймав очкарика за седые патлы, нежно вмял «розочку» в дряблую шею.

«Не убить бы, — мелькнуло запоздалое опасение. Будь такая цель, тот бы уже давно сипел разорванной трахеей».

— Ты, гнида, лохматая. Деньги, на стол, живо. Кому сказано, ну? Всех касается. Пришью его, и другим не жить. Мне терять нечего. — Прозвенел мелодичный Ольгин голос.

Но сказано это было тем тоном, от которого тренированный британский диверсант, которого он «потрошил» в Анголе, сделал под себя. Что уж говорить про окаменевших эстетов. Они заворожено устали на блестящее острыми гранями стекло, утопленное в жирную плоть.

— Мне повторить? — Разведчик тонко изобразил режущее движение.

Заложник взвизгнул и поперхнулся слюной, глаза закатились. Приёмная комиссия зашевелилась. Бумажники и кошельки легли на стол. Кто-то в углу тихо взвыл в нешуточной истерике.

Причина была не в стекле, и даже не в голосе. Агрессии, исходящей от девчонки, было достаточно, чтобы застрашать весь курс. Внезапный стресс требовал выхода. Соседка мэтра начала стаскивать алюминиевую бижутерию.

Понемногу начало отпускать. Леха ослабил пальцы, стискивавшие кусок стекла, и выпустил сомлевшего мэтра.

Прошло секунд десять, пока они начали приходить в себя. Облегчение мгновенного избавления привело к выбросу огромной дозы андрогена в кровь пожилых любителей сцены. Эйфория вылилась в громкий, истерический смех.

Оля, едва обозначив нетерпение, повернулась к председателю и вежливо уточнила, указывая на «лопатники». — Я сдала? Будьте любезны, зачётку.

Дрожащей рукой экзаменатор вывел закорючку и протянул листок.

— Прощайте, Станиславские. — Леха широко улыбнулся и долгим внимательным взглядом окинул враз стихшую публику. — «Похоже, выгонят? Да и хрен с ним».

Оля сидела на скамье и дрожала от страха. «Неужели это я? Не может быть. — Мысли путались. — Чувство, что ею управляет кто-то другой, не исчезало. — Безжалостный и спокойный убийца. — Безумие?»

Пожалев девочку, Алексей тихонько внушил ей, что, мол, «перевоплотилась..., психологические аспекты механизмы лицедейства до конца не изучены... Недаром говорят, актёр умирает с каждой ролью».

Запудрив мозги и кое-как успокоив своё Альтер эго, задал вопрос. Уже самому себе: «А как мне? Как мне жить?»

Внезапно осенило. Быть может, это Он, Всевидящий и Всемогущий сжалился, или вспомнил, но миг всё стало понятно.

Никто и не собирался дарить ему это тело. Для его души была уготована другая роль, ангела хранителя. Вечная обязанность безмолвно хранить и беречь душу от бед и напастей. Но, по иронии судьбы, именно в момент нашей встречи её рассудок отключился, не выдержав издевательств насильников. И, вместо того, чтобы занять своё, полагающееся место в пограничье её сознания, стал временным хозяином самого тела. Одна накладка привела к череде последующих, и вот теперь случилось то, что случилось. Самое плохое, что её сознание тоже начало пробиваться в разум Алексея.

Не приведи господь ей получить то знание изнанки жизни, что кроется в нём. Сам факт раздвоения личности, который она испытает, прямой путь в психушку, а плюс такой жизненный опыт. Это — гарантированное безумие».

Алексей видел, как человеческие желания медленно отступают, истончаются и гаснут. Спокойствие наполнило душу. Теперь он знал, как поступить, имел право.

— Оля, — мысленно произнёс Алексей, — не пугайся. Ты не сошла с ума.

Этот голос в твоей голове, голос ангела-хранителя.

У тебя была травма, и поэтому ты не помнишь о той неделе, что прошла со времени отъезда из дома. Сейчас всё в порядке, и всё будет хорошо.

Девушка вздрогнула, когда в голове у неё зазвучал тихий, спокойный голос.

— Не пугайся, — произнёс он.

Она верила и не верила. В детстве ей казалось, что они какие-то другие, с крыльями, в белых одеждах. А здесь, голос и всё. Но, в тоже время, стало легче. Хотя сомнение не исчезло.

— Тебе мало доказательств? — прошелестел, усмехнувшись, голос.

— Но почему у меня именно так? Оля, не в силах сформулировать неправильность, покрутила пальцами.

— А ты думаешь, что это не правильно? — прозвучал резонный вопрос. Не так уж много людей имеет своего личного Ангела. В основном..., ну, это тебе знать не стоит.

Голос продолжил. — А те, у кого он есть, на каждом углу о нём кричать не станут.

— И что мне теперь делать? — наивно спросила собеседница.

— Жить, — просто ответил я. — Живи, как жила.

— А я буду всё время рядом. Подскажу, помогу. Когда и поругаю. Не бойся, без пригляда не брошу. Не удивляйся некоторым странностям и всё. Хорошо?

— Хорошо, кивнула она головой, вызвав удивлённый взгляд сидевшей неподалёку женщины.

— А я смогу разговаривать с тобой? — Задала она детский вопрос.

— Вряд ли. Сама посуди, раздвоение личности — это диагноз. Так что, нет. Напоследок, запомни, ты должна стать более ответственной в своих желаниях и эмоциях.

Он размышлял. — «Вроде, всё правильно. Теперь установился барьер, который её сознание уже не перешагнёт.

Но, это полдела, а как со мной? Сдаётся, не всё так просто. Ангел-то ангел, это так, однако какой-то..., недоделанный.

В моем понимании он должен быть, как сказать, обладать знанием какой-то высшей истины, иметь мудрость и недоступное человеку понимание сути всего. Куда там, сдаётся, «каким ты был, таким остался». Если не считать того, что исчезло тело и насущные потребности, всё осталось по-прежнему.

Знаний новых — ноль. Способности? Какие способности у коlobка?

Разве только уверенность в том, что смерть — это не просто выключатель, после которого всё исчезает, и мир погружается в темноту и безмолвие, но как это поможет мне в новой роли?

Чему я смогу научить её? Как выжить в джунглях, или поставить мину?»

Потрясение вышло сильным. Не каждый день случается подобное. Сначала дикая сцена в институте, потом голос. «Это нужно осмыслить». — Оля встала и побрела в направлении станции метро, рассчитывая вернуться в гостиницу и в спокойной обстановке решить, как жить дальше. Однако мысли не отступали.

Двигаясь вдоль зарослей цветущей черёмухи и вдыхая сырой

питерский воздух, она продолжала внутренний диалог.

«Ну, и зачем мне эта профессия? Неужели хочется всю жизнь по указке таких вот мордатых «кротов» повторять чужие слова и придуманные другими жесты. Как показал опыт, актриса из меня не очень и, если не помощь неизвестно кого, то всё бы уже прояснилось. Выходит, эта суета впустую? Ой, не знаю».

Неожиданно кто-то тронул её за рукав.

— Пойдите, пожалуйста. — Элегантная женщина, в строгом брючном костюме, улыбаясь, протягивала визитку. — Здравствуйте. Меня зовут Татьяна, я видела Вас на втором туре и вот сегодня. — Она кивнула головой в сторону училища.

Позволь обращаться на «ты», я ведь значительно старше.

Это какое-то помешательство, ты так сыграла..., там до сих пор в шоке. Споры, шум до потолка. Мэтр орёт: «Вон!» Другие стоят на том, что ты гениально талантливо выполнила поставленную задачу. Но, боюсь, он всё же убедит комиссию и, как ни грустно, тебя срежут.

— Ольга весело рассмеялась. — Подумаешь? Одно удовольствие проучить этого борова того стоит, что до остального, я уже поняла — это не моё. Так что... Флаг им в руки. — Не смягчила она ответ.

— Вот как? — Дама заинтриговано наклонила голову. — Это интересно. Давай зайдём в кафе и поговорим.

В груди у неудавшейся актрисы что-то сжалось, мелькнула неясная тревога, словно звякнул тревожный звонок. Однако, явных причин отказываться она не усмотрела.

— Пойдёмте. — Кивнула в ответ Ольга.

Они присели за столик в уютном баре. Негромкая музыка усиливала впечатление спокойствия и комфорта от стильно оформленного интерьера. Заказав кофе и пирожные, Татьяна приступила к разговору.

— У тебя превосходные внешние данные. — Польстила девушке собеседница.

— Отличный вокал и профессиональное владение инструментом. — Продолжила она перечислять достоинства.

— Мы отслеживаем появление талантливой молодёжи. Невозможно ориентироваться только на безголодых, оплаченных спонсорами «фабриканток». Если раскручивать только их, не заработать.

Мой шеф, посмотрев запись выступления на втором туре, решил попробовать тебя на музыкальном поприще. — Она сморщилась от канцелярского оборота. — Ну, что поделаешь. Не могу же я предложить тебе попросту «лабать» в эстраде. Это звучит ещё хуже. Смысл предложения, — мы ставим тебе

программу и образ. Запускаем в рекламную компанию. Пробиваем участие в каком-нибудь телешоу. Потом, если сможем раскрутить, гастрольная деятельность, но придётся поработать над имиджем. Формат молодёжной эстрады. Ты заключаешь эксклюзивный контракт на наших условиях, поверь, они вполне достойные.

Ольга задумчиво слушала. «Предложение неожиданное и, на первый взгляд, привлекательное. Настораживало одно. — «Слишком вовремя, слишком гладко».

«Интересно, какая предусмотрительная? Неделью назад ты бы от счастья прыгала, а сейчас опасения, непонятная тревога. Странно». — Подумалось ей.

Леха внимательно рассмотрел визитку: «Татьяна Симонова. Менеджер. Продюсерский центр, звучное название. Адрес. Где-то в центре. Бумага обычная, без особых изысков. Попробовать?»

— Мне нужно подумать. — Внезапно, сама того не ожидая, ответила Ольга. — Ваш телефон у меня есть, я позвоню, — постаралась она как можно обаятельней улыбнуться, чтобы смягчить ответ.

Видно было, что искусительница не ожидала подобного ответа и слегка озадачена. Сломанный стереотип заставил её проявить эмоции.

— Что ты? — Продолжила Татьяна. — Хватайся, девочка, это шанс. Ты знаешь, сколько нам анкет шлют? Тысячи. Он может и передумать.

Оля вновь улыбнулась. — Татьяна Васильевна, — припомнила отчество, — разница в том, что они присылают, а ко мне Вы подошли сами. Согласитесь, для тех девочек это заветное желание, цель, а для меня Ваше предложение слегка неожиданно, ведь так? Я должна обдумать его. И, к тому же, один-два дня ничего не меняют. Но, если Вашему шефу с самого начала не понравится моя просьба, то это может ещё более затруднить дальнейшее сотрудничество. Я уверена, что он поймёт мотивы и примет верное решение.

Татьяна кивнула головой, признавая очевидность.

— Да, похоже, шеф в Вас не ошибся. — Наконец произнесла она. — Вы не только талантливы, но и рассудительны. Я, со своей стороны, сделаю всё, чтобы к Вашей кандидатуре отнеслись внимательно. Вы мне нравитесь. — Она протянула руку и на прощанье ещё раз посоветовала. — Не отказывайтесь.

После ухода новой знакомой озадаченная Ольга взяла кофе и растеряно задумалась. — «Как же быть?»

Алексей неожиданно вспомнил, как сам впервые почувствовал тягу к музыке.

«Смешно, но слон, который отдал ему ухо, был, наверное, размером с пятиэтажку. В школе не мог повторить за бряцающей на расстроенном пианино учительницей ни одной ноты. И, сказать по совести, нисколько не переживал.

Не дано, и ладно. И пятиборья хватало сверх меры. А вот на службе, когда, несмотря на бурчание инструкторов и командиров, началось повальное увлечение восточными техниками...

Но это отдельная история.

...Тогда, в конце семидесятых, о карате или ушу почти никто и ничего не знал. Слышали, краем уха, и только. Даже в спецчастях, где рукопашка — одна из профильных дисциплин, главенствовало наставление по ФП-77 и методички. Опять же, армия — не Новгородское вече, а институт замполитов в спецназе имел точно такой же вес, как и везде. И стоило кому-то сделать шаг от утверждённой программы, никакие заслуги не удержали бы того «ренегата» в войсках.

Лехе повезло дважды. Сперва тем, что в отряде был нормальный замполит. В меру пьющий и потому слегка расслабленный. На вольности во время самоподготовки он смотрел сквозь пальцы. Вернее, ему было просто лень забивать голову посещением занятий. А, кроме того, в их набор попал паренёк, умудрившийся получить базовые знания восточных единоборств.

Это после Леха на своей шкуре понял, что никакой шпагат или блок не спасёт от пули или стального клинка. Когда обе стороны до зубов увешаны оружием, когда с обеих сторон зверствуют снайперы, все разговоры о «рукопашке», просто забавны. Конечно, возможность таких схваток существует, но скорее теоретически. Во-первых, какой дурак подпустит тебя вплотную к себе? Во-вторых, надо быть абсолютным идиотом, имея в руках заряженный автомат или гранатомёт, вступать в ближний бой.

Это только в рекламных выступлениях десантник или спецназовец, ворвавшись в помещение через окно, демонстративно отбрасывает свой автомат в сторону и начинает «мочить» всех «врагов» налево и направо руками и ногами. Однако, ясен пень, эти шоу так же далеки от правды жизни, как Луна от Марса.

«Чистка» жилых кварталов в Грозном осуществлялась куда прозаически. Сначала в окно или в дверной проем лупили из гранатомёта или бросали гранату, а после все углы на совесть поливали свинцом из АКМС-ов. И, если только чудилось, что в помещении кто-то шевелится, всё повторялось с самого начала.

Кое-кто может возразить в том смысле, что без рукопашки не

обойтись тогда, когда кончатся патроны, и враг это поймёт. Конечно, на войне всякое бывает. Однако, лучше вовремя пополнять боекомплект, иначе противник просто сделает из тебя решето, продолжая оставаться недостижимым для рук, ног и даже для метания ножа. Не помогут никакие «секретные маятники», которыми так гордятся Кадочников и Лавров.

Алексей считал, что коэффициент полезного действия у «маятников» (а разновидностей их существует немало) весьма низок. И дело не только в том, что для овладения «маятником» нужна уйма времени, это полбеды.

Вторая половина, притом худшая, в том, что по тебе стреляют не одиночными выстрелами из пистолета, а лупят очередями из автомата или пулемёта, к тому же никто из басмачей косоглазием не страдает.

Шансы выжить почти одинаково малы как у того, кто умеет «качать маятник», так и у того, кто никогда о нём не слышал. Как там, в старой песенке?... «Если бы молодость знала»....

А пока Сергей, так звали сослуживца, выклянчил у командира помещение, изготовил примитивные снаряды и потихоньку начал тренировать сослуживцев.

Леха заглянул как-то в зал и «повёлся».

Тренировки начинались стандартно. Часовая разминка, повтор связок из блоков и ударов. Верхний, средний внутренний, нижний, нижний, средний внешний, верхний — и так сотни раз.

— Автоматизм в защите — это главное — Любил повторять тренер, если «достал», но не закрылся — ты проиграл.

Ката... Первая ката. Как нудно он её учил. Каждое движение разделялось на два, а то и четыре. Поворот, стопа на линии колена. Рраз, два, рука в левый блок. Ровнее ладонь..., и так сотни и сотни раз. Движения эти он мог бы повторить в любое время в любом месте.

Уже через месяц, когда прошла крепатура мышц от первых нагрузок, заныли сухожилия от растяжки. Сидеть, без движения, на одном месте более пяти минут стало невыносимо. Особенно это мешало на снайперской подготовке. Но и это прошло.

Алексей понял, что хоть тренер и сам не очень разбирается в теории, практикой владеет хорошо.

У Лехи были разные преподаватели — сильнее, слабее, но такого настроя на работу, энтузиазма и влюблённости в своё дело, как у Серёги Воронцова, не было больше ни у кого.

В какой-то момент Алексей заметил, что стал более вынослив, чем остальные. Когда все вокруг в изнеможении падали на живот после каких-то семидесяти — ста отжиманий на пальцах, он легко мог выполнить ещё столько же. И не понимал,

почему другие «сачкуют». Конечно, боль в мышцах появлялась, но после некоторого преодоления слабела и не мешала повторениям. Только возникала непонятная дрожь в теле. Когда, после нескольких сот повторений, надоедало считать, и он опускался лицом вниз, на паркет, боль возвращалась, схватывая коротким спазмом мышцы. А после возникало чувство восторга и непередаваемое ощущение движения в теле. Будто под кожей пробегал слабый разряд тока. Начинали чесаться и гореть ладони и стопы ног.

Уже потом, в девяностых, прочитав гору книг по этому вопросу и позанимавшись у настоящих мастеров, он понял, что это просыпалась энергия.

Иногда Алексей вставал в стойку и замирал, прислушиваясь. Он ощущал как нечто, словно двигается по его нервным окончаниям. Вот дёрнуло в середину ладони, кольнуло в локтевом сгибе, через секунду дрогнула жилка на шее, защекотало затылок. Он мог стоять так бесконечно долго. Никаких мыслей, только пустота и покой. Вскоре пришли первые успехи в физическом плане.

Сел в поперечный шпагат. Технически грамотно выполнял удары и блоки. Только удары, всё более скоростные и хлёсткие, почему-то не отталкивали тяжёлый мешок, набитый песком, а заставляли его подпрыгивать, в то же время звук, по своей резкости, мог соперничать с хлопком взрывапакета.

«Быстрые, но слабоваты», наивно вздыхал Алексей, продолжая работать по «макиваре». Стена содрогалась и сыпалась штукатурка. Однажды, в бесконтактном спарринге, он не рассчитал дистанцию и перчаткой, вернее всего краем, легонько зацепил партнёра, тот согнулся от боли, а когда выпрямился, в месте касания видны были два кровоподтёка. На следующий день выяснилось, что порвана жевательная мышца и трещина в челюсти. Тренер, опасавшийся травм, которые грозили не только закрытием зала, но и серьёзными последствиями, Алексею спарринги в контакт запретил.

Чтобы испытать блаженное чувство взрыва энергии, ему приходилось всё более нагружать себя.

Десять серий по сто отжиманий на трёх пальцах, полчаса качания пресса.

Это потом, после десятка лет работы с Ци, он мог прогнать её по каналам или направить в любую точку тела простым усилием мысли, а тогда, эти медитации всегда были его любимым упражнением на тренировках.

Сосредоточившись, он вытягивал вперёд руки и, представляя как поток энергии, проходя по большому кругу, концентрируется

в кончиках пальцев, постепенно усиливается. Казалось, лучи вырываются из пальца и устремляются вперёд.

Резкость удара отрабатывал со свечей. Стоящая в отдалении свечка должна была гаснуть от лёгкого взмаха рукой. Он довёл расстояние до пяти метров.

Парадокс, ему ни разу не удалось применить свои навыки вне службы. На улице, даже когда навстречу шла пьяная компания отморозков, он проходил спокойно. Словно был для них невидимкой. Возможно, причиной были не только габариты, но и полное отсутствие внутренней агрессии.

— Добрый ты слишком. — Не раз приходилось слышать ему от совсем разных людей, и не всегда это звучало как комплимент.

Как-то раз на глаза попала книга по биоэнергетике.

Алексей научился трансформировать энергию, ощущаемую в теле, не только в ударную технику. Произошло маленькое чудо, которое сначала потрясает всех столкнувшихся с этим загадочным, но совсем не простым и вовсе не добрым миром. Он переболел первыми успехами в воздействии на окружающий мир, которые частенько ломают психику, превращая человека либо в экзальтированного мистика с уклоном в магию, либо приводит к гипертрофированному самомнению.

Успехи были, но росло и внутреннее неприятие. Настораживала входящая исподволь в привычку манера влиять на ситуацию через энергии. В конце концов, он прекратил опыты и вернулся к медитациям.

Энергия вновь шла по телу, пробивая каналы, но она была другая. Усиливаясь в груди, она распространялась по всему телу горячей волной. Закрывая глаза, Алексей отчётливо видел ярко-фиолетовое пламя, занимавшее всю область внутреннего зрения. Иногда фиолет уходил в полный мрак, пронизываемый серебряными молниями.

Всплеск той прежней деятельной энергии прошёл, но появилось кое-что новое.

Юмор, раньше ему не свойственный, приветливое и ровное отношение ко всем, будь это командир части или боец первогодок. Даже к врагам стал относиться иначе. — «Враг это враг, его можно ненавидеть, но почему нельзя уважать?»

Люди, ранее сторонившиеся его, постепенно начали ощущать потребность поделиться своими заботами, рассказать о чем-то. Алексей слушал, не перебивал, но не советовал и не спорил.

А вот тогда, после, пришло и новое знание. Он понял, что видит и слышит музыку. Голубой, серебристо белый цвет и необыкновенный звук. Они шли от груди, растекаясь и наполняя всё вокруг. Освоить музыкальный инструмент, научиться играть

стало делом нехитрой техники.

## Глава 6

### Нам песня строить и жить помогает

«Слишком мало исходных данных. — Как-то уж совсем рассудительно решила, выныривая из непонятной прострации, Ольга. — Раз так, информацию нужно добыть».

Расплатилась и двинула в магазин оргтехники. Средних возможностей ноутбук и мобильный телефон обошлись в двадцать пять тысяч. Улыбнулась консультанту, и прямо в магазине аппарат настроили и подключили к интернету.

В автосалоне, не слушая трескотню продавца, уверено выбрала нужную модель. «Рено» трехлетка понравился сразу. Компактная, юркая машинка неброского, серого цвета.

«Если приспичит, на продаже потеряю немного, а сейчас без колёс — никак».

Не переставая удивляться, с какой обыденностью смогла в один день совершить столько поступков, каждый из которых в другое время мог стать космической проблемой и событием, она дождалась оформления документов и выехала из автосалона.

«А откуда такое спокойствие за рулём в незнакомом городе? » — На права Оля сдала перед самым отъездом, и опыта вождения практически не имела, однако в поток влилась совершенно естественно и управляла ходкой малюткой, не дёргаясь от обилия других участников движения.

«Чудеса. Ангел, наверное, помогает. Спасибо... — Мысленно поблагодарила она и поняла, он слышит.

Стало вдруг спокойно и тепло. Уверенность, обретённая после беседы с ним, не исчезала. «Всё будет хорошо, — сказал он. Так и будет».

Припарковаться удалось не сразу. Хоть Питер и не Москва, но обилием машин не многим уступает столице.

Приткнув машинку в углу платной стоянки, включила компьютер и вышла в сеть. Сайт музыкальной тусовки дал несколько ссылок на нужные ресурсы. — Проще всего найти интересующую информацию на приличном форуме, — решила она. Действительно, проскочив всего три полусонных сообщества, попала на активное обсуждение продюсерских центров.

«Звёздный альянс», такое название было выведено позолотой на визитке феи искусительницы, оказался достаточно крупной фирмой, стоящей в ряду других продюсерских центров несколько особняком. Небольшое количество скандалов и отсутствие вовсе уж одиозных фигур в компании раскрываемых заинтересовало.

Зашла на сайт кампании: «Так, перспективы развития..., привлечение новых имён... Ну, что ж, соответствует сказанному». Поисковиком разыскала фамилию Татьяны. — «Есть такая, правда на фото моложе, но она. На каких условиях работают? Грабят потихоньку, ну, это понятно, всё же не школа гуманизма. Бизнес есть бизнес. А в остальном, выглядят достойно. Кто в хозяевах? Нефтяник, известный продюсер, два шоумена со связями. Пробила на связь с криминалом. Пришлось съездить на рекламируемую в том же «инете» точку, где совсем незадорого купила полную базу РУБОПА. Просмотр досье выдал два мелких эпизода конца девяностых, но, в целом, чисто.

«Господи, Оля, какая ты умная? — В который раз поразились она, устало складывая ноутбук в сумку. — Это ж надо? Прямо как в шпионском фильме».

Кроме общей информации о центре поинтересовалась и личностью её руководителя. Евгений Петрович Длинных. Тридцать шесть лет, холост, намёки на лёгкую голубизну. — «Это не страшно, меньше шансов, что придётся отбиваться, а что гей, так они в этом отношении все там свихнулись. Не моё дело осуждать чужие нравы, просто приму к сведению». — В остальном профессионал, есть небольшие заскоки, но в целом особых гадостей не выявила. — «Ладно, будем считать информация есть, теперь помыслим». — На этой раздумчивой ноте закончила.

Копаясь в памяти, Леха отбирал то, что, как ему казалось, могло помочь Оле. В методиках и наставлениях эти истины даны таким канцелярским языком, что применить достаточно полезные и нужные сведения практически невозможно.

Люди с отвращением относятся к менторству. Попробуйте запомнить, что «...главное в общении — негативный эгоцентризм, банальность, пассивность, самоуглублённость, низкая эмоциональность, угрюмость, серьёзность, льстивость, отсутствие тактичности и «... — Даже сам заскучал.

Может сказать иначе. — «Оленька. Говоря с малознакомым человеком, не веди разговор о личных проблемах. Ну, не хотят люди слушать о чужих болезнях, неприятностях, пусть даже сами своими рассказами как бы приглашают к откровенности. Не ведись.

Бородатые шутки и банальности — ещё одна ошибка. Лучше промолчать, чем трепаться на избитые темы.

Не поддакивай собеседнику, если тебе лень или не хочется говорить о чем-то своё мнение. Ловится мигом, и, даже не поняв причины, собеседник замкнётся.

Немного о лице: американцы «щерятся» бессмысленно, это их беда. Улыбайся от души, не пообедем.

Смотри в глаза, улыбайся, старайся контролировать голос и, хоть на короткое время, но отвлекись от своих проблем, забудь о них и, вообще, будь естественна, без панибратства. Испытанная тобой положительная эмоция, даже не высказанная, будет с благодарностью воспринята собеседником. Старайся почувствовать к нему добрые чувства. Неважно, что он «козёл по жизни». Нет людей хороших или плохих. Важно твоё отношение к нему. Сегодня человек сказал тебе гадость, завтра наоборот. Ни в том, ни в другом случае он не изменился внутренне. Меняется твоё отношение к нему.

Не перебивай, пусть выскажется. Слушай. Люди не умеют слушать. А ведь иногда мы хотим сказать тоже самое, что говорит другой.

Советы — последнее, чего от тебя ждут. Всё равно сделает по своему, а ты раскроешься. Проницательный слушатель может понять по твоему совету. Именно, о тебе, о твоём отношении к ситуации. А оно нам нужно?

И ещё, не дай бог, он этим советом воспользуется. Как правило, добра от этого не выходит. Люди склонны испоганить любой, самый верный способ решения проблемы, а виноват в их глазах будет только советчик.

Ещё один способ оказаться в дураках, — считать себя хитрее других. Если у тебя возникла подобная мысль, значит, уже сглупила. Остановись, вспомни, что сделала и сказала, проанализируй. Ощущение явного успеха или правоты — верный признак надвигающейся неудачи.

Обманывать нужно очень осторожно. Человек расположен к обобщениям. Невинная ложь, раскрытая им в общении с тобой, отложится в подсознании и сформирует целостное мнение.

Закончить беседу нужно вовремя, лучше всего на положительной ноте. Запоминается, это ещё Штирлиц сказал, последняя фраза. Старайся, чтобы твой визави остался под впечатлением концовки разговора. И, наконец, уходя, — уходи.

Оля расслаблено запрокинула голову и с удивлением вспомнила несколько, как ей показалось, известных давным-давно мелочей.

Она знала, что фраза должна быть не длиннее семи слов, в крайнем случае, десяти. А скороговорка запоминается плохо потому, что говорится быстрее двух с половиной слов в секунду. Фраза должна произноситься не дольше шести секунд. Её рассмешило, что мужчина способен внимательно слушать только первые пятнадцать секунд, после начинает думать о том, что добавить к разговору от себя. Она медленно засыпала под короткие, но врезающиеся в память фразы.

Алексей дождался, когда подопечная уснула и, наконец, прервался. — «Зачем ей это? Хотя, кто знает. Не так много в его знаниях вещей, способных не вызвать у человека неприятия.

Ещё бы, был даже такой предмет с весёлым названием: Психофизиологические аспекты пытки

Когда его читали, воспринималось с интересом, даже с юмором.

Но после первых боевых выходов, когда пришлось столкнуться с предметом ближе, поняли — весёлого мало.

Недавно Алексей заметил, что почти не спит, вернее её тело спит, глаза закрыты, а мозг продолжает работать. И в этой темноте и безмолвии невольно лезет в голову всякая ерунда. Вот и сейчас, мелькнуло воспоминание спецпредмета и тут же, как на киноплёнке, развернулось действие».

Леха укрылся за спинами и тихо дремлет, уперев ручку в конспект. Идёт второй час пары.

Преподаватель, майор со смешной фамилией Суточкин, затаился возле кафедры и, борясь с приступами жестокого похмелья, бубнит текст.

«Об отношении человека к боли полезно знать, — он прокашлялся, — что:

— субъекты, склонные к общению, устойчивее к боли, чем те, кто любит одиночество;

— кастраты и наркоманы, не находящиеся под влиянием наркотика, мучительно переживают боль».

Вовка сдавлено хрюкнул.

Майор, и в болезненном состоянии не потерявший остроты слуха, поднял голову на источник помехи. Все замерли.

Он вновь уткнулся носом в конспект:

«— при ожидании болевого ощущения чувствительность на боль заметно повышается;

— значительная боль легко и надолго запоминается;

— о том, что человек переживает мучительную боль, обычно говорят стиснутые зубы, выпученные глаза, расширенные ноздри, обильный пот, сильные расстройства кровообращения и дыхания; когда боль длится слишком долго, возможны также бледность кожи, упадок сил, дрожь и, в конечном счёте, обморок;

— знаком реальности испытываемого страдания надо считать не крики, а значительное расширение зрачков». — Лектор тяжело вздохнул, видимо, представив бокал ледяного пива. Леха с усмешкой подумал, что уж у него-то зрачки наверняка расширены.

Майор перевернул страницу и углубился в текст. — «Любое пыточное воздействие должно быть точно дозируемым, ибо когда

объект лишается сознания, оно становится бессмысленным. Для преодоления этой неприятности жертву окатывают холодной водой и вводят ей фармакостимуляторы.»

«Хорошее слово — неприятность. — Хмыкнул Алексей, — на полном серьёзе записывать эту дичь, а ведь ещё зачёты будут. Хорошо, хоть не практика. Он прислушался

...Это внезапно заставляет объект прочувствовать свою беспомощность, ничтожество и унижение. Особенно эффективен вариант принуждения человека совершить какую-либо подлость по отношению к близким.

Хорошо ломает волю отключение от всех сенсорных раздражителей, либо значительный избыток света (использование бокса с молочно-белыми однообразными стенами и ярко светящими прожекторами...), а также полное лишение объекта сна.

Алексей, не вникая в смысл произносимого, торопливо строчил в тетради.

Вовка толкнул его локтем. — А зачем так много всего? — Леха непонимающе уставился на него. — Чего много?

— Ну, способов. Вколол, какой-нибудь пентотал и готово.

— Слушай, я что, инквизитор? Вон, у него спроси. Он сейчас сам как на допросе. За сто грамм любой секрет выдаст.

А майор, словно выброшенная на берег рыба, вдохнул спёртый воздух аудитории и, не в силах бороться с тошнотой, встал и, буркнув что то, выскочил из класса.

— Сейчас поправится и любой шок выдержит. — Раздался незлобивый смех сочувствующих мукам «препода» курсантов.

— Нефиг жрать было, — мстительно пробурчал непьющий Вовка.

Вернулся преподаватель. На багровом от напряжения лице выступили капли пота. Он шмыгнул носом и, распространяя свежий выхлоп технического спирта, вернулся к средневековой страшилке.

— Хорошо зарекомендовало себя использование электротока строго дозируемой величины.

— Товарищ майор, — не выдержал шебутной приятель. — Разрешите вопрос?

— Чего тебе? — Суточкин ожил и был рад оторваться от нудного чтения.

— А зачем нам, будущим советским разведчикам, это знать. Мы что, будем выпытывать сведения таким способом? — задал вопрос с подковыркой Владимир.

— Родина прикажет... — Привычно вскинулся майор, но раздумал и закончил попросту. — А вот попадёшь ты, голубь

сизый, к врагу? Он «Кодекс строителя коммунизма» не изучал. А ты будешь готов ко всем его империалистическим выходкам. И стойко выдержишь испытание... Хотя? — Он подумал, — ни хрена ты не выдержишь. Все ломаются. Все. Уж поверь специалисту. Вот помню..., в семьдесят третьем, у меня был случай... Он присел на кафедру и вознамерился рассказать один из боевых эпизодов сотрудника контрразведки.

Но, видимо, доза «лекарства» оказалась не достаточной для приведения его в совсем благодушное настроение. Офицер построжел. — Отставить разговоры.

Курсанты дружно вздохнули. Номер не прошёл. И опять придётся корпеть над тетрадами.

Майор разыскал отчёркнутое ногтем место — Выпытывание информации.

Техника получения информации посредством пытки осуществляется различными путями, такими, скажем, как:

- отлавливание информации в процессе пытки;

- допрос без пыточного насилия, которое тотчас же применяется, если объект не пожелает говорить или обманывает;

Очень эффективно внутривенное введение дозами до 40 мг миорелаксанта дитилина (он применяется при операциях с наркозом, а также при отлове всяческих животных, включая, кстати, собак...), который расслабляет мышцы тела и временно парализует их. Леха на секунду пожалел о своём выборе. Сама перспектива наводила на печальные мысли.

Майор, заметив постные лица слушателей, стукнул указкой по столу и скрипящим голосом объявил. — С новой строки. Это подчёркиваем в два слоя. В смысле, двойной чертой.

Методики преодоления пытки:

- сосредоточенность внимания на ярком ощущении боли с активным стремлением увеличить её до максимума, при коем она больше не воспринимается («пережигание нерва»...);

- возбуждение могучей эмоции (ярости, ненависти...), способной заблокировать импульсы боли;

- обеспечение отключения сознания изысканно ментальными (посредством концентрации и мантр...) или грубо-физическими (удары головой о стену...) способами; — Глумливо усмехнулся и слегка удивлённо прочитал: «выход в астрал» из своего тела приёмами буддийско-даосского транса»

Он глянул на часы и облегчённо скомандовал. — Закрывать тетради. Лекция окончена.

— Что, и это все? — Вырвалось у кого-то из курсантов. — О преодолении.

— А чего ещё? — Натягивая фуражку с покосившейся

кокардой, удивился инструктор. — Ну, если мало, читай устав. И присягу. Там всё написано. Секретчик, собрать тетради.

Он подхватил истёртую папку и выскользнул, не дожидаясь звонка.

Смешной сон.

Утром навалились сомнения. — «Почему я решаю за неё? Зачем пичкаю этими знаниями? Мало того, что она делает всё по моей указке. Естественно, её решения возникали не без моего влияния. «Лучше перебдить, чем недоспать», — старая армейская мудрость.

Алексей не давил на неё, лишь ненавязчиво подсказывал возможные варианты действий. К его удовольствию девочка всё сделала верно. С одной стороны, чрезмерная рассудительность в таком возрасте, это не очень хорошо. Всему своё время. Молодость должна совершать безрассудные поступки, успеет ещё набить шишки. Но её первый опыт показал, что иногда ошибки могут стать роковыми.

«Может, стоит рискнуть? Петь ей нравится, способности явные..., конечно, это ведь не на всю жизнь, Оботрётся, подучится, потом легче будет найти своё призвание».

Пока Оля разъезжала по городу, Леха незаметно учил её азам контраварийного вождения. Где нужно — пропустить, или, наоборот, добавить газа, а где и слегка нарушить правила, чтобы не вывалиться из общего потока.

К концу дня почти не вмешивался, ученица оказалась способная. Только стиль вождения переделать сложно. Женщины водят иначе, это аксиома. И ещё неизвестно, чей стиль езды лучше. Однако главный принцип, трёх Д, они осваивают с трудом. Расшифровывается: «Дай дорогу дураку». Им характер не позволяет уступать без внутреннего дискомфорта. Ну, что толку, если вместо эпитафии будет выбита фраза «Он был прав...»?

Но понемногу научится. Конечно, скандала на дороге, пока он с ней, можно не бояться. Хотя, всяко бывает, попадётся какой-нибудь, потерявший чувство реальности новый хозяин жизни, и начнёт из себя корчить?

Придя домой, даже не раздеваясь, она устроилась под тёплым пледом и тут же заснула. Сказалась чехарда событий и обилие новой информации.

А Леха сосредоточено размышлял. Ещё в молодости у него были неплохие способности к внушению: «Интересно, всегда думал, что гипноз — это какие-то биохимические процессы в мозгу, а сейчас придётся заняться тем же самым, но без малейшей физиологии, получится? Однако, был уверен — получится.

Сосредоточился и перенёс свои навыки и умения в её мозг.

Для него это выглядело так, будто нечто густое переливается из одного сосуда в другой, наполовину заполненный, и мгновенно растворяется в его содержимом. Знания музыкальных произведений, опыт. Всё это тоже не имело никакой формы, он просто знал, всё, что собрано за годы практики и тренировок, теперь станет её опытом и умением. Конечно, руки тоже должны вспомнить, но это уже легче. Не беда, что и другие, не столь мирные, знания перейдут вместе с музыкальными. Она сможет пользоваться только тем, что необходимо для виртуозного аккомпанемента. Остальное, как заархивированный файл, останется «нераспакованным». И только его воля сможет открыть доступ к этим файлам.

Едва открыв глаза, Ольга удивлённо прислушалась к себе. В голове звучала мелодия. Вынула гитару и тихонько тронула струны. Аккорд, другой. Вспоминаются сольные партии. Она почти не удивилась метаморфозе. А к полудню у неё была твёрдая уверенность в том, что играет с детства. Отложив инструмент, блаженно откинулась в кресло. Усталость, не тягостная усталость монотонного труда, а благодарная усталость тела, которая сама по себе награда за работу, наполнила душу. «Отдохну немного и сыграю ещё», — интуитивно тревожась, что обрётённое умение вдруг исчезнет, она хотела вновь и вновь подтвердить его.

«Имел ли я право сделать это? — Размышлял Алексей — Не знаю. Но если меня не остановили, значит разрешили. Хотя, наша с ней история, мне кажется, вообще не имеет прецедентов. Будем рисковать. А ответственность? Не рухнет ли её рассудок под ворохом нахлынувших знаний? — Задал он себе вопрос и тут же ответил. — Жизнь покажет. Вреда ей я, по любому, не желаю».

Три дня пролетели как один час. Новые возможности захватили. Она перепела всё. Когда онемевшие, стёртые до кровавых мозолей пальцы отказывали, бежала в буфет и, наскоро перекусив, возвращалась. Только, когда озверевшие соседи пожаловались администрации, прервалась. Пора было звонить и договариваться о встрече с продюсером.

Количество народа оглушило. Жеманные мальчики в узеньких джинсах, девицы, стриженные наголо. Нарочито жаркие приветствия, объятия. Ольга, слегка теряясь в этом бедламе, тихонько присела на диванчик, возле окружённой множеством непонятных электронных агрегатов секретарши. Прижав ногами гитару, осмотрелась, пытаясь увидеть в толпе Татьяну.

— Слышь, отвали, здесь мы сидим. — Перед ней стояла затянута в кожу девчушка с чёрными прямыми волосами и суровым пирсингом в губе. Ольга хотела уступить место, но

внезапно раздумала.

— «Перебьётесь» — Обращаясь к секретарю, громко и отчётливо произнесла. — Мне назначено на два часа. Доложите шефу. В холле повисла напряжённая пауза, прерываемая дикими воплями панели телевизора.

— Евгений Петрович занят, — попыталась отшить нахалку привратница.

— Я думаю, следует доложить, а потом отвечать. — Отчаянное веселье захлестнуло Ольгу. И её уверенность произвела на собеседницу должное впечатление. Она послушно нажала кнопку связи с боссом.

— Зови. — Отозвался голос.

— Прошу Вас. — Слегка обижено указала на дверь «вахтёрша».

— А Вы не спешили. — Приветствовал её хозяин просторного кабинета. Ухоженное лицо, небрежно повязанный галстук, гламур мягкого пиджака.

«Типичный шоумен» — Улыбнулась про себя Ольга.

— Не думай, что я назначаю встречу каждой претендентке. Меня, честно скажу, удивило и даже заинтриговало твоё отношение к предложению. Захотелось глянуть ближе. Присаживайся. — Махнул он рукой. —

— Значит, решила? — С неприметной усмешкой, имея в виду отсутствие сомнений в итоге размышлений гостя, — перешёл к делу он. — Теперь о главном. Мы прослушаем тебя, попробуем сделать запись, рассмотрим возможные стилевые решения и после этого будем решать вопрос о сотрудничестве. А сейчас расскажи о себе. Какое образование?

Ольга, открыв рот, чтобы сказать о своих достижениях, вместо этого положила гитару на гостевой столик и, пересев с неудобного кресла на стул, произнесла.

— Евгений Петрович, хочу сделать Вам встречное предложение. И тоже о сотрудничестве. Я оплачиваю услуги вашего агентства по созданию «пилотного диска» и двух, трёх клипов на записанные песни. Рекламную компанию и продвижение песен на радио.

Дизайнер, стилист, звуковая режиссура, всё это на Ваше усмотрение. С одной оговоркой. Окончательное решение по запуску продукта в раскрутку приму я сама. В случае моего отказа сумма возврату не подлежит. На первом этапе я намерена истратить где-то семьсот, восемьсот тысяч евро. — Ольга назвала сумму и оторопело заморгала ресницами. На счёте в банке, за вычетом денег, истраченных на «Рено», ноутбук и вещи, осталось чуть более трехсот тысяч рублей. Однако, уже слегка привыкнув к

изгибам сознания, она примирилась с произнесённым.

А вот Евгений Петрович удивился. Конечно, с подобными или сходными предложениями к нему обращались. Но, как правило, это были отцы или спонсоры молоденьких симпатичных девочек, не особенно разбирающиеся в кухне продюсирования. Слышать от едва оперившейся птахи рассуждения о делах, достаточно серьёзных, было странновато.

«Мистификация? — пронеслось у него в голове. — Но, с другой стороны, деньги есть деньги. К тому же девочка явно не бездарь. Может, это и есть шанс ухватить жар-птицу?»

При всей авантажности манер, он был классный профессионал и умел считать. Суммы, названной гостьей, действительно хватало именно на первый этап раскрутки, причём, все затраты шли в доход имеющего свою звукозаписывающую студию продюсера. А оговорка о претензиях указывала на понимание ею двойственности итога. В отличие от толстосумов, спонсирующих протезы и стремящихся получить результат даже в случаях клинической бесперспективности претендентки.

Разговор продолжался уже в деловом русле. Желая получить ясность, он спросил без обиняков. — Вы действительно располагаете подобной суммой? Простите за прямоту, но мы ведём деловую беседу, не будем расшаркиваться.

— Деньги есть, ими я распоряжаюсь единолично. — Веско подтвердила Ольга. У неё опять было чувство, что это не она ведёт беседу, а её неведомый спутник. Но теперь этот факт воспринимался уже более спокойно. — Договор, когда Ваши юристы его подготовят, я подпишу и в трехдневный срок перечислю сумму.

С невольным уважением покачав головой, Евгений Петрович вернулся к деталям. — А почему вы настаиваете на утверждении образа?

— Но коммент, каприз. — Пошутила Ольга и добавила. — Думаю, что следом должен последовать намёк на возможное продолжение сотрудничества, в случае удачного завершения первого этапа?

Продюсер приподнял бровь, не зная, что и ответить, поскольку, в самом деле, собирался затронуть эту тему.

— Обещаю, если мне понравится работа Вашего агентства, а в случае удачного старта это будет очевидно, я предложу Вам более выгодные условия и приоритетное заключение контракта. Это мы можем внести в договор. — Она мило улыбнулась.

Обсудив ключевые пункты сотрудничества, перешли к спокойному общению.

— Оля, Вы прелесть. — Растрогано произнёс хозяин кабинета.  
— Умница, не считите за лесть.

Когда срочно вызванный юрист выслушал распоряжение хозяина, его губы изогнулись в понимающей улыбке. Девочка мягко и незатейливо выщелкала все подводные камни типового договора и предложила свои. Они чуть ущемляли интересы противной стороны, но оставляли возможность для торговли.

«Молодец» — хмыкнул опытный крючкотвор. Уважение профессионала вылилось в то, с какой скоростью были готовы бумаги. Уже через двадцать минут он принёс заполненный договор.

Расставшись с продюсером, который любезно проводил её до дверей, Ольга непонимающе рассматривала договор, в графе которого значилась дикая цифра в семьсот пятьдесят тысяч евро.

Секрет наличия подобной суммы в её распоряжении был прост. В ходе поездки с бандитским главарём, когда Леха вёл оперативный допрос, на свет появился коммуникатор, где и находились счета и коды гражданина «Камаза». Способы убеждения в такой степени разговорили его, что он выболтал все тайны.

Не утаил и то, что, кроме него, доступа к этим счетам нет ни у кого.

В общей сложности, на счетах в Дойч банке лежало порядка трёх миллионов евро. Видимо, это была «кубышка» авторитета на чёрный день, но она ему, к сожалению, не пригодилась.

Главной задачей сейчас было уверить Ольгу в её праве распоряжаться этими деньгами.

Лехе пришлось сочинять очередную, абсолютно дикую, историю о некоем случайном попутчике, который попал в аварию, и на смертном одре поведал ей историю о вкладе. Алексей не озаботился правдоподобностью рассказа. Небольшое внушение убедило её в реальности. Она удивлённо прислушалась к воспоминаниям, так внезапно посетившим её. Попробовала дозваться личного советчика, чтобы прояснить детали этой сентиментальной истории. Но голос молчал, как партизан. В итоге, сработало. Придя в себя от размера суммы, и, в целом, не очень поверив в её реальность, Ольга уже привычно махнула рукой, предоставив событиям идти своим чередом.

Ей осталось только заехать в отделение банка и выполнить ряд необходимых действий. В ответ на озвученный код номерного счета ей был предоставлен специальный терминал. Введя идентификационные данные, наличествовавшие в КПК, она перевела необходимую сумму на счёт агентства.

Сделал дело — гуляй смело. Ольга, увидев сумму, лежащую

на её счетах, испытала головокружение. Угодить в миллионерши — это событие. И не каждый может его пережить без потрясений.

Темп, заданный хранителем, абсолютно сбил её с толку. А сейчас, когда возникла некоторая ясность, ей захотелось развлечься. Сказать, что идея пойти в ночной клуб вызвала у Лехи бурю восторга, будет гиперболой. Скрепя сердце, он примирился и дал себе слово не вмешиваться.

Заехав в салон и, уже без внутренних смятений, потратив на соответствующий мероприятию наряд две тысячи не рублей, она оставила машину на парковке возле гостиницы и отправилась в ночной клуб.

К миганию огней и грохоту музыки привык быстро, а вот то, как вёл себя окружающий народец, для консервативного «ангела-хранителя» оказалось в новинку.

«Старею, — привычная мысль, неожиданно сменилась осознанием. — Ты уже не постареешь больше. Так, что за ханжеские мысли? Пусть живут, как хотят». — Алексей выключился, предоставив Ольге развлекаться.

Ночь пролетела незаметно. Слегка перебрав коктейля, девчонка чуть опьянела и перестала дичиться заинтересовано поглядывающих на неё молодых людей.

То, как запросто общалась молодёжь, вызывало лёгкую оторопь. Конечно, много напускного, но аналогичные «невинные» позы и объятия в прежние времена могли стать поводом к вынужденному замужеству.

Подогретая спиртным публика отрывалась по полной программе. Ближе к утру, хотя рёв музыки не ослабел, азарт немного стих. И в этот момент из толпы появился высокий парень. Ольга узнала «сынка», который заговорил с ней после второго тура, и с папашей которого она так неласково обошлась на третьем.

— Ну что, соска? — Он схватил её за ворот. — Тварь, совсем оборзела? — не стесняясь в выражениях, наезжал перепитый сопляк.

— Убирайся. — Ольга оттолкнула хама. Вернее, попыталась. Крепкая ладонь обидно смазала по лицу.

Заметив взгляд охранника, «золотой» мальчик склонился к её уху и притянул к себе.

— А ну, пошли. Сейчас мы тебя воспитывать будем. Проведём устное внушение. — Сально заржал он, обращаясь к нескольким приятелям.

Танцующие усиленно делали вид, что это их не касается, не желая соваться в чужие разборки.

Прикрыв жертву от камер слежения, они плотной группой

двинулись к выходу.

Паника Ольги достигла предела.

«Оля, спокойно, — вмешался голос. — Всё будет хорошо, я с тобой.

Ты хочешь им отомстить?» — На всякий случай осведомился он. Она, молча, кивнула головой.

Затащив её в туалет и выставив одного из приятелей «на стрёме», долговязый самоубийца замахнулся, норовя угодить в лицо.

«Вот, ты и напросился...». — Мстительно прищурился защитник и легко увернулся, заставив обидчика неудобно вывернуть руку, всё ещё стискивающую ворот кофточки. Дальше совсем просто. Вес на зафиксированный сустав и лёгкое усилие. От неестественного движения хрящ не устоял. То, что испытал неудачливый мститель, в принципе можно назвать шоком.

Попросту говоря, «казачок охренел». Он присел на кафельный пол, обхватил травмированную конечность пока ещё здоровой рукой и совсем потерял интерес к выяснению отношений. Для закрепления воспитательного эффекта, Леха восстановил «статус-кво», несильно хлопнув по баюкающей руке.

Хворый растянулся, потеряв сознание.

«...Трудно собирать выбитые зубы сломанными руками, — всплыла детская шутка. Зубы портить не стал. — Для урока хватит, мы же не звери».

«Кто сказал, жестоко? А напомним, что хотели сотворить эти подонки с девочкой? Удар, набитым кулаком, сломал бы ей нос, без вариантов, а при удачном раскладе и челюсть. Унижение, которое ей суждено было испытать, тоже мало сочетается с принципами гуманизма. А в довершение, при попытке заявить на обидчиков, именно её, как лицо без регистрации, «приняла бы» Левобережная дежурка. Как умеют обходиться слуги закона с задержанными, рассказывать, надеюсь, излишне? Пусть скажет спасибо, что легко отделался. Может, умнее станет, или хотя бы опытной?»

Спутников трогать было, в целом, не за что, но, учить, так учить. Ещё классик сказал. Поэтому, когда Ольга смущённо выскользнула из мужской комнаты, все трое мирно отдыхали в свободных позах. Нетерпеливо дожидющийся очереди, страж, с ходу получил острым каблучком в колено и вдогонку дверью по лбу. А проходя мимо стоящего в дверях охранника, старательно изображавшего слепоглухонемого, Ольга, уже от себя, врезала тому по уху. Не успев сдержать руку, Леха отправил молодца в длительный нокаут.

— Что за сволочи? — Она в ярости пнула банку из-под пива.

— Невозможно спокойно отдохнуть.

Уже на следующий день, без подготовки, Ольга нырнула в мир шоу бизнеса. Она даже внешне переменялась. Общение со стилистами не прошло даром. Стала раскованней, свободней. К тому же, наличие состояния позволило ей сохранить независимость, и обжилась она в музыкальном мире без особых проблем. Постепенно начали лепить сценический образ. Отобрав десяток песен, написанных не раскрученным, но способным композитором, она проработала их, и уже через неделю перебралась в студию. Запись шла не ходко, чего-то не хватало. Сопровождение уже было готово, но вот вписать её вокал с гитарным соло аккомпанементом не выходило. Звукорежиссёры настаивали на том, чтобы писать один голос. Но Ольга упёрлась. Интуиция подсказала, без гитары эти песенки останутся просто секундным успехом, и она мучилась, отыскивая нужное звучание. Леха почти не вникал во все эти события. Его сознание наблюдало за происходящим и только.

Она жила своей жизнью, появились, наконец, подружки. Беседы за жизнь, сплетни. В таких случаях он просто отключался, уходя в воспоминания, пожалуй, единственное, что у него осталось. Память переносила туда, где он был ещё жив. Иногда это были невесёлые воспоминания, но их горечь сгладилась, осталась только возможность пережить случившееся снова и снова.

Пролетел месяц. Диск уже был почти готов. Началась работа над клипом. Песни запустили на радио. Вышли первые комментарии. Пока оплаченные. Хотя, неожиданно выяснилось, что её песни понравились в первую очередь не молодёжной тусовке, а людям старшего возраста, тридцать пять, сорок — вот тот диапазон, на который их воздействие оказалось самым внушительным.

Случайно забежавший в студию автор-исполнитель, со смешным прозвищем Тимофей, послушав её, предложил спеть одну из своих песен о войне дуэтом. Выступление планировалось приурочить к праздничному концерту на первом канале. Чтобы не ехать в Москву, решили записать их в студии фирмы. Их голоса и манера игры неожиданно удачно дополнили друг друга. Даже матёрый звукооператор, сводивший запись, оставил себе копию.

— Ребята, он встретил их на пороге студийной камеры, подозрительно шмыгнув носом. — Вы, паразиты, — грубовато пошутил он. Я за всю жизнь не прослезился, а тут? Спойте ещё, — вдруг попросил он. Ольга пожала плечами. — Как?

— А давай. — Не стал ломаться певец. Они вернулись в студию и с первым звуком аккордов пошло негласное

соревнование. То начинал он, подхватывала Ольга, то наоборот.

Попадание было сто процентным. Час пролетел мигом. Только, когда ожидающие своей очереди на озвучку заволновались, они прервались. Оператор вынул диск и протянул его Тимофею. Послушайте потом, очень интересно. Тот помялся и протянул диск Ольге. — Возьми, я уже в шоколаде, а тебе пригодится. Если захочешь, можешь куда-нибудь отдать. Вдруг поможет.

Вечером Ольга решила зайти в маленькое кафе возле гостиницы. Она почти каждый день забегала в него выпить кофе. Поэтому бармен по-свойски здоровался с постоянной клиенткой. В кафе было пусто, заняты только три столика. — Володя, — попросила она бармена. — Поставь мне диск, хочу послушать, что вышло. Не помешает?

— Услужить красивой девушке, — он хмыкнул, даже если волки будут выть, — для тебя выдержу.

Она взяла кофе и присела в углу. Диалог гитар, вступление, и началась песня. Одна закончилась, началась вторая, третья. Их голоса звучали так мелодично и душевно, что заслушалась сама. Когда прозвучала последняя композиция, к стойке подошёл немолодой солидный мужчина. Одетый неброско, но дорого. «Сейчас ругаться начнёт». — Ёкнуло у неё сердце.

— Молодой человек. — Обратился тот к бармену. — Что это за исполнительница? Ну, Тимофея узнал, а певица? И, вообще, откуда эта запись?

Бармен ухмыльнулся. — Вот, зовут Оля, её и спросите. Мужчина извинился и повторил вопрос.

— Я с ним сегодня записала, — смутившись, пояснила она. — Что, плохо?

— Вы? — Он недоверчиво присмотрелся к её маленькой фигурке. — Это очень хорошее исполнение. Незнакомец представился. Провинциалке его фамилия не сказала ничего. Она вежливо улыбнулась и, спрятав диск в сумочку, собралась уходить.

— Девушка, с кем Вы работаете? — Спросил мужчина. Она назвала агентство. — Пристойно, — кивнул головой собеседник. — Весьма рад знакомству. Надеюсь, мы ещё встретимся. — Он раскланялся и отошёл.

Смертью хозяина Максим Геннадьевич был расстроен не только как потерей стабильного заработка, а скорее, как профессионал, которого, на его же поле, «сделала» команда первой лиги. Однако, по зрелом размышлении, уверенность в случайности её появления и на редкость удачливом исчезновении уменьшилась, если не сказать, исчезла. А если суммировать все детали и события, связанные с непонятной девицей, картина складывалась презанятная.

«Во-первых, отпечатки. На оружии, из которого положили бригаду сутенёров в Останкино, и на плёнке, удавившей их старшего, были только её отпечатки. Второе, скрупулёзный допрос тройки, отправленной убеждать редактора, выявил, что «уделала» их девчонка, причём травмы, нанесённые орлам, говорили о редкостном уровне подготовки. Третье, ножевое ранение тихушнику, в квартире того же редактора, указывало на то, что бил спец. Удар в верхнюю долю печени ставится годами, потому как дуриком попасть в межреберье не выйдет.

И, наконец, допрос, как и последующий уход, показал, она в полной мере знакома со специальными методами противодействия, причём, то, как девчонка задурила голову даже ему, чующему фальшь верхним нюхом, говорило само за себя.

«Итак, что мы имеем? — Размышлял Максим Геннадьевич, когда суета с похоронами и поисками по горячим следам окончились. — Девка — «диверс» высшего класса. Это по результату. Но по возрасту и биографии — невозможно.

Однако факты говорят о том, что невозможное имеет место. И, если вначале ещё можно было, с известной долей вероятности, предположить, что её подстраховывали и позиционировали как живца, то в последнем случае никакой подмены точно не было. Она завалила охранника и ушла, прихватив бугра. То, как она его захватила, потом убрала, красноречивей десятка пересказов.

Предположим невероятное: девчонка — специалист. Логично вытекает следующий вопрос. Кто и зачем натравил её на «Камаза». Ясно, что остальные — только разменные фигуры.

Если это вояки, недовольные, что покойный залез в чужой огород оружейного бизнеса, одно.

Теоретически, они могли подготовить такого агента. Но, использовать столь ценное оружие на, будем говорить откровенно, мелкотравчатого бандюгана. Аналогия с пушкой и воробьём. Куда проще элементарно пристрелить, воспользовавшись услугами снайпера, которых у них не в пример

больше. Легче, да и провести операцию можно без особых затрат. Теперь другой вариант: она сама по себе? Ну, попала к этим басурманам случайно, обиделась, рассчиталась. И по привычке зачистила всю цепочку. А затем растворилась. Логично. Выпадает редактор. Зачем и как одиночка вышла на него?

А эта история с его родными? Только не надо говорить о благородстве. Значит интерес? Какой? И что мог выболтать на допросе Ахмед? Она не стала рыскать по городу в поисках выхода на «Камаза». Мы сами организовали его. Но, это насколько нужно быть уверенным в себе? Малолетняя терминатор, выходит?»

Все эти дни он рыл землю, пытаясь отыскать хоть какой-то след. Ничего.

Место «Камаза» во главе организации занял его, как сказали бы ребята с Палермо, консиглиоре. Или, по-нашему, поделщик и правая рука, с непонятным «погонялом» «Сотник». Кличка эта была связана со случаем, когда он соскочил с приличного срока в зоне по смешной статье, имевшей в кодексе, тогда ещё РСФСР, номер сто.

(От автора: Статья 100 УК РСФСР вводила новый вид принудительных мер медицинского характера, ранее неизвестный УК РСФСР. До 1988 г. в некоторых бывших союзных республиках (Украина, Узбекистан, Грузия, Азербайджан, Казахстан) уголовными кодексами в числе таких мер была предусмотрена передача лица, совершившего общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, либо заболевшего после совершения преступления или во время отбывания наказания тяжёлым психическим расстройством, на попечение родственникам или опекунам при обязательном врачебном наблюдении, по сути типичная коррупционная «отмазка»)

Профессиональный предприниматель, с тремя судимостями. В отличие от своего покойного предводителя, имевшего некоторые понятия о воровской чести, «Сотник» любое дело воспринимал только в контексте собственной выгоды. Слово Бизнес ассоциировалось у него с размером процента за «крышевание», и только заступничество «Камаза», мешало недовольным его беспределом предпринимателям заказать «оборзевшего урку». Что говорить, лишнего «Сотник» зажил на этом свете годков этак с пять.

Знакомство его с покойным шефом состоялось в Крестах, ещё в далёком теперь 80 году, году московской олимпиады. Он же и был единственный, кто знал о «нычке» старшего компаньона. Как-то раз тот сам обмолвился, кивнув на постоянно находившийся под рукой «выкидыш компьютера», назвав его копилкой. Одно словечко, намёк, несвязанные, на первый взгляд, фактики. Для

опытного чистодела этого хватило. А знание подпольной кухни позволило ему навскидку определить какую сумму «скрысил» «Камаз» от подельников.

Не обнаружив КПК у покойника, «Сотник», естественно, сделал логичный вывод, что «попутала» его шальная деваха, «замочившая», как принято говорить в современных деловых кругах, его старшего товарища. Не став кричать о пропаже, он, тем не менее, поставил Максу весьма жёсткое условие. Его промашка, или говоря по иному «косяк», был очевиден. И проще всего было отдать на откуп жаждущим мести сподвижникам покойного именно его. Но «Сотник» поступил более прагматично. Коротко обрисовал возможную перспективу при выставлении его крайним в смерти авторитета и, намекнув, что искомый прибор дорог ему, как память, он порекомендовал Максиму Геннадьевичу найти «убивицу» и КПК, причём можно и в обратной последовательности. Во что бы то ни стало и как можно быстрее. Понятливый Макс, не нуждаясь в разъяснениях, отлично сообразил: жив ещё только потому, что некому искать пропавший компьютер.

Макс проникся, перекопал связи. Собрал самые мелкие и ничтожные данные и, хотя девчонку он всё равно не нашёл, однако надежд не терял.

Связался со знакомыми по прежней работе и пояснил, как важно для него отыскать «дочку приятеля». За достоверную информацию был готов заплатить очень приличные деньги. И вот, на исходе «высочайшего» терпения, появился маленький лучик, пришёл он из Питера. Статейка в местном сплетнике, где мусолился слух о способной девчонке, которая сама оплатила раскрутку, и всего за месяц вышла на, пусть невысокую, но орбиту.

Всё в цвет. На фото была именно она. От подобной наглости «Сотник» онемел. Мало того, что завалив коронованного авторитета, она не затаилась в неизвестном никому Урюпинске, под самой дальней корягой, но и выбрала наиболее быстрый способ потратить его, после смерти босса он считал себя прямым наследником миллионов, денежки.

— Это не наглость, это..., охренеть. — Орал он, брызжа слюной, бегая по роскошному особняку и потрясая жёлтой прессой, доставленной ему Максом.

— Значит, так, — главарь чуть стравил пар и успокоился. — День на подготовку, и чтобы завтра твои спецы уже были в Питере, а послезавтра эта, — он еле сдержался, чтобы снова не выругаться, — у меня на даче. Всё ясно?

Макс тяжело вздохнул, но спорить не стал. Поведение

девчонки ему казалось диковатым, но он предположил и другой вариант: «А может, она настолько хорошо стоит, что не боится тратить их деньги. Тогда, это государство и не просто государство, а конкретные лица, спорить с которыми себе дороже и более крупным тузам чем «Камаз» и «Сотник».

«Как говорится, Березовский вам товарищ, а не волк Тамбовский.

Но, просить время на разведку, наблюдая в каком волнении находится работодатель, не решился.

«Черт с ним, попробуем». — Решился помощник и вызвал группу.

Пятёрка отчаянных бойцов, собранная им за годы работы в комитете, не раз уже выручала Макса в сложные моменты. Это была, так сказать, его личная гвардия.

Два уволенных из армии старших лейтенанта — разведбат. Два бывших мента из оперов, и ВВшный спецназовец.

Ребята битые и опытные. Все они были должны ему лично и к просьбе отнеслись весьма ответственно. Однако, несмотря на все предупреждения Макса, приняли рассказ о подвигах девчонки с известной долей скепсиса, понимая, что подготовить классного спеца из двадцатилетней соплихи невозможно. Снайпершу — да, но не более.

Привычка всё делать на совесть не позволила разгильдяйничать, однако и напрягались не особо.

Выехав вечерней «Стрелой» из Москвы, утром следующего дня они разделились и, взяв в аренду две машины, установили за Ольгой слежку.

Меняясь, «пропасли» до гостиницы и остановились на ночлег. Брать решено было утром, по выходу из номера на пути к автостоянке. Тем более, что один из «оперов», зайдя в студию, пробил, что на девять у Ольги назначено сведение очередной песни.

— Красиво девка «папика» опустила. — Пошутил бывший спецназовец.

— «Оборзел» он последнее время, решил, что круче ветра, вот и поплатился. — Согласился с ним старлей.

Пройдя маршрут, расписали план и отрепетировали действия. Всё было готово к захвату.

Выставив наблюдателя, чтобы не упустить объект, остальные поднялись в номер.

Спецназовец, звали его Антон, вылетел со службы за убийство по неосторожности. Повздорив, на пьяный глаз, с приятелем, не сдержался и удачно приложил тому в голову, она и подвела, оказавшись слабым местом.

Служивец, фигурально выражаясь, «склеил ласты», а перспективного лейтенанта срочно демобилизовали. Не посадили только благодаря заступничеству Макса.

Антон устроился в кресле на этаже и просматривал газетку, ожидая смены. Чего проще, сидит человек, никого не трогает?

Никто, даже Макс, не знал насколько хитрым и опасным мог быть «Сотник», когда его задевали на деньги. Он, не мудрствуя лукаво, вызвал уголовного консультанта по сомнительным делам и «нарезал задачу».

— Гони в Краснодар, «маляву» я нацарапаю. «Перетрёшь» с местным «положенцем», он даст несколько отморозков. Надо вытащить одну телку, через родных. Ну, не тебя учить. Мне нужен такой маленький компьютер. Она его с собой носит. Доставить мне. Всё ясно? — Он почесал верхушку торчащего в вырезе рубахи купола, наколотого лагерным умельцем, и вернулся к насущным заботам о стрижке подопечных торгашей.

«Сотник», по невежеству, напрочь забыл, что сам по себе КПК — железка. А коды и пароли у Ольги в голове. Он и подумать не мог, что его железный пахан перед смертью с готовностью выложил все эти циферки. Вот так, недоразумение повлекло за собой большую беду.

Понимал ли Алексей, что такое поведение, рано или поздно, обязательно раскроет Ольгу?

«Конечно. Перед тем, как она начала раскрутку в музыкальном мире, Леха долго размышлял над возможной опасностью. И, никакой разницы в том, как поступить, не увидел. Предположим, она бросает всё и возвращается в родной город. Разыскать её там, дело двух телефонных звонков. Да, по большому счёту, если не уходить в нелегалы, то почти любой вариант проигрышный. Даже, если не отыщут. Постоянная угроза остаётся. Каждый день быть в оранжевой зоне, оглядываясь на любой чих.

Так зачем рубить хвост по частям, лучше уж делать то, что должен, а кроме того, если ты сам устанавливаешь правила игры, то и шансов выиграть больше».

Когда пошли первые публикации и съёмки Алексей начал внимательно присматриваться к обстановке. Хвост засёк, не то чтобы сразу, но засёк. Лица соглядатаев ничего нового не сказали. Знакомые, как армейские портянки, рожи. Если откровенно, разведчик был о Максиме лучшего мнения.

Объяснить можно лишь тем, что он, загнанный в цейтнот, не успел качественно спланировать захват. Скорее всего, разозлённый преемник «Камаза» надавил, требуя отыскать, а спорить об отсрочке у Макса не хватило духу.

«Ну, что ж, тебе жить», — как говорят эти ребята. — «Потанцуем».

Единственная сложность была с Ольгой. Ну, сколько можно насилловать её сознание. Чувствовать себя марионеткой ей, сдаётся, не очень приятно. Конечно, потерпит, коли совсем худо станет, но без крайней нужды не хотелось. Сколько ни размышлял о том, как договориться с её сознанием, ответа не нашёл. Решил обойтись полумерами. Мягким убеждением в необходимости того или иного шага. И снижением уровня критичности.

Когда они, проводив Ольгу до номера, выставили пост, Леха даже умилился.

«Ну, не дети? Он бы ещё табличку на грудь повесил.

Хотя, кто знает, будь я на их месте, может, тоже не стал осторожничать. Все эти рассказы о, якобы, крутости объекта разбиваются тем, кого мы перед собой видим. А видим мы гражданскую, по всем признакам не имеющую боевых навыков и опыта, девочку. Так кому верить? Дяде или собственному опыту? Ответ ясен. Вот и они поверили опыту. Братъ, скорее всего, будут на подходе к машине, утром. Ну, бог в помощь».

Против ребят, собственно, никакого предубеждения не было. У них своя работа, у него своя. Они сачканули. Теперь наш ход. Вот, только, валить их почему-то категорически не хотелось.

«Утро вечера мудрёнее, теперь всё равно не отстанут, так что, жизнь покажет». — Решил Алексей.

Ольга вообще ничего не решала. Она готовилась к записи, не догадываясь о том, что вернуться к музыке ей придётся очень не скоро, если придётся вообще.

А ночью налетел сон из прошлого. Как бы продолжение того, уже подзабытого Московского. Да и сон ли это был? Больше похожее на явь, действие вернуло его далеко в прошлое.

Командировка нарисовалась внезапно. Вечером вызвали в штаб. Добрый Вася приказал. — Дуйте на склад, получите снаряжение, паёк, вылет завтра в пять. — Помолчал, глянул на бойцов и негромко добавил. — Ребята, зря не геройствуйте, вам ещё учиться и учиться, эта война — не ваша. Главное живыми остаться... Ну, всё, по коням.

Утром, доехав на всё том же «тентованом трясовозе» до военного аэродрома, погрузились в транспортный «Ан». Через двадцать минут буднично взлетели.

Группу составили из трёх стариков, уже имевших боевой опыт, и Алексея с неразлучным приятелем. Старшим был капитан Решетников — Влад.

— Куда летим? — Вился неугомонный Вовка.

Сержант, с добрым прозвищем «Чёрный», буркнул, — А ты сам как думаешь? «За речку», куда ещё?

Их отдельный отряд и создан был, всего три года назад, для ведения операций в азиатском направлении, поэтому странностей в этой командировке не было. Удивило, что отправили группу пожарным порядком, всего за месяц до плановой командировки основного состава. Но начальство не докладывает. Надо, значит надо.

— Алексей, ручаюсь, сжаримся мы, в нашем наряде. — Забеспокоился приятель. — Афган, он же на юге.

Алексей усмехнулся. — Ты чем на лекциях слушал? — Там в горах сейчас минус восемь. — Не сжаримся, будь спокоен.

Влад пристроился неподалёку от приятелей и задремал, но прекрасно слышал всё, потому как приоткрыл глаз и весело глянул на друзей.

— Не замёрзнем, пацаны, а замёрзнем, согреемся бегом, — Пошутил он.

Остальные разведчики сидели чуть дальше и увлечённо травили анекдоты. Летели долго, где-то часа через два вышел лётчик и что-то шепнул Владу.

— Ребята, внимание. — Командир поднял руку. — Мы за речкой, так что, готовность «раз». И придерживайтесь.

Он пояснил молодым, — от ракет будем прятаться. «Духи» коридор могут пасти.

И как сглазил. Не прошло и пяти минут, как тяжёлый самолёт почти лёг на бок и начал снижаться. Все кубарем посыпались на левый борт, хватаясь за что придётся.

Самолёт выровнялся и пошёл, цепляя брюхом тяжёлые облака, местами заходя в них и тут же выныривая. В разрывы показались горные хребты, блестящие снегом.

И тут барабанной дробью раздался стук, точно горсть булыжников попала в фюзеляж. Противно засвистело, и в отверстия ударил ледяной воздух. — Из пулемёта врезали, — мрачно прокомментировал старший группы, разглядывая строчку небольших отверстий. — Сейчас начнётся, — он тяжело вздохнул. Разгерметизация — это не страшно, идём низко, но дышать будет сложновато.

Однако только этим не обошлось, через пару минут в салоне запахло горелым. — Попали, — сообразил Алексей и поёжился.

Самолёт опять накренился и, покачивая крыльями, снизил скорость.

— Бойцы, положение дрянь, — выскочил из кабины бортмеханик, — пробили баки и маслопровод, будем искать пятачок, куда упасть. Держитесь.

Влад отрывисто скомандовал. — Пристегнуться всем, каски одеть. Коснёмся земли, сгруппироваться, закрыть голову руками.

Бежали секунды. В иллюминаторе мелькнул совсем близкий склон с редкими деревцами. Двигатели взвыли и заглохли, наступила тишина, прерываемая свистом ветра в пробоинах.

«Вот и повоевали». — Мелькнуло в голове у Алексея, он напрягся, в ожидании удара, но то, что произошло, невозможно было представить. Самолёт чиркнул крылом за склон, и всё мгновенно завертелось. Перед глазами мелькнули летящие по салону предметы. Скрежет рвущегося металла, крики людей. Алексей не удержался и от бешеного толчка ударился головой об какую-то железку. Всё исчезло. Пришёл в себя разом. Тишина, кругом завалы оборудования, обломков. Голова звенела, в глазах мелькали цветные пятна, но острой боли не было.

Он пошевелился и, въезжая в реальность, осмотрелся.

Смятая в гармошку, носовая часть салона похожа на огромную свалку. Из кучи обломков, торчала нога, обутая в армейский ботинок.

А совсем рядом, в разломе корпуса, виднелась невзрачная поросль и кусок серой земли.

Алексей отстегнул ремень и выбрался из-под прижавшего его мешка со снаряжением.

«Надо выбираться». — Он вытолкнул мешок в отверстие. Следом ещё один и, расчистив проход, по куче обломков двинулся вперёд. Сделав два шага, увидел висящего на ремнях командира. «Влад...» — он потряс командира, без результата.

Алексей вколол ему тубик «промедола», отстегнул ремни и попытался сдвинуть с места. Кое-как удалось.

Взвалив на плечо некрупную фигуру, он доковылял к проёму и опустил тело на мешки.

«Может, очнётся?» — Подумал он, дергано озираясь, в надежде увидеть приятеля. Вовка лежал на боку. Глаза закрыты, из неглубокой раны на скуле текла струйка крови.

«Вроде неопасная, потом перевяжу». — Леха истратил ещё один антидот и потянул друга из завала. Тот очнулся и закричал.

Ступня, оказалась повёрнута неестественно в бок. «Сломал, ясно. Только как? Напрочь, или...? Ладно, потом».

Осторожно, стараясь не тревожить ногу, оттащил Вовку к пролому. Запах дыма усилился.

Навстречу приподнялся Влад, всё ещё не соображающий где он. Наконец, глаза его приобрели осмысленность, он протянул руки и принял раненого.

— Что там, как остальные? — Задал вопрос.

— Не успел ещё. — Голос Алексея перешёл в скрип, — вроде

горит. Ребята в носу, там завал, попробую отыскать.

Он подобрался к месту, где заметил кого-то из сержантов. Нога уже не шевелилась. Ломая ногти, Алексей раскидал обломки и освободил тело. «Чёрный» был уже мёртв, голова залита кровью, из раны выступила белая масса.

Бессонов подтащил труп к забравшемуся в салон Владу. Тот принял тело и приказал. — Ищи оружие и снаряжение, спасать уже некого. Только быстро, может рвануть.

Под руку попался автомат Влада, чья-то СВД. Он выглянул из отверстия, осмотрелся вокруг. Склон, изуродованный пропахавшим его самолётом, и куски смятой, исковерканной дюралю, разбросанные вокруг. Влад уже оттащил в сторону раненого и возвращался забрать вещмешки. Передав оружие, Алексей выбросил два цинка с патронами.

— Уходи, — закричал капитан, увидев, что в обломках фюзеляжа показались языки пламени. — Сейчас рванёт.

Едва Леха успел отбежать к большому камню, как по ушам ударила тугая волна, и в глазах вспыхнуло от взрыва.

Грохот он не услышал, уши заложило. Упав за валун и дождавшись, когда с неба перестанут падать мелкие обломки, выглянул. На месте самолёта полыхал огромный факел, а в стороне, укрыв телом Вовку, лежал Влад. Но вот и он приподнял голову, потряс ею и огляделся.

— Давай сюда, — махнул командир подчинённому. Взвалили на себя товарищей и отнесли вверх по склону. Следом доставили спасённые от огня мешки и снаряжение. Отдышавшись и глотнув воды из фляги, капитан распорол штанину и снял ботинок с Вовкиной ноги. Быстро ощупал ногу.

— Перелом, обе кости, плохой, — держи его, пристраивать буду, — и, когда Алексей прижал тело друга к земле, принялся осторожно вправлять кости.

Вовка очнулся и задёргался. Сейчас закончу. — Командир подобрал кусок дюралю, забинтовал. Осмотрел рану на скуле.

Сержанта похоронили недалеко от места падения.

— Хороший пацан был. — Произнёс Влад, — Две командировки без царапины... Земля ему пухом. Вечная память.

Шли третий день. Вес уменьшили до предела и всё равно — тащить два рюкзака, оружие и раненого было тяжело.

Алексей нёс Вовку, посадив на спину. Тот уже чуть оклемался и пробовал ругаться, уговаривая отпустить.

«Не было счастья, да несчастье помогло». — Говорит русская пословица. Конечно, у них уже были занятия в поле, но всё это не шло в сравнение с действительностью.

На переходе особо не поболтаешь, да и на привале, Влад, не

страдая многословием, больше молчал. Но, глядя, как он проходит завалы, ставит ногу, осматривает поверхность камней, Алексей делал заметки и старался повторять. Ночевали в спальниках, благо сентябрь выдался тёплый. Скорость была низкой, чтобы не сбить дыхание, часто останавливались и одну-две минуты отдыхали.

Однако, за три дня прошли километров тридцать.

— Упали мы где-то в предгорьях Гиндукуша, летели от Душанбе, идти надо на запад, так больше шансов выйти, и через ледник не надо лезть. Главное... — Влад не закончил, но и так понял, что главное, не нарваться на местных. Причём, любых.

Те сообщат духам о гурах мигом.

Утром четвёртого дня капитан замер, вглядываясь в точку на дальнем склоне, который миновали вчера.

Он помолчал, сплюнул. — Всё, отбегались... Во-он баран, на склоне, голову повернул, человека почуял, а здесь, кроме «бабаев», ждать некого.

— Значит, так. — Он задумчиво продолжил. — За нами идут, у бабки не гадай.

Наконец, приняв решение, заговорил. Коротко, отрывисто. — Рядовой Бессонов, слушай приказ, берёшь приятеля и уходишь. Я остаюсь. Идёшь на северо-запад по предгорью, вверх не лезь. А там уж, как повезёт.

Алексей, поняв, что капитан решил остаться прикрывать их, попытался дёрнуться.

— Отставить. — Рывкнул Влад так, что охота спорить пропала. — Не в колхозе. Приказываю выполнять. Как понял?

— Есть выполнять. — Сник Леха.

— Ты пойми, — чуть мягче закончил командир, — втроём мы точно не уйдём, а так, я их уведу, а бог даст, и сам оторвусь. Мне, он кивнул на Вовку, — его не утащить, да и ты, как заслон, ноль без палочки. Логично?

Алексей понимал справедливость его рассуждений, но уходить одному, с раненым на плечах, было ещё страшнее.

Вышел через полчаса. Теперь идти стало труднее, он иногда путался, попадая на сложный участок, приходилось возвращаться. Ночевали без огня.

Отдалённый звук выстрелов донёсся ближе к полудню. Капитан завернул на юг, в горы. Стрельба то затихала, то раздавалась вновь, пока не стихла совсем. Они долго вслушивались, надеясь услышать звук, но тишина уже не нарушалась. И только ближе к вечеру вдруг ухнул слабый взрыв. «Граната» — Понял Алексей и, глянув через плечо на заскучавшего приятеля, тяжело вздохнул. Всё было понятно без

слов.

Капитан подарил им полтора дня. Афганцы достали их на следующий вечер. Повезло ещё, что беглецы как раз отдыхали и первыми смогли засечь мелькнувший на склоне тюрбан. Солдаты укрылись за выступ скалы. Сверху их не достать, отвесная скала нависала обрывом. Выждав несколько минут, пока в пределах видимости появится ещё один преследователь. Леха расчехлил «Драгунку» и, с первого выстрела, снял идущего чуть впереди низкорослого проводника. Остальные залегли и, аккуратно постреливая из автоматов, начали перегруппировываться, стремясь обойти их с флангов.

Опытные бойцы, прижав их с двух сторон огнём, не давали поднять головы. Ситуация была конечная. Дело времени, заставят расстрелять боезапас, а потом или гранатами закидают, или в плен.

Спасло чудо. «Волна» из трёх вертолётов, обходя грозовой фронт, свернула с курса чуть дальше. Кто-то заметил душманов и, пока «Шмель» гонял бабаев, второй, МИ-8, подобрал своих.

Видение оборвалось среди ночи. Тишина в голове, только на окраине сознания её сон, почти не различимый для Алексея.

«Становится, если так можно сказать, традицией, что накануне серьёзных изменений он видит сон. Что несёт этот?» — Ответа не нашёл, да и не искал, но и заснуть так и не смог. А наутро всё стало ясно.

Её сознание вытеснило Лехину волю. Разум остался, способность сопереживать, и только. Как зритель в первом ряду суперсовременного голографического кинотеатра Он видел, слышал, осязал, но при этом не имел возможности не уйти с сеанса, ни нажать кнопку стоп.

Увы, этого следовало ожидать. Его душа и разум вломились в чужое тело, как незваные гости, и вот, наконец, хозяин призвал разгулявшегося постояльца к порядку.

Её разбудил звонок телефона. В трубку ворвался знакомый голос.

— Оленька, это я, Марь Степановна. Соседка ваша. Мне твой номер мама твоя дала. Они с папой в больнице. Ты только не волнуйся.

— В больнице они. — Повторила соседка. — В аварию попали. Беда.

Живы, живы. Но отец в реанимации, а Нина ходить не может, в палате лежит. Позвонить вот попросила. Приезжай Оленька. Ради бога, скорее. — Собеседница зашлась в плаче, на редкость надрывном и неотетном.

Ольга заметалась по комнате, собирая вещи. Уже через

двадцать минут, сдерживая грозящие политься вновь слезы, ждала у входа.

Леха бы с радостью согласился на то, чтоб её захватили присланные горлохваты, но, как на грех, утомлённый ожиданием соглядатай просто сомлел в кресле, а Ольга пролетела мимо, даже не заметив.

Подрулил жёлтый «Рено». Она запрыгнула в салон и замерла, сжимая кулачки в тревожном молчании. Сознание Алексея, устав от безуспешных попыток пробить незримую стену, тоже замолкло.

То, что не могло даже краем задеть её внимание, для него было в набат.

— Странности и нестыковки сквозили в каждом слове вестницы беды. Будь она трижды жалостливый и сердечный человек, не могла чужая беда вызвать у неё столь явного страха и таких отчаянных слов. В голосе читался больше страх за свою жизнь, и связан он был почему-то с приездом Ольги.

Чтобы не стать дурным пророком, даже про себя не посмел озвучить догадку.

«Ох, неспроста лишился он возможности ей помочь. Может, судьбе угодно провести ещё по одному кругу? Остаётся одно. Попробовать связаться с её сознанием. Хотя как-то предостеречь. Бесполезно. Стресс заблокировал её напрочь. Да и вряд ли она сейчас способна что-то услышать. А управлять ею, Алексею уже не дано».

Ольга вылетела в родной город первым же рейсом. А через три часа она уже мчалась на такси по узеньким краснодарским улочкам.

Питерская слякотная осень сменилась теплом южного города.

Однако, ни забившуюся в уголок салона пассажирку, ни её безмолвного советчика, не увлекла красота бабьего лета.

Оля повторяла короткую молитву, а Леха безуспешно искал выход.

Не зная, в какой больнице родители, она попыталась дозвониться до соседки, но трубка была поднята.

— Может, с больницей говорит? — Возникла у Оли безрассудная с моей точки зрения мысль. Девушка наклонилась к водителю и назвала домашний адрес.

— Логично заехать к тёте Маше и с ней вместе в больницу. — Подумалось ей.

«Всё логично, — согласился Леха. — Разработчик сыграл в десятку. И даже снятую трубку продумал. Мастер».

Алексей с содроганием представил, что произойдёт через пять, максимум десять минут. Он оказался прав. На пороге соседской квартиры, куда Ольга бросилась, оставив в машине

вещи, её ждал увесистый удар по затылку. Девушка рухнула в прихожей, а сознание Алексея, лишённое возможности пользоваться её зрением, очутилось в полном мраке, только слух позволял ориентироваться в происходящем.

— Сходи к таксисту. — Скомандовал уверенный голос. — Слышь, Лось, кому говорю. Расплатись, забери вещи, и чтоб без базаров там. Нам шум не нужен. Пусть уедет.

— Несколько минут голоса неторопливо болтали о совершенно посторонних вещах, словно и не лежала на полу оглушённая жертва. Для них это была такая же рутина, как и выбивание долгов. Вернулся, посланный во двор, Лось.

— Чисто, — выдохнул он, тяжело сопя от подъёма по ступеням невысокой лестницы.

В другое время только одного хрипа хватило бы разведчику, чтоб составить его портрет и тактику боя. Но сейчас всё это было бессмысленно. Лехина роль свелась к безмолвному присутствию.

— Забрал, вот. — Глухо стукнул об пол нетяжелый предмет.

— Скрипнула молния, послышался шорох разбрасываемых вещей. Радостный возглас завершил поиски.

— Есть, вот он. В самый низ, сука, сховала. — Захлёбываясь от избытка эмоций, гундосил кто-то.

— Ну-ка, дай. — Рывкнул, судя по интонации, главарь. — Не вздумай включать. Нам «Сотник» башку снимет, если что не так. Буди эту шуструю, только руки замкни, а то она опять подлянку выдумает.

— Спокуха, я ей устрою подляну. — Пробормотал гундос, грубо перевернув Ольгу, и защёлкнул оковы. Он по-хозяйски хлопал её бедро. — А ниче, самое то.

Распалаясь, ухватил уже посильнее, но голос старшего заставил прерваться. — Эй, Кострома, погоди. Счас мы её поспрошаем, а потом и оторвёмся. Шеф сказал, можно не церемониться. Главное, чтоб живую.

— Живая будет, но еле-еле. — Заржал Лось.

— Ладно, буди. — Распорядился Старший.

— Подручный ухватил Олю за растрепавшиеся волосы и с оттягом вlepил две пощёчины.

Голова опасно мотнулась, но глаза приоткрылись.

Замерев, она с ужасом глядела на кажущиеся громадными фигуры налётчиков. На взгляд Алексея, обычные шестёрки, но ей эти ублюдки казались воплощением вселенского зла.

— Кто с тобой ещё? — Задал вопрос предводитель городских шакалов.

— Никого. — Она замотала головой.

— Никого? А вот мы сейчас иначе спросим. Значит и

«Камаза» ты одна завалила, и Ахмеда? — Бандит постепенно входил в состояние истерического азарта, которым так умеют заводить себя уголовники.

— Чего ты гонишь? Тварь. — Здоровый кулак с размаху врезался в солнечное сплетение девочки. Подброшенная ударом, она рухнула и, падая, врезалась головой в стену. Из раны потекла струйка крови.

— Эй, Петро, ты никак её мочить собрался? Мы ж ещё не попользовали? — Недоуменно влез тощий верзила с морщинистым серым лицом лагерного «тубика».

» — Ах ты, страдалец». — Ярость выжигала мозг, Леа физически ощущал, как его воля рвётся из отведённого ей закутка.

Ольга, закрыв лицо руками, жалобно поскуливая, прижалась к стене.

— Ладно, тщи папахена. — Распорядился голос. — Чтоб не дёргалась, его на пик у поставим.

— Как шёлковая будет. — Глумливо ощерился тот, которого звали Петром.

«Черт, ну какой паскудный народ — урки. — Диверсант, в силу специфики своей профессии, редко желал чьей-то смерти душой, но сейчас хотел только одного. На минуту, хоть на десяток секунд просил он у Всевышнего дать возможность управлять её телом.

Из соседней комнаты вышел чахоточный, волоча связанного. По тому, как она вздрогнула, понял — отец. Лехиного, примерно, возраста, но крепко мятый жизнью и тяжёлым трудом мужик, с обильной сединой в волосах. Выглядел он страшно.

Посланцы «Сотника», пытаясь заставить его вызвать Ольгу, перестарались. Лицо — огромный фиолетовый кровоподтёк. Рука висит плетью, правый глаз залит кровью.

«Крепкий мужик, — с уважением, несмотря на трагичность момента, подумал он, — не продал дочку. А вот то, что мать не вытащили, признак плохой. Похоже, в живых её уже нет, да и отца не выпустят. Зачем им свидетель?»

Оля, увидев, во что превратилось лицо отца, вскрикнула и бросилась к нему. Но, встреченная пинком тощего, отлетела в угол и завывала уже в голос.

«Суки, да лучше пять раз на гранате подорваться, чем такое видеть. Может, стоило тогда, на горке, «духам» сдаться? — Мелькнула бестолковая мысль, — они бы только меня замучили».

— Оленька. — Сипло выдохнул отец и вдруг крикнул, повернувшись в сторону соседней комнаты. — Будьте вы прокляты.

— Из распухших щелей, в которые превратились его глаза, потекли слезы, оставляя две дорожки на запёкшейся крови.

«Лось» — мелкий, парашного вида урок, синими от наколок пальцами ухватил его за сломанную руку и, повалив на пол, прижал лезвие к горлу.

— Ну, давай, не тяни. — Бросил он Петру, в нетерпении пританцовывая на месте.

— Слышь, подруга, сейчас мы чуть побалуем, а ты, если хочешь, чтоб папаша жив остался, примешь.

Обрюзгшие щеки, исчерченные мелкими багровыми сосудами, покрылись испариной. Браслеты зацепились, и он никак не мог совладать с ними. Тогда, выхватив ключ, насильник растегнул наручники и придавил жертву своим телом.

Почувствовав, что руки освободились, она рефлекторно попыталась защититься. Новый удар по лицу сломил сопротивление. Но тут отец, не вынеся муки, схватил рукой лезвие ножа и попытался отобрать его. Кровь из рассечённых пальцев обильно брызнула на пол. «Лось» дёрнулся, вырывая клинок. Отточенное жало финки скользнуло и легко, словно ломоть сала, рассекло плоть. Захрипев перерезанным горлом, отец забился в конвульсиях.

Глаза её захлестнула багровая пелена. Из глубины сознания поднялась неодолимая волна. Ненависть к убийцам, боль от потери и бог знает, что ещё сплелось в ней. Но главное, все знания и навыки, весь опыт профессионального «дивера», выплеснулись на поверхность и намертво впились в естество.

Незряче, на инстинктах, Ольга выдернула из кармана ручку и вонзила её в глаз насильнику. Пробив зрачок и глубоко уйдя в мозг, пика навечно успокоила бандита.

А она, выскользнув из-под тела, молнией кинулась к Лосю. Хлёстким круговым ударом достала висок убийцы.

Тот закатил глаза и, выронив нож, завалился в сторону.

«Кострома», увидев, с какой стремительностью жертва вырубил поделщиков, метнулся на выход, но успел только развернуться. Подхватив нож, Ольга махнула рукой. С хрустом вспоров ткань, клинок вошёл под лопатку. После такого добивать не требуется. Страшная, с безумным взглядом, она работала как автомат. Подойдя к лежащему, вырвала нож и развернулась к оглушённому Лосю.

Сколько времени продолжалась обеспеченная изощрённым знанием диверсанта месть? Временами, даже Лехино, тренированное к тягостным сценам, сознание словно выключалось. Она не подарила извергу лёгкой смерти.

Умер тот, когда её тоска стала нестерпимой. Поняв, что так

её не унять, и добив то, что осталось от мокрушника, Ольга склонилась над отцом.

«Странно, Алексей замечал, как смерть меняет людей. Одни вдруг приобретают благообразность, другие наоборот её теряют. Он лежал совершенно такой же, как был при жизни.

Смешной венчик пегих волос, чуть заметная лысина.

Леха даже засомневался, «неужели опыт меня обманул, и он жив». Но рана оказалась смертельной. Просто, сделав всё, чтобы спасти дочь, он не потерял себя. Не знаю, какой был в жизни, но в том, как умер, была любовь.

Она сидела, обняв его голову, слепо глядя в пустоту. Но безумия не было. Девочка говорила с отцом, а он говорил с ней. Она уже знала, что её мать, не выдержав пытки, умерла, что соседку даже не били, а лишь припугнули.

— Не сердись на неё, Оленька, — попросил отец. — Она уже наказана. Не плачь, попросил на прощанье. Его душа уносилась куда-то, в ту даль, где Лехе ещё только суждено было оказаться.

И тут Алексей понял. — «Теперь она знает о нём всё. Их души, расплавленные вспышкой эмоций, слились в единое целое.

Леха шептал какие-то слова утешения. Но они были не нужны, девочка изменилась. Боль из её сердца не ушла, но появилась способность рассуждать. Просто, словно мы сто лет знакомы и близки, она спросила — Алёша, и как теперь жить? Скажи?

— Оля, побудь с отцом. Я всё сделаю. Держись.

— Хорошо, — беззвучно прошептала она, и Алексей осознал, что опять один.

Канитель с милицией, протоколами, допросами, очными ставками, продлилась несколько дней.

Кто знает, смогла бы она перенести армейскую простоту наших Ментов, заботы о похоронах и прочие тягостные мелочи. Наконец, признав самооборону, отцепились.

Беглых уголовников списали на боевые потери. Поудивлялись, как девчонке удалось совладать с ними, и только.

Её сознание вернулось в день похорон. Она стояла над двумя холмиками со свежеструганными крестами и молчала. Молчал и Алексей.

Каждый думал о своём. Леха знал, о чем думает Оля. Она слышала его мысли. Всё кончается, кончился и этот день.

Прошло ещё несколько. Она понемногу оживала. Иногда спрашивала о чем то, иногда он задавал ей вопрос. Странное существование не тяготило. Алексей уступил ей право распоряжаться телом и вновь ушёл в воспоминания.

Но, всё это время невысказанным вопросом давило

понимание того, что ничего ещё не закончено. Расправившись с исполнителями, она не решила проблем. И вот настал день решающего разговора.

Однако, никаких споров и сложностей не возникло.

«Ты специалист, — коротко прошелестели её мысли, — тебе и выполнять. Я даю тебе это право».

Вот и всё, девочка повзрослела. Но чего ей это стоило?

Дальнейшие поступки были почти автоматическими. Он столько раз проходил этот путь в мыслях, что действовал не задумываясь. Билет в Москву на чужой паспорт. Ни к чему давать врагам время. Загримировать её, постаревшую от горя, оказалось куда проще, чем после памятного бегства с Останкино.

И, продремав три часа в бизнес-классе, она спускалась в промозглую тьму московского тумана.

Осень выдула листву с деревьев, холодные лужи масляно блестели в свете фар спешащих машин.

— Начнём завтра. — Коротко произнёс я, начав отсчёт перед последним броском.

## Глава

### 8 Разбор полётов

Приехав в Москву, Алексей поразился, насколько тяжёлый город для психики — столица нашей Родины. Мегаполис, на подсознательном уровне, говорит: «Ты чужой, не место здесь тебе. В этом мире успешных и самодостаточных людей».

Лехе вспомнилась интересная методика, которую внушал работавший с ними психолог. — «Главное — не противопоставлять себя окружающему пространству. Китайский принцип взаимопроникновения един во всех проявлениях. Стоит подумать, что ты одинок и затерян во враждебной среде, и она, эта среда, тут же начнёт отторгать тебя. Примется, словно разумный организм, бороться с чужаком. В чем беда и проблема эмигрантов? Они приезжают в чужой мир. В новую обстановку нужно входить, словно возвращаешься в давно оставленный, прочно позабытый, но родной мир. Не важно, что ты здесь никогда не был. Важно твоё отношение.

И, ни в коем случае, нельзя сравнивать новое место с тем, откуда человек ушёл. Противопоставление неконструктивно.

Приходят к этим простым и несложным истинам, как правило, интуитивно. Разработчики спецметодичек не стремятся к широкой известности. Это может показаться смешным и в чем-то несерьёзным разглагольствованием. Однако, почти всё в этом мире смешно и несерьёзно. Самые сложные и закрученные события и хитросплетения политики, бизнеса имеют в основе одну, максимум две изначальных причины. Остальное — камуфляж и сбивающая с толку маскировка».

Леха всё не мог успокоиться и, пользуясь каждой свободной минутой, словно боясь не успеть, пичкал её сознание всё новой и новой пищей.

«Если хочешь спрятаться в большом сообществе, стань как все». Полчаса в модной лавке, короткая стрижка и вот уже неотличимая от сотен тысяч московских тинэйджеров Ольга могла идти хоть куда, не опасаясь быть узнанной. «Конечно, сверстники на раз вычисляли пижонящую старушку. В таком возрасте три года — это почти вечность, но в бандитах народ чуть старше и не учуют». В удобной кожаной сумке вместо ракетки уместился завернутый в картон инструмент. Снятый приклад и глушитель преобразили его в компактную игрушку.

Несколько дней, проведённых в московской сутолоке, не пропали даром. Прежде всего, он вышел на офис компании

«Галеон», которая чуть заметно обозначала на российском рынке этот криминальный айсберг, и в коридорах узнал достаточно, чтобы составить представление о новостях в фирме. Главой компании стал некий Кривицкий Андрей Петрович. Он же, неоднократно судимый преемник «Камаза», по кличке «Сотник».

Уголовные моменты его деятельности, естественно, не обсуждались, но, имея ноутбук, Интернет и базы данных, выяснить «кто есть кто» в серпентарии преступного мира, несложно. Остальную информацию Леха примитивно подслушал. Закупив на Горбушке несколько слепленных в Китае, но достаточно качественных жучков и лазерный съёмник звука, уже через день знал о настроениях в высших уголовных кругах. Конечно, имей разведчик дело с солидной корпорацией, где безопасность возведена в культ языческой религии, такие примитивные способы, естественно бы не сработали. Но, «поменявшие прикид» уголовники не поменяли образ мыслей. Поэтому, отгородив себя от окружающего «быдла» тонированными стёклами джипов, они, совершенно «не следя за метлой», как принято говорить в их кругах, вели свободные разговоры на самые горячие темы. В результате, сложилась картина вопиющего скандала в благородном семействе.

Новости из Краснодара вызвали замешательство. Не имея времени выяснить, что за «непонятка» там выросла, «Сотник» сорвал зло на Максиме.

В свою очередь, доложив Шефу нерадостную весть о проколе в Питере, и, понимая, что его жизнь висит на волоске, Геннадьевич развил бешеную деятельность. Но, всё мимо кассы. Единственный разговор, который Алексея насторожил, прозвучал после безрадостного визита его к ревущему от злости шефу. Максим Геннадьевич долго мялся, нерешительно чесал себя в разных местах, наконец, позвонил неизвестному абоненту и попросил выручать. Было заметно, что удовольствия от беседы он вовсе не испытывает, наоборот откровенно побаивается собеседника. Результат его обнадѣжил. Он ожил и повеселел. Алексей понял, что просил он никак не совета, а специалиста по антикризисной политике. Интеллигентно говоря, он Ольгу заказал. Причѐм, не уркам с мыльного завода, а структуре, которая привыкла отвечать за свои поступки. Вот это, как раз, и не радует. Не ошибусь, если предположу, что профессионалов такого уровня он мог найти только в кругу моих сослуживцев. А если продолжить нить рассуждений, то люди эти, наверняка, связаны с торговлей огнестрельным и взрывоопасным товаром. Иными словами, круг замкнулся. Те, кто убили его один раз, облили грязью после смерти, теперь намеревались исполнить

фокус в третий раз. Даже в сегодняшнем игривом настроении заскучал. Какой там, заскучал, рассвирепел. Обозлился до невозможности: «Что это за беспредел такой. Одного и того же человека, три раза? Ну, ребята, совесть у вас имеется? Не собирался встречать, простить даже хотел. И ведь почти смог. Честно. Никакой обиды, так, лёгкая надежда встретить их в новом качестве и потолковать. Они ведь тоже не бессмертные, могут подождать. Но теперь, фигушки. Будем выяснять и разбираться. По полной, до упора».

Чтобы противник начал совершать ошибки и подставился, нужно загнать его в ситуацию стресса. А лучший стресс — это угроза жизни: собственной и близких.

К тому же, пришло время платить по векселям. Не имело значения, что не он держал нож у горла её отца. Он отдал приказ. Этого достаточно. Когда играешь в серьёзные игры, нужно быть готовым к любой ставке.

Выяснить, где проживает пресловутый «Сотник» оказалось значительно проще, чем купить упаковку пластила. Ну, не сезон в этом году на пластил. Однако, знание химии, особенно прикладной её части, помноженное на семинар в 43 учебном центре, помогло обойтись подручными средствами.

Алексей упаковал полученную массу в теннисный мячик и забросил его на корт, расположенный в угодьях особняка оружейного барона. Среди десятка других мячей, валявшихся вокруг площадки, он смотрелся абсолютно естественно.

Разжирелому спортсмену лень ходить за мячами, поэтому рано или поздно он подберёт и его. А дистанционный взрыватель, утопленный в пластичную массу и срабатывающий от радиолуча, позволял выполнить задуманное в любой удобный момент. Не хочется выглядеть провидцем, но что-то Лехе подсказывало, утомлённый делами авторитетный предприниматель вряд ли предпочтёт отдыху в тёплой сауне прыжки по корту. Однако, забота о борьбе с лишним весом, заставит его, хотя бы раз в неделю, посетить этот спортивный объект. А будет это, если он не ошибается, именно в воскресенье утром. Пятница, банный день — это святое, суббота на поправку, а вот с утречка, в воскресенье — милое дело. И, надо же, предчувствия не обманули. «Сотник», обряженный в роскошный спортивный костюм, появился на корте в десять часов. Самое главное, в субботу Леха дозвонился жене «Особиста» и передал личную просьбу господина Кривицкого к её мужу, посетить теннисный корт, на предмет совместного времяпрепровождения.

Мелькнуло краем подленькое желание добавить: «С супругой», но сдержался: «Чем она виновата, если ей в мужья

гнида досталась?»

Макс, не избалованный вниманием нового шефа, ломаться и уточнять не стал. В его положении, звонить — лишний раз напомнить о фиаско.

Поэтому, опальный советник безропотно топтался у ворот за пятнадцать минут до назначенного времени. Удивлённый босс мафии почесал в затылке, соображая, мог ли он по пьяной лавочке ляпнуть подобное приглашение, но, вспомнив о необходимости прояснить меры по возврату наследства, махнул рукой и приказал впустить.

Удобно присев на поросшем редким кустарником склоне и открыв термос с горячим чаем, он лениво наблюдал за общением подельников. Вообще-то, цели подрывать «Особиста» Бессонов не имел. А вот поприсутствовать ему будет полезно, для общего развития. Вряд ли его жизненный опыт изобиливал сценами развешанных по кустам внутренностей. «Большой уже, пусть привыкает. Для психики полезно. Не так спокоен будет».

Дождавшись, когда Геннадьевич сообщит о наличии прогресса в поисках. Ну не о том же, что он «в полной заднице», ему докладывать? И отойдёт на свою половину, Леха нажал сенсор передатчика. Кустарный заряд рванул не хуже фабричного. Авторитета, по несчастливой случайности оказавшегося в непосредственной близости от заряда, разнесло по сетке. Обрывки спортивного костюма, с кусками самого бандюгана, живописно украсили скучноватый пейзаж корта. Ждать продолжения не стал, усевшись на новенький велосипед, продолжил поездку, оставив взволнованную челядь мучиться в неведении относительно причин столь грубого обращения с хозяином.

«Сказать, что смертоубийство совершенно мне незнакомо, пусть и не совсем законопослушного, члена общества доставило удовольствие, нельзя. С другой стороны, он дал им возможность избежать неприятных последствий. Но эта сволочная порода никогда не примирится с тем, что кто-то увёл у них жирный кусок. И, кроме того, посыльные за Ольгой хотели отвезти её вовсе не для светской беседы. Приказ о похищении отдал покойный? Так, простите, о чем говорить?

Надеяться на милость? Или прятаться, вздрагивая от каждого скрипа и косого взгляда? Да, всё понятно. Нет другой альтернативы при решении таких проблем. Если потребуется, не задумываясь, развешу на фонарях и самого «Особиста» и десяток его подручных.

Однако, базар в пользу бедных. Никаких выводов он не сделает, как ни прискорбно это понимать. Испугается. Начнёт

дёргаться, но не оставит поиски. Ну, нет, так нет».

Сканер обошёлся как самолёт, дорого. Но, когда засёк его разговор с прибывшим в город контактом, затраты окупились сторицей. Спокойный, чем-то даже знакомый, голос назначил встречу и дал отбой. «Неужели знаю иуду? Или это кастовая принадлежность накладывает отпечаток? Теперь внимание и осторожность. Проколоться нельзя. Специалист, однозначно, сильнее. Даже, если по опыту и навыкам мы ровня, то физически он в плюсе. На встречу придёт с подстраховкой, а может и не прийти, глянуть со стороны и переназначить. А в запасе всего день.

Задумка снять обоих на месте встречи отпадает. Опытный диверсант, гарантировано обставится, чтобы не светиться. Да и «Особист» не подарок. То, что Леха убрал «Сотника», это не его прохлоп, а скорее вина самого авторитета. Отстранив прежнего «безопасника», и, следуя бандитским «понятиям», усадив «на измену», он не озаботился заменить его ни кем другим. «Нет ничего хуже времени перемен». — Гласит китайская мудрость. Охрана, расслабленная отсутствием контроля, как любая структура, начальника которой снимают, работала спустя рукава.

Но подарки, судя по всему, кончились. Грамотно уйдя от слежки, Геннадьевич домой не вернулся.

«Лёг на тюфяки», как говорят итальянские любители гаротты. В распоряжении наблюдателя остался только двойник его сотового. И когда он его сменил, а сделал это он сразу после звонка наёмника, единственной ниточкой осталось место встречи. Думать Лехе пришлось и за себя, и за них. — »С войскового горлохвата станется вычислить новый телефон заказчика и поменять время и место встречи».

Пришлось и ему пойти на непопулярную меру. Но, на войне, как на войне. Алексей настроил сканер на телефон его жены и, слепив небольшой заряд, подорвал на двери их квартиры. Перепуганный голос тут же сообщил мужу о взрыве. Геннадьевич всполошился, но вида не подал. Успокоил и приказал уехать на дачу. Номер высветился на дисплее. Однако, предосторожность оказалась излишней. В назначенное время Геннадьевич прибыл на берег Москвы-реки и нервно гулял по набережной.

«Отлично понимаю его беспокойство. Он вполне может предположить, что девчонка решит убрать его до встречи с киллером и обрубить все контакты. В принципе, идея здравая, не будь у него желания встретиться с типом, который надеется заработать на очередной смерти. К тому же, этот человек, единственный выход на контр...

«Стоп, а это ещё кто»? — Алексей хоть и сидел далеко, всё же,

не мог ошибиться. К дергано озирающемуся Максу небрежно подошёл его старый, проверенный годами и последним рейдом дружок. Вовка, он же «Лютый», он же «Пончик» стоял на гранитной набережной, и ветерок с реки теребил его отросшие волосы. Алексей зажмурил глаза: «Да, это он. «Но ведь, как же так, мы ведь...?» Короче, понял. Всё. Сразу и до конца. Так вот, кто был засланный казачок, вот кого прикрыли от провала смертью капитана Бессонова, вот кто сдал его «духам».

Слишком сильным оказался удар, даже для покойника. Признаться, от такого открытия прослезился. Вернее, на глазах у Ольги выступили слезинки. От волнения упустил не только момент заказа, но и то, как они разбежались. Вернее, исчез Вовка, а заказчик безжизненно поплёлся к своему Мерседесу. Но «тянуть» его сил просто не было. Нужна передышка. Чтобы всё осознать и привыкнуть к новому миру.

Новость была настолько дикой, что на это понадобилось с десяток минут, но привычка к неожиданностям выручила. «Ну, продал. Выходит, я в нём ошибся. Такое бывает значительно чаще, чем кажется. Значит, нужно внести корректуру и продолжать. А эмоции оставить на потом. Дело прежде всего. О причинах и мотивах будем думать после. — Смирился Леха. — Однако теперь ситуация коренным образом усложнилась. «Лютый» — профессионал высшего класса. Единственный мой козырь — я знаю его привычки и психологию, а он о моей сущности не догадывается. Будем исходить из этого. Что он сделает? Прежде всего, выйдет на объект и определится. Как бы я поступил на его месте. Зацепка для начала слежки, это «Особист». Резонно предположить, что я буду охотиться на него. А Вова — на меня. Значит, он будет где-то на дальних подступах к объекту отслеживать контакты и передвижения. Очевидно, и Геннадьевич получил соответствующие указания. Его может привлечь и сам Вовка. В свою очередь, «Лютый» отнесётся к непонятному заказу с полной серьёзностью. И будет работать без скидок на внешнюю легковесность противника. Значит, очень возможна двойная подстраховка. Или подстава. Стоп, я размышляю так, словно имею дело с незнакомым. Стоит напрячь память и подумать, что такого я знаю про его привычки, которые не меняются с годами. Он выдумщик, азартен, но и хитёр. Нет, это не то. Слишком большое количество переменных. Есть десятки готовых наработок.

После выпуска мы с ним почти восемь лет служили в разных частях. Меня распределили в спецподразделение, а его в 167 ОБСН. Это я, после увольнения из группы, пришёл к ним, а он на юге все зубы съел. Они больше войсковыми операциями

промышляли. Соответственно и примочки у него свои. Поправку на опыт нужно делать, а не воспоминаниями о тревожной юности душу рвать.

Поступлю следующим образом: он меня ищет, прекрасно, пусть найдёт. А там видно будет. — План вертелся в голове, Алексей отбросил ненужное и выбрал главное. — Высота, он с детства боится высоты. И никакие тренировки не смогли этот страх изжить. Вот на этом и будем играть».

Леха не стал тянуть и засветился у дома Геннадьевича уже на следующий день. Конечно, засечь хвост ему не удалось. Но, ощущение «неодиночества» появилось. Это не описать, уверенность, что ему сели на хвост была почти стопроцентная. Без малейших послаблений, проверяясь и путая следы, он вернулся на съёмную квартиру.

В том, что его пропустят, не сомневался. Единственно о чем позаботился — это пригасить наиболее характерные способы проверки и уходов. «Ни к чему наводить его на размышления о природе столь высокой квалификации. Попроще, в чуть забугорном стиле. Второе: Вова — снайпер, логично, что закладывать мину или бегать за мной с ТТшником, он будет в последнюю очередь. Выберет наиболее привлекательное место и спокойно отработает на дистанции». — Проанализировал все подходы к лёжке. Много подходящих мест. Слишком много. Значит, нужно менять привычки. У него должно быть всего несколько мгновений на выцеливание и работу. С трудом нашёл вариант подходящего развития. Спрессованное время несло галопом.

Наблюдать, запоминать обстановку и анализировать новую информацию. И вот, наконец, засёк признаки его деятельности. Осматривая возможные направления засады, в самом конце длинного бульвара на месте канализационного люка неожиданно обнаружилась старая, до неприличия ржавая и замасленная бадья, навроде тех, что применяют строители для растопки битума. Неподъёмная на вид, вросшая в асфальт, она казалась неотъемлемой частью пейзажа. Спроси кого-нибудь из ежедневно проходящих по этому маршруту местных жителей, любой из них поклянется, что помнит её с детства. В том и состоит мастерство оборудования и маскировки засады в городе. Место выбрано идеально. Стрелок, вооружённый не самой лучшей винтовкой с ПБС, имеет шансы сделать своё дело и уйти незамеченным в ста случаях из ста. Он рассмотрел умело изготовленный

«городской пенёк», как называют такое приспособление снайперы. В мощную оптику разглядел замаскированную под потёк битума пластину в нижней части бочонка, которая в

нужный момент легко убирается изнутри и предоставляет возможность, практически не высовывая ствол наружу, вести прицельную стрельбу. «Пути отхода, вероятно, тоже продуманы. Колодец уходит в коллектор, а оттуда на сотни метров в любую сторону. Запах? Ну, ему с дерьмом не впервой». Была у Алексея мысль натравить на Вову «конторских», однако, зная, как работают «смежники», раздумал. Вполне могут упустить и к тому же потерять кучу народа. «Это наше, семейное, дело. Сами разберёмся».

Когда с лестничной площадки, на которой располагалась дверь съёмной квартиры, исчезло оконное стекло, понял: вышли на финишную прямую. Сделал это противник с одной целью: иметь возможность отслеживать перемещение объекта. Чем проще, тем эффективней.

Спать лёг рано. День предстоял суматошный.

И даже не удивился, когда, едва Олина голова коснулась подушки, как вновь пришёл сон.

Сон, из старой, советской ещё жизни, вынырнул в растревоженном сознании. Снилось давным-давно забытое.

Счастливые курсантские годы, он сидит за потёртой, исцарапанной партией и, оперев ручку в конспект.

«Ах, как она ему понравилась. Стройная, с волосами, заплетёнными в невероятно тугую, русую косу, девчонка неуловимо походила на тургеневских барышень». Препод, затаившись у кафедры, уныло бубнил — При стрельбе спереди, солнечное сплетение является основной точкой прицеливания «по корпусу». Поскольку средняя точка попаданий всегда отклоняется от точки прицеливания, поражение пневмоторакса само по себе ничего не означает, наиболее эффективно попадание в сердце или в коронарные сосуды. Внешним признаком его является падение стоящего человека «мешком» — вертикально вниз на подогнутые ноги. Уловив в невнятном бормотании капитана последнее слово, Леха с замиранием сердца вспомнил вчерашнее свидание. «Такие ноги красят человека, — отыскал возвышенно-философское сравнение. — Папа профессор, мама искусствовед, значит, девушка правильная, не какая-то там. Хотя и с такими ногами... «Он вновь уткнулся мечтательным взглядом в тетрадь, бездумно записывая мудрёные термины: «Может, стоит пригласить в кино? Или в театр?» Инструктор, акцентируя внимание, заговорил громче: Поскольку, стреляя спереди, перебить спинной мозг пулей можно скорее случайно, из этого положения эффективнее целиться лишь в точку между глаз, в переносицу.

«Ой, а глаза синие, синие». — У Лехи сладко сжалось сердце

от воспоминания о взгляде, который бросила девчонка на него, прощаясь. — ...Касательное ранение позвоночника вызывает рауш — кратковременное оглушение. Спустя какое-то время оно проходит. Поэтому, приближаться к раненому противнику всегда следует осторожно, наблюдать за ним из укрытия и сохранять готовность к производству немедленного выстрела — Зудел капитан.

Алексей перевернул страницу, добросовестно законспектировал что-то и решительно сжал губы. — «Немедленного... Точно, чего ждать, вот после пары, немедленно иду на КПП и звоню.

Только куда? В кино, или всё же в театр? — Вновь засомневался он. — В театр, конечно, приличнее и вообще, но в кино, не серьёзно, а в «Оперный» дорого. Да и вообще, как потом из города в «Академ» добираться... Хотя, у Вовки, кажется, есть прихват в Доме Учёных? Только, он тот ещё жук, за билет его СВДху после стрельб неделю чистить. А, ладно, дел-то. Почистищу».

Леха прислушался и, выхватив начало фразы, быстро зачеркал в тетради, едва поспевая за майором, торопящимся отчитать тему до перерыва.

«Оболочечные пули калибра 7,62 и 5,45 оставляют незначительные кровяные следы, даже при ранениях навывлет. Отверстия имеют диаметр меньше калибра и затягиваются кожей, забиваются. Поэтому, особо сомнительны случаи поражения мягких тканей или конечностей, когда цель дёргается. Такой противник опасен, он способен и убежать и защищаться, особенно в состоянии боевого стресса». — Выдохнул, встряхивая занемевшей от быстрого письма кистью. — Действительно, стресс, — Сознание вернулось к прерванному размышлению. — Поэтому, надо собраться, подготовить первую фразу и..., главное — не мямлить... В театр и точка... А ну, как скажет: занята? Тогда — послезавтра. И точка. — Алексей перевёл дух, успокаивая застучавшее, словно он уже набирает заветный номер, сердце, с волнением глянул на часы. До перемены ещё пять минут.

— Ох, стресс. Да не откажется она. — Попытался успокоиться он. — Сама сказала — звони.

— А может, из вежливости?» — Не оставляло сомнение.

— Ранение шеи с повреждением позвонка приводило лишь к оглушению жертв, выстрел в шею отнюдь не обязательно приводит к поражению сонной артерии. — Майор, продолжая диктовать, неожиданно встал и двинулся между рядами.

— Курсант Бессонов. — Заметил преподаватель спецдисциплины Лехин мечтательный взгляд. — Повторите, что я сказал? Алексей напрягся, пытаясь вспомнить. — ... Ранения

лицевой части черепа болезненны, но не смертельны. — Медленно произнёс он, косясь в тетрадь, и, чувствуя, что несёт чушь. — При стрельбе сзади... — идеальной позиции для боевого стрелка... — подобное ранение головы может быть нанесено снизу — вверх... — Он неуверенно замолчал, очумело представив сказанное. — Ясно, — инструктор постучал указкой по столу. — Сам-то понял, что сказал?

— Ворон считаем? Плохо, курсант.

— Командир отделения. — Обернулся к передней парте майор. «Комод» подпрыгнул. — Я!

— Доложите «классной даме» — Объявляю курсанту Бессонову лишение увольнительных, на неделю, за... Звонок прервал гневный монолог. — Дежурный, собрать тетради, все свободны. — Отвлёкся инструктор, подхватил с кафедры тетрадь, развернулся и двинулся к выходу. Леха стоял возле стола и с удивлением чувствовал, как в глазах невольно выступали слезы.

— Как же так? Мы в театр собрались? — Прошептал он, понимая, что Ольги ему уже не видать, как своих ушей. — «Прохиндей Вовка, явно имеющий на неё виды, ждать не станет. Уведёт. Точно уведёт. Вся личная жизнь псу под хвост».

— И всё из-за этой «мокрухи», — в сердцах ругнулся он на спецдисциплину.

Оборвался сон так же внезапно...

Наступило утро следующего дня. Ровно в восемь девчонка открыла дверь и, не спеша, двинулась вниз по лестнице, но едва миновала окно, как опустилась на колени и, стараясь не высовываться, проскочила наверх, а затем ещё выше, на чердак.

Леха занял подготовленную позицию, Винтовка, укрытая рваной тряпкой, уже стояла, нацеленная в пенёк. Сыграл на том, что Вова не станет устраивать засаду на втором ярусе. Поэтому, когда отщелкнул крышку прицела, увидел заваленную мусором битумную поверхность, был твёрдо уверен, что за подтёками скрыт противник. Чуть сдвинул ствол и осторожно выбрал ход спускового крючка.

Расцвела на чёрной поверхности розочка разорванного металла. Тяжёлая пуля прошла тонкий слой маскировки и лист жести, словно картон. Ещё одна, чуть выше. Контрольная. Вот, пожалуй, и всё. Можно...

Удар в плечо отбросил на стропила. Огонь, разливаясь по телу, пошёл в руку. Настоящая боль ещё не пришла. Только одна мысль. «Переиграл. Посадив в укрытие напарника, сам занял позицию на соседней крыше. Когда я «купился» на его заготовку и проявил себя, Вова спокойно поразил цель. Единственный прокол: стреляя вторым номером, не учёл отдачу и немного промазал,

пуля вошла в плечо, чуть ниже ключицы, а не в висок, как задумывалось. Прижав рану, Алексей выскреб аптечку, вколол антишок и попытался наложить повязку. Пуля прошла навывлет, но, судя по всему, напакостила изрядно, кость точно задела.

«Молодец. Грамотно сработал». — Рассуждал Леха, лёжа на пыльных досках, и ждал. Вова наверняка понял, что промазал, и будет зачищать. Поднимется и добьёт.

Ждать пришлось недолго. Ничего такого не думалось, разве что насмешила мысль: Это входит в привычку. Ожидание смерти.

«Хотя нет, будь он один, возможно. Не стал бы и дёргаться. Проиграл, ничего не попишешь, плати.

Но где-то там, глубоко, дремлет её сознание. А умирать ей рано.

«Хрен-то вы угадали». — Сцепил зубы и встал. Придерживая руку, которую уже всюю дёргало болью, укрылся за вентиляционной шахтой. Замер.

Тихо скрипнула дверь, мелькнуло неясное пятно. Умело зашагивая, и тут же прячась, приятель осматривал чердак, пробираясь через завалы.

Алексей сосредоточено ждал, воспроизводя в памяти все трубы и провода, через которые охотнику нужно перебраться.

Наконец решился: «Пора». Ухватил нож здоровой рукой и, сделав короткий шаг из-за трубы, взмахнул рукой. Бросок был практически наугад. Но, опыт не пропьёшь. Всё же он неплохо изучил своего кореша. Вовка стоял, чуть пригнувшись, спиной. Звериная реакция кинула матёрого диверсанта в сторону. Однако, нож уже летел. Сколько раз Леха выполнял это упражнение? На тренировках и в боевых. И всегда в десятку. Не промахнулся и сейчас. Сталь вошла в спину, точно под правую лопатку. Лезвие перерубило нерв и застряло глубоко в теле. Пистолет выпал из отнявшейся руки, поднять, перехватить его он уже не успел. Кирпич, не новодел, крошащийся от лёгкого толчка, а старый, красный в белую крапинку, удобно лёг в руку. Противник уже почти успел выхватить второй ствол из поясной кобуры, когда кирпич смачно вклепился в поределую макушку. Ноги подкосились, и охотник без сознания рухнул на усыпанное керамзитом перекрытие. Алексей охнул, от резкого движения руку обожгло ледяным ветром, но, собрав силы, доковылял к лежащему. Назвать его другом как-то не повернулся язык. Обыскал. «Два ствола. Нож на лодыжке». Всё. Сцепив браслетами безвольно опадающие кисти, примотал знакомца к стропилам. «Так-то надёжней. Иначе он меня и с завязанными руками уделает может».

Хлопнул по щеке. «Голова у тебя, Вова, сейчас точно болеть

будет, но ничего, потерпишь. Недолго».

«Лютый» очнулся, навёл резкость, сплюнул кровь и криво ухмыльнулся. — Ну, ты, девка... Признаю, мастер.

— А ты, Вова, тогда, кто? — Не стал Алексей тянуть резину, чувствуя, как набухает бинт кровью.

Пленник удивлённо поднял бровь. — Откуда...?

— Оттуда... — Зря ты наверх полез. Ты же всегда высоты боялся, или уже привык? После вышки, что ли?

— Какой вышки? — Вовка переспросил, но видно было, что всё отлично понял. Он не мог понять одного. «Как девчонка могла узнать про ту парашютную вышку. Кто рассказал?»

— Надо было мне тебя в самолёте бросить, а не тащить через полАфгана. Тогда бы и Влад жив остался.

Он не мог поверить. — Кто рассказал? — Как заведённый повторял он, словно это было так уж важно.

— Никто, Вова. Я это. Леха, которого ты на той горке сдал. А после в дерьме вывалил.

— Как это? — Недоверие в его глазах сменилось мистическим страхом.

— Как? А ты это скоро сам узнаешь. — Не стал тешить его несбыточной надеждой Алексей. — Одно мне интересно. Почему? Не могу понять. Ты ведь меня не просто убить хотел. Ты и память обо мне постарался испоганить.

Он тихонько пошевелился, проверяя крепость связывающих верёвок.

— Зачем? — Повторил он, раздумывая. «Не то, чтобы он поверил мне. Хотя? Кто его знает? Может, и поверил».

— Леха, говоришь? — Он как будто приучал себя к новому облику старого приятеля. — Ну, если так, то жаль, что я промахнулся. — Отрезал он. Была бы возможность, зубами бы погрыз.

— Да ты что ж такой кровожадный? — Леха даже удивился.

Он упёрся ногами в хрустящие окатыши и приподнялся, упираясь спиной в стропила.

— Если ты Леха, скажи. Наташку помнишь? — В свою очередь спросил он.

«Здрасте. А это причём»? — Даже оторопел Алексей, вспомнив сон.

Давным-давно, в курсантские годы они чуть было не рассорились из-за девчонки. Нравилась она обоим. Только, так уж вышло, Вовка оказался ловчее и увёл из-под носа. Правда, роман у них был недолго. Она с родителями уехала за границу, кажется во Францию».

— Ну и что? Причём тут Наташка. — Леха искренне

недоумевал.

— А помнишь, в 91, когда в загранке работал, тебе задание на партийного было? Он какие-то деньги замылил. Тебе команду дали, его убрать, а его жена под пулю сунулась. И ты ведь, сука, секунды не подумал. «Есть, так точно, лапу к уху». А то, что это Наташка была, тебе по барабану? Я ведь её до сих пор каждую ночь во сне вижу. Удивляется он.

«Вот как? — Задумался, вспоминая.

Работал тогда из «Взломщика», на полторы тысячи и, если честно, даже знай, ничего бы не сумел изменить.

Жалко девочку».

— Хорошо, выходит, за Наташку ты мстил. Но почему тогда не всадил мне рожок в спину в рейде, а вот так...

— Ишь, какой. Героем умереть легко, а ты гнидой помер. — Усмехнулся Вовка.

— Огорчил ты меня, Вова. Да, выходит, убил я Наташку, а то, что хотел, не хотел — не извиняет. И то, что приказ выполнял, тоже. Одно могу сказать, сегодня ты тоже не на меня охотился, а на девчонку эту. Её Ольгой, кстати, зовут, и она моложе той, погибшей, Наташки.

Сам бы как поступил? Если ты не сработал, всю группу подставил, а? Ты что, хочешь сказать, ради незнакомой девчонки всё бы бросил?

Вовка покраснел и рванулся в немыслимой попытке разорвать браслеты. Не смог.

— Ты, сволочь, и так всю жизнь перед носом, как красная тряпка, и сейчас мне мораль читать. С первого дня в любимцах у «Груздя» ходил. Всё тебе. И после «Вышки» направление в группу тебе одному дали. Что, лучше всех, да? А мы, значит, быдло? Не прогибались, как некоторые. Все в войска, а его в белую кость. На валютные командировки....И девчонку..., убил... — Он уже не пытался вырваться, ему просто необходимо было высказать наболевшее. Бессвязно, рвано, но Леха его понял.

— Так ты из-за этой ерунды? — Не поверил он. Из-за валюты..., и всей этой, херни?

Наконец, Леха собрался, резко выдохнул, успокаивая нервы, и закончил. — Понял, но это всё лирика. О чем теперь говорить? Ты меня уже кончил, можешь радоваться... Только, вот что, я тебя убивать не буду. Я тебя здесь оставлю. В пеньке, наверное «Особист» сидел? Угадал? Вот и объяснишь теперь людям из конторы, кто «Сотника» и его шестёрку завалил. И по каким таким делам. Как ты с «Камазом» стволы с Кавказа гнал. Как с той засады живым ушёл. Вопросов к тебе много будет. И если за жизнь Наташкину ты со мной рассчитался, то за остальное — я с

тобой. Пусть, в школе, где бюст герою во дворе стоит, и о тебе правду узнают. Я думаю, справедливо. Мне что с тех наветов? Я же умер. Там, на горке. «Мёртвые сраму не имут». Да клал я на вас на всех, я сейчас самый счастливый человек в мире. Тем, что за всё рассчитаться сумел. И девочку эту уберёг. Мне помирать не страшно. А тебе с этим ещё жить придётся.

Леха махнул рукой и, бессильно шатаясь, пошёл к выходу с чердака. Держась за стенку, спустился во двор. Отойти смог метров на триста, упал на скамейку и выудил телефон. Набрал короткий номер. Чувствуя, что сознание уплывает, ослабил блок, удерживающий её разум. Она, словно проснулась, охнула.

— Оля, — уже из последних сил сказал он, — тут, такое дело. Стреляли в тебя. Что мог, сделал. Держись, не умирай. Тебе ещё столько песен спеть надо. За себя, за меня, за всех пацанов, что на своих горках лежать остались. Прощай. Извини, если что не так.

Его сознание растворялось, исчезало бесформенной дымкой. Издалека, чуть слышно, пробился вой сирены. И всё пропало. Теперь навсегда.

## Часть вторая

## Вступление

...Оля..., такое дело, подстрелили тебя. Прости. Что мог я сделал... — Разжав руку, почувствовала, как прыгнула на ладони граната, и вдруг очнулась от его голоса.

Боль разлеталась по телу и пульсировала. Сначала медленно, потом быстрее и быстрее, всё закружилось, слилось в один поток. Издалека донёсся затихающий голос. — Прощай... И вдруг накрыло, как сугробом. Пропали звуки, цвета, даже боль ушла, лишь спокойствие и парение. Без страха и тревоги. Полет....

Вспышка, лёгкие тени. Непонятная сила несёт меня к светлому пятну.

Проснулась вдруг. Выждала, когда глаза приноруются к свету, осмотрелась.

Больничная палата. Кровати, капельница, силуэты людей. Невнятный разговор. Пошевелилась, вернее, попыталась шевельнуться.

Чей-то голос бесстрастно произнёс. — Маша, скажи, там новенькая проснулась, они просили...

Хотела сказать, но пересохшие губы не послушались.

Возникло противное щекотание, словно тысячи муравьёв копошатся в груди, в лёгком. Склонилось лицо на белом фоне. Как самочувствие? — Вопрос, скорее, риторический.

— Нормально, — беззвучно шепнула я. Запахло спиртом. В руку кольнуло, и вновь подкралась дремота.

Окончательно пришла в себя на следующее утро. Боли почти не было, только слабость.

## Глава 1

### Бесплатно лечиться — лечиться даром

Прошла неделя. Перевязки, осмотры, уколы. Уже в первый день стало ясно, что не могу говорить. Слабый шёпот, и всё. Как пояснил врач, пуля задела связки и лёгкое. Голос восстановится, но о пении речь не идёт. Дай бог потихоньку разговаривать.

Соседки, заинтригованные глухими сплетнями, а после кровавыми статьями в жёлтой прессе, заинтересованно перешёптывались. Однако, видя, что говорун из меня неважный, интерес потеряли.

Газетчики наплели семь вёрст до небес. По их словам, выходило, что молодая певица, любовница преступного короля, сбежала от него с молодым композитором. Посланных за мной бандитов я в припадке ярости исхитрилась убить, но и моих родителей преступники не пощадили. А после, в Москве, меня и якобы моего любовника хотел застрелить нанятый авторитетом киллер. Любовника, который оказался вовсе не композитором, а бывшим военным, задержали. Меня в тяжёлом состоянии доставили в больницу. Дичь, пересыпанная подленькими намёками и умозаключениями, высосанными из пальца. Если честно, я и сама не могла бы объяснить, как всё было на самом деле. Обрывки, вырванные из контекста фразы. Полная сумятица. Навечно запомнилась только гибель папы. Я уже смирилась со смертью родных. Но смакование кровавых деталей безжалостными писаками было невыносимо.

Приходили следователи, задавали нелепые вопросы, ещё какие-то странные люди. Сначала по нескольку раз в день. Но, видя, что отвечать я не могу, временно отстали.

Конечно, многое я сумела вспомнить за эти дни, пока лежала в вынужденном безмолвии.

История невероятная, но всё же реальная. «Алексей», — я не раз пыталась позвать его. Но интуиция подсказывала, его больше нет рядом. Исчезло чувство уверенности и полёта. Я так и не вспомнила многое из событий последних дней, но поняла, что последним подарком мне стал его опыт. Ту, прежнюю девчонку, вполне возможно напугали бы все эти страшные детали и подробности, которые таила его память, но теперь, мне сегодняшней, было даже не безразлично, а как-то привычно. Словно, это я прожила его жизнь.

Трудно объяснить это чувство. Вроде, твои и в то же время чужие воспоминания, но есть огромное отличие от киношных и

книжных.

Слабость наваливалась приступами. То вставала и даже прогуливалась по коридору, то не могла оторвать головы от подушки. Наконец, стало легче. Не до конца, но состояние, как пробурчал бородатый доктор, стабилизировалось. Осмотрел и, вильнув глазами, предупредил, что выпишут через день.

«Честно, и самой надоела убогость нашей медицины. Крашенные в серый цвет, ободранные стены, хамство медсестёр, вонь от «лежачих».

Выписали обыденно. После завтрака спустилась в подвал. Необъятных размеров кастелянша отыскала завёрнутую в мешок одежду. Расписалась и с трудом влезла в пропахшие сыростью джинсы. С верхней частью гардероба вышло совсем нехорошо. Залитые кровью, простреленные тряпки выкинули, а из всех денег оказалось свёрнутая в комочек сотенная купюра в заднем кармане джинсов.

Особая гнусность была в том, что, зная о лежащих на счёте деньгах, огромных, по-моему, я абсолютно не помнила ни номеров, ни кодов. Ничего. Компьютер, на котором эти данные были, исчез. То ли доблестные работники милиции изъяли под «вещдоки», то ли санитары «подрезали», как сувенир, а может, просто затерялся в суёте. Но исчез.

Без денег, без одежды, в чужом городе. А осень уже полностью сдала вахту зиме. Конец ноября, и, хоть снега ещё нет, но мороз и ветер навалились всерьёз, и совсем по-зимнему задувает по утрам в щели палатных окон.

Тётка, пожевав губами, забралась в кладовку и, кряхтя, вытянула старый искусственный полушубок пятидесятого размера, растянутую мохеровую шапку и китайскую кофту. — Вот, на-ка. Они с прожарки, ты не бойсь. Хотя и старьё, но всё лучше, чем голышом-то. Скрепя сердце, я нацепила предложенный наряд.

Хоть момент, прямо сказать, не самый подходящий, но смех, который меня разобрал от увиденного в мутном зеркале, заразил даже хмурую санитарку. На моем «сорок четвёртом» полушубок, который после термообработки больше походил на линялую шкуру пожилого медведя, висел тулупом. И уже совсем убила розовая шапка с торчащими в разные стороны клочками свалывшегося мохера. Ни один, самый последний бомж славного города-героя, не рискнёт вырядиться в подобный наряд. Отсмеялась и задумалась. Но вариантов не возникло.

Как я хотела в тот момент, чтобы на помощь пришёл мой нечаянный спутник. Но только сумбур в растрёпанных мыслях.

Сообравив, что надеяться не на кого, вышла в коридор.

Паспорт, история болезни, анамнез. Уложила в покоробленную сумочку. Когда-то роскошная сумка от Ферерро, пролежав месяц возле нестерпимо жарящей батареи, годилась, разве что, для хранения домашнего архива. Вспомнив о доме, совсем расклеилась. Возвращаться в Краснодар, где всё напоминало о близких, было не в состоянии. К тому же, добраться туда, в таком виде, без денег было нереально. Подумав, нашла выход. Номер в Питерской гостинице был оплачен на три месяца вперёд, а в вещах, по меньшей мере, тысяч двадцать рублей. Был ещё продюсерский центр, в который вложены очень большие деньги. Пусть я и не смогу продолжить карьеру, но, может, удастся вернуть хоть часть. По всему, выходит, нужно ехать в Питер. Но как? Взгляд упал на колечко. Теперь я знала, что Алексей отдал за него полторы тысячи долларов.

«Если продать, может, хоть половину дадут? Доеду». — Решительно вышла на улицу, не обращая внимания на смех, то и дело вспыхивающий среди прохожих. Я не осуждала их. Если уж сама не удержалась, что говорить о других.

Холод обжёг лёгкие. Я согнулась в мучительном кашле. Справилась, но головокружение, и слабость не проходили. Кое-как добрела к одинокой скамье и плюхнулась на заиндевелые бруски. Тут они и нашли меня.

— Патрульный, чего-то там, сержант Брынкин, — неразборчиво пробубнил закутанный в светло-серый, пятнистый наряд милиционер. — Документики предъявим, гражданочка.

Паспорт и справка из больницы совершенно не впечатлили.

— Регистрация отсутствует. — Удовлетворённо констатировал, полистав книжку, розовощёкий парень и повернулся к напарнику. Тот стоял, согласно инструкции, чуть сзади и сбоку.

— Да хрен с ней, Серёга. — Отозвался второй патрульный. — Таскаться ещё с этой тёткой. Блох только нацепляем.

Я даже оскорбилась. «Тоже мне. Нашли тётку. Однако болезнь не красит, а в таком наряде и мисс Америки за Квазимодо сойдёт».

— А чего? — не согласился настырный сержант. — И так план горит, снова прапор орать будет. Вызывай канарейку. Закинем, и пусть в участке разбираются.

«Вот чего мне совсем не хотелось, так это разборки. Дело ещё не закрыто. Начнут выяснять, что да как, точно в камере насижусь. А с моим лёгким — это смерть. Верная чахотка. Чужой опыт подсказал. Что угодно, только не в околотоку».

— Ребятки, милые. — Откуда только взялась эта сутулость, шамканье, ставшего беззубым, рта. Губы истончились и, как

нельзя кстати, выбилась прядь отросших пегих волос из под уродливой шапки.

— Сынки, — я закашлялась, — отпустите, я сейчас на вокзал, мужик должен на востребование прислать, с Краснодара. Домой поеду. Вот, денежку возьми, сынок, купи гостинцев подружке. — Я лихорадочно заскребла помятую купюру, разглаживая её, чтобы сунуть в оттопыренный карман бушлата. Сержант понятливо отвернул голову, высматривая нечто, чрезвычайно важное, на другой стороне улицы.

Однако его спутник оказался глазастей. Углядел колечко. Хоть я и успела повернуть его камешком внутрь. Однако тренированный взгляд ППСа выхватил блеск драгметалла. — Ну-ка? — Он протиснулся ближе. — Покажь, тётка, руку?

Разжав ладонь, присвистнул. — Ого, Серёга, ты глянь. Вот народ. — На пальце состояние, а тебе сотню суёт. Ты помнишь, ориентировка была? — Он подмигнул приятелю, не особенно и пряча издёвку. Точно, помыла тётка колечко и хотела назад свалить, в свой Мухосранск. Так, протокол изъятия составим на месте. Он потянул за колечко. Распухший от лекарств палец мешал сдёрнуть добычу.

— Слушай, Витек, да она сопротивление оказывает. — Сержант привычно ухватил рукоятку «демократизатора». — Сама снимешь или помочь? — Он замахнулся, норовя превентивно огреть несуразную бомжиху по спине.

Рука дёрнулась, ставя мягкий блок. Дубинка скользнула, уходя в сторону. Автоматически продолжив связку, колющим ударом сжатых в щепоть пальцев, достала Серегин висок.

Одновременно, другая кисть, ухватив палец мародёра, стягивающего кольцо, легонько дёрнула, чуть повернув. Выскочив из сустава, указательный загнулся под прямым углом. И вот, страж закона, оставив глупые мысли о несправедном заработке, взвыл, согнувшись от боли. Серёге было совсем худо. Он плавно, как в замедленном кино, сполз на скамью и уткнулся носом в крашеную доску. Я обмерла и, не раздумывая, поковыляла прочь, торопясь скрыться в ближайшей подворотне.

«Рассуждать будем после. Гнал вперёд Лехин опыт. Влево. Ещё раз. Парадное, должен быть чёрный ход». — Миновала загаженный кошками подъезд и вынырнула на людный проспект. Смешавшись с толпой, двинулась вдоль проезжей части, фиксируя краем глаза проезжающие машины. Спасибо гаишникам, не удосужившимся запретить тонировку. В стёклах авто отчётливо видно, что творится сзади. Чисто. Витьке пока не до меня. Вставить палец на место самому, нужны умение и сноровка. А вид подельника заставит судорожно голосить в

рацию, вызывая подмогу. Потом, конечно, разберутся, что сержант только слегка «притомился» и задремал, но это потом.

Только пройдя полквартала, заметила, что мертво сжимаю выхваченный у сержанта паспорт. Даже после, в спокойной обстановке, не смогла восстановить в памяти, когда успела забрать столь нужный в моей ситуации документ. А пока я просто запихала его глубже в карман необъятного малахая и продолжила движение. Глаз выхватил неприметную вывеску. — «Скупка золота, ломбард».

Плюнув на палец, стянула колечко. Оглянулась и шмыгнула в тамбур старого дома. Полуподвальное помещение, затёртый линолеум, давно немытые стекла. Вид соответствовал содержанию. Прожжённый, плюгавого вида старик, в меховой безрукавке, поверх клетчатой байковой рубахи, вопросов не задавал. Осмотрел кольцо, задержал взгляд на камне. — Сдаёте, или в залог? — Острым взглядом приметив паспорт, спросил он.

— Лучше продавайте, — посоветовал он, услышав ответ. — Все говорят, что выкупят, но это бывает редко. Зачем терять деньги?

Я мотнула головой, подтверждая решение.

— Ну, в залог, так в залог. — Он заполнил квитанцию, взвесил изделие, вписал каратность. — Десять тысяч. «Сумма явно занижена, но должно хватить». Я кивнула головой. — Согласна.

— Девушка, — разглядев, что клиентка достаточно молода, повторил опытный ювелир. Рекомендую продать, дам восемнадцать.

Я чуть было не согласилась, но, вспомнив, что это кольцо выбрал Алексей, передумала. Воспоминания понемногу слабели, а такое, материальное подтверждение реальности его присутствия, не давало списать всё на обыденное сумасшествие.

Упрямо отказалась. — В залог. Он вздохнул и отсчитал десять купюр. Спрятав деньги, выскочила на продуваемый свирепым ветродуем проспект. Вещи купила в стоковом. Очень похожем на обычный секонд-хэнд. Новые, но какие-то залежалые, тряпки стоили копейки. Тёплая спортивная куртка Норд, шапочка, джинсы и сапожки. Весь наряд обошёлся в четыре тысячи.

Спортивный наряд сделал меня похожей на типичного подростка, узнать в котором полусумасшедшую бомжиху мог только очень проницательный человек.

Повторное возвращение в город Петра и трёх революций прошло совсем обыденно. Билет в плацкарт стоил недорого, осталось и на такси, и на ужин. В гостиницу вернулась утром

следующего дня. Вышколенный администратор проверил документы, но, не моргнув глазом, выдал ключ.

Словно возвращаясь в родной дом, зашла в свою одноместную комнатку. В глаза бросилась гитара, прислонённая к стене.

«Как мало человеку нужно, и как просто согнуться в этом мире». Я сбросила куртку и, плеснув из стоящей на столике бутылки коньяка, уселась в кресло возле тёплой батареи. Помедли я чуть в том продуваемом ветром парке, где меня прихватили обнаглевшие от вседозволенности патрульные, всё могло сложиться гораздо хуже.

Запоздалый страх кольнул в желудок. Отогревшись, убрала бутылку и начала методичный обыск. В карманах, сумках нашлось около двадцати тысяч рублей. Карточка сбербанка на счёт, открытый в гостиничном филиале. Там, по-моему, тысяча пятьдесят должно быть.

«Совсем плохая? — тупо разглядывая документы на машину, изумилась я. — У тебя десять тысяч евро под окном стоит, а ты по карманам мелочь собираешь». Выглянув в заснеженное окно, разглядела серенький кузов мёрзнувшей на гостиничной парковке «Реношки».

Однако с продажей спешить не стала.

Повинуясь безотчётному порыву, достала гитару и, тихонько перебирая струны, наиграла пришедший в голову мотив. Сами собой пришли слова. Куплет, второй. Негромко пропела.

Голос, слабый и хриплый, конечно, в подмётки не годился прежнему, но всё же сохранил какое-то подобие музыкальности. Телефон с функцией записи сошёл за магнитофон. Я спела, исправила корявую рифму. Добавила припев.

Песенка вроде бы ни о чем.

Ни рифмы, ни размера. Но с эстрадой закончено, а для себя — нормально. И как-то сразу вдруг полегчало. — «Ну и что, что одна, никого родных, знакомых, никакой работы, специальности. Ну и что? У меня есть память, не пропадём».

День посвятила новому образу. Уже знакомая парикмахер, повинуясь указаниям, изменила причёску. Длинные волосы уступили место короткой стрижке. В зеркале на меня глядела уже и не девчонка. Глубокие тени вокруг глаз, осунувшиеся щеки, но, главное, изменился взгляд.

«Понимание и спокойствие. Интересно, чем ещё должна меня стукнуть жизнь, чтобы я сломалась? Уверенность и готовность к испытаниям».

Новый образ завершил строгий костюм. Элегантный пиджак, юбка, сапоги на каблуке, не очень высоком, но и не кроссовки.

Шубка из стриженного меха неизвестной породы, прикинувшегося норкой. Простенько и сдержанно. Главное, ни что не напоминало ту провинциалку с гитарой, приехавшую сюда всего несколько месяцев назад.

А вечером навалилась боль в груди. Набегавшись, растревожила не до конца залеченную рану. Швы уже сняли, и входное отверстие почти затянулось тонкой кожей. А вот выходное, неровное безобразное пятно, с рубцами от десятка швов и стянутых краёв, никак не заживало. И, наконец, самое противное. Что там внутри? Лёгкий хрип временами сменялся свистом и лающим кашлем. Дыхания хватало только на короткие прогулки. «Здорово киношным героям, у которых раны заживают в три дня. Лёгкое недомогание, симпатичная повязка, и вот уже снова погони и драки. А по жизни, увы, гораздо противней. Тело почему-то крайне негативно относится к тому, что его протыкают железом. Казалось бы?»

Визит к продюсеру оставил тягостное впечатление. Радостно вскинувшийся при моем появлении Евгений Петрович, узнав, что ранение не позволяет продолжать карьеру, поскущел. Взгляд затуманился, он начал поглядывать на часы, а на робкую просьбу вернуть часть средств тяжело вздохнул, порылся в документах и, отчеркнув пункт с форс-мажорными обстоятельствами, показал мне.

— Ну, и что? — Я глянула, пытаюсь поймать ускользающий взгляд. — Вы на мне ничего не потеряли. Затраты составили максимум тысяч триста. Заработали четыре сотни. Верните хоть сто, — напрямик попросила я. — Неужели сто процентов прибыли Вам мало?

— Девочка, — после долгой паузы выдохнул продюсер, — за сотню, как ты сказала, пятерых, таких как ты, на кусочки разобрать и зарыть могут. Понимаешь?

Сегодня я верну деньги тебе, завтра придут и заберут мои. Нет, договор есть договор.

«Вот про лопату говорить не стоило». — Что-то в моем взгляде ему явно не понравилось. А мне почудилось. — Вошла в перекрестие прицела переносица холёного лица шоумена, замерла, расчерченная короткими линиями дистанции. Палец непроизвольно повёл курок, выбирая слабинку. По его гладковыбритой щеке пробежала капля пота. Он рывком встал и, пряча взгляд, начал закуривать.

— Всё, сказал, ни копейки. — Деляга явно струсил, хотя я не успела сказать ни слова.

— Ну, что ж. Будем надеяться, Вы измените решение, главное не опоздать. — Я поднялась и, спиной ощущая его страх, вышла

из кабинета.

Конечно, надежда была слабая, но мне он показался относительно порядочным человеком. Хотя порядочные в таком бизнесе долго не задерживаются. Всплеск раздражения быстро схлынул. Однако состояние выцеливания и спуска крючка показалось мне забавным. Вдруг дико захотелось испытать его вновь. Я вызвала такси и, набрав телефон справки, узнала, где находится спортивный тир.

В спорткомплексе было пусто. Заполненные вечерами и в выходные, сейчас помещения разносили лишь гулкий перестук каблучков.

Полутёмный тир встретил непонятно привычным и волнующим запахом въевшихся в стены пороховых газов. Оплатив пятнадцать выстрелов, взяла у густо пробитого сединой инструктора спортивную винтовку и три обоймы.

— Стреляли? — недовольный тем, что его оторвали от книги, спросил тот.

— Немного. — Бросила я.

— Значит, так..., — он привычно собрался начать инструктаж.

— Простите, — я мягко остановила его, — можно, сама.

— Он пожал плечами. — Сама, так сама.

Приняв стойку, и, чувствуя тяжесть от натянутой кожи, набросила петлю ремня и упёрла локоть в бедро.

Не раздумывая, вщелкнула магазин и сняла предохранитель.

— К стрельбе готова. — Вырвались незнакомые слова.

— Инструктор, видя, что девчонка с понятием, скомандовал. — Огонь. Наведя мушку и остановив дыхание, замерла. Фаланга пальца, словно ведомая извне, плавно нажала курок.

Выстрел, восьмёрка. Небольшая поправка, десять, десять, девять, снова десятка.

Сменила обойму. Две восьмёрки и семёрка, остальное в центр. Закончив стрельбу, совершенно автоматически, не думая, вздёрнула руку, сообщая об окончании стрельбы. Прихрамывающий инструктор глянул в окуляр и перевёл взгляд на меня. — Ого? — Удивление в голосе, пополам с признанием класса.

Резкий укол в груди не дал продолжить. Я опустила винтовку и присела на стул, медленно, сквозь зубы, втягивая ставший вдруг тугим и плотным воздух. Пороховая взвесь вызвала ответную реакцию в простреленном лёгком. Наконец, отдышалась. Пенсионер забрал оружие и участливо произнёс. — Где же ты, дочка, повоевать успела?

— Нигде. — Я удивилась. — Почему Вы решили?

Он усмехнулся. — Она мне будет говорить. Ты сначала выучку спрячь, и ранение в лёгкое, тоже. А то я не вижу. Эх, дочка, война — не игрушки. — Он провёл рукой по вытертому прикладу. — Худо?

— Ничуть. — Хотела соврать я, однако согласно кивнула.

— Да, вижу. — Он помолчал. — Вот что, сам через это прошёл. — Он легонько стукнул в грудь. — А сейчас, весь день здесь гарью дышу, и хоть бы что. А ещё полгода назад выворачивало.

Он порылся в заваленном бумагами столе. — Вот, китаец один. Лечит, иглками, травами. Гимнастика ещё. Сходи, дочка. Советую.

Поблагодарив, забрала карточку с телефоном и адресом.

Китайцу собралась позвонить только через несколько дней. Дел особых не было, просто слабость. Ничего не хотелось. Лежала в постели, спала, смотрела в окно на засыпанный снегом парк. Метель шла два дня, навалило целые сугробы. Для Питера не свойственно. Наконец стихло, и я насмелилась позвонить.

После третьего гудка отозвался явно нерусский голос. — Да? Слюсаю.

— Посоветовали к Вам обратиться. Сказали, Вы можете помочь.

— Можете, можете, — показалось, увидела, как китаец согласно закивал, кланяясь. — Писы адрес.

— Я знаю.

— Тогда цего? Плиезжай, смотреть будем. — Смешно закончил он.

«И правда? Я решилась. Деньги пока есть. А то совсем что-то паршиво». — Вынужденно призналась сама себе.

Таксист долго плутал в поисках адреса, костеря градостроителей.

Наконец, остановил машину возле типовой девятиэтажки.

Квартира на третьем этаже. Железная простая дверь. На звонок вышел маленький, непонятного возраста, азиат.

Жиденькая бородка, редкие усенки, перекошенные в разные стороны зубы, шапочка, кургузый кафтанчик с палочками вместо пуговиц, тапочки с войлочными подошвами.

— Чжан Сю Вин? — прочитала я с визитки, вопросительно глядя на китайца.

— Входи. — Человечек посторонился, впуская меня в прихожую.

Осмотр он начал странно. Усадил на низенькую скамейку из плетёного прута, обошёл вокруг и, положив сухую горячую ладонь мне на голову, замолчал. Постояв секунд десять,

вернулся и поднёс руку к месту ранения.

— Полохо совсем. — Закивал головой. На лице, однако, не отразилось никаких эмоций.

— Лечить надо. — Он умывающим жестом потёр руки. Иголлка надо. Травя надо.

— Хорошо. — Согласилась я. Давайте лечить.

В соседней комнате, где кроме массажного стола не было ничего, он приказал снять кофту и истыкал всё тело тонкими позолоченными иголлками. Последнюю вкрутил за ухом.

Остановился и сказал. — Спать пока.

Плавный шум, словно океанский прибой, зазвучал в ушах. Тепло и покой обволакивали тело. Я задремала. Проснулась от негромкого хлопка.

Китаец стоял в той же позе. — Вставай.

Осторожно вдохнув, впервые за последний месяц не почувствовала боли в груди. «Здорово».

— Не совсем, — остановил готовые сорваться слова. — Завтра опять плохо будет. — Лечить надо.

— Твоя истинная Ци сильна, — вдруг произнёс он.

«Странно, акцент, слышавшийся в его речи, вдруг пропал».

— Но хаотична. Ты могла бы справиться с болезнью сама, но твой разум слаб. Я не знаю, почему так. По силе ты равна мне, но глупа и неразумна. — Он, извиняясь, развёл руки. — Я скажу много непонятного, для западного человека. Но с помощью привычных образов невозможно до конца постичь мир древних знаний. В сущности он точен и не более условен, чем язык современных научных публикаций, но для понимания его нужно иметь ключ.

Удивили не слова, а то, каким точным и чётким языком они были сказаны. Куда делся полуграмотный старик? Передо мной стоял философ, знающий такие тайны мироздания, что становилось не по себе.

— Ладно, — он вновь умыл ладони. — Хорошо. Давай денег, приходи завтра. Будем лечить и учить.

С этого дня я начала ежедневно приезжать к мастеру Чжану. Иголлки и настойка помогали. Дыхание выравнилось и стало глубже. Слабость иногда накатывала, но гораздо реже.

Старик научил медитации.

— Главное правило. — Начал он. — Спокойствие.

Прикрыл глаза и прочёл несколько напевных китайских фраз. Потом перевёл:

*«Вокруг в смятенье всё, спокоен я,*

*Страстями их сердца полны, спокоен я,*

*Внимая мудрости святых — в покое нахожусь,*

*Своим путём иду по миру»...*

— Это сказал Лу — Ю, поэт южной династии Сун, он жил почти две тысячи лет назад. — Закончил учитель.

Упражнения оказались на удивление просты. Наверное, помогло и то, что Алексей занимался этим всю свою жизнь. Иногда думала, может и меня навстречу мастеру подтолкнула его суть. То, чего обычный человек достигает длительными тренировками, просыпалось через несколько занятий. Чжан качал головой, но от вопросов воздерживался. Он вообще был нелюбопытен. Даже не поинтересовался, откуда рана, и чем я занимаюсь.

Что значит слово «даньтянь» осознала, когда в животе началось лёгкое движение.

— Котёл разгорается, — прокомментировал китаец. — Вся Ци накапливается в нём. Из него выходит и в него возвращается.

Медитации, иглоукалывания, настои. Двух месяцев хватило, чтобы забыть про недомогание. Лицо разгладилось, синяки под глазами исчезли.

Упражнялась три раза в сутки. Медитации и дыхание.

«Ребёнок молится Будде», «Удержание неба», «Тигр в засаде». — Простые и несложные статические упражнения он описывал красочными сравнениями и метафорами.

Зима пролетела незаметно. Как-то между делом продала машину. В один из январских дней смахнула с капота слой снега и отогнала в автосалон. Заплатили на три тысячи меньше, но всё равно, вышло почти десять тысяч евро.

«На жизнь пока хватит». — Решила я.

Как только смогла нормально передвигаться, потратила два дня и съездила в Москву. Мужичок в ломбарде не сразу признал в элегантной даме бомжиху, сдавшую дорогое кольцо. Он уже не рискнул предлагать выкупить его.

Вечерами я играла на гитаре, потихоньку бормоча слова к незамысловатым песенкам, записывая их на маленький цифровой плеер. Иногда ходила в театр, но с парнями старалась не знакомиться. Какое-то нежелание впускать чужих в свой мир. Учитель сказал: «Работа должна занимать все мысли и разум посвящённого. Когда сможешь провести Ци по всем двенадцати меридианам, тогда станет легче. А пока сосредоточение и воздержание от соблазнов».

Сдаётся, хитрил. Сам он не раз бывал в изрядном подпитии. Выпив, танцевал замысловатые танцы, вполголоса напевал. Но никогда не терял разума и ясности мысли. Ближе к весне, удивлённый моими успехами, мастер перешёл к другим упражнениям. Увеличение и перенос Ци. Упор делался на кисти и

предплечья. Статические упражнения сменились динамическими.

Вскоре почувствовала, что могу управлять некоей энергией, заключённой в моем теле. Она не имеет ни цвета, ни запаха, только ощущения. Мастер назвал её истинной Ци. Хитро усмехаясь, добавил.

— Вам, европейцам, нужна конкретика, называй её внутренней Ци. Она даёт дополнительную силу. А вот её мгновенное направление в нужный орган может усилить его действие в сотни раз. Это и называется переход внутренней энергии во внешнюю.

Пойми, искусство создавалось многие столетия назад, неграмотные монахи как могли описывали состояние и принципы тренировок. Поэтому, я буду говорить теми словами, которыми записаны эти упражнения в древних манускриптах. Ты, маленькая европейка, уже сама переиначишь на свой лад. А я не хочу марать великие понятия прозой.

Овладев этим искусством, можно разбить пальцами чашку или стакан, кирпич, перетирать камни, использовать сильные пальцы при падении и в защите.

Встань лицом на юг. Ноги на ширине плеч. Смотри прямо. Тело наполнено энергией. Мысленно сосредоточься на нижнем даньтэне.

Упражнение с цветастым названием «Железная корова пашет землю» оказалось... отжиманиями на пальцах. Разница только в том, что мысленно я проводила энергию по телу к кончикам пальцев и обратно.

Однажды Чжан, задумчиво глядя на меня, произнёс. Не будь ты настолько европейка, я мог бы сказать, что в тебе живёт дух могучего воина. Но тебе сложно это понять. Прими на веру. Способности, которыми ты обладаешь, не твоя заслуга. Это труд и постижение мудрости целого рода воинов. Почему в тебе сосредоточена эта сила, мне неизвестно. Усердно тренируйся, и ты поймёшь эту мудрость.

Тренировки сами по себе ничто. Они направлены для просветления сознания. В наш век автоматического оружия и бомб техника соколиного когтя — песчинка. Но рост духовный поможет тебе значительно больше, чем внешние результаты тренировок.

Не знаю, как с духовным ростом, но стаканы я смогла ломать гораздо раньше, чем постигла мудрость. Стоит собрать Ци в пальцах и вместе с усилием мысленно направлять энергию наружу. Сначала тепло, затем подрагивание, и вдруг стакан разлетается на мелкие кусочки.

Занятия продолжались, но я всё чаще с тревогой

задумывалась о том, как жить дальше. Деньги таяли. Уроки мастера стоили дорого. Ради меня он забросил лечебную практику.

«Для чего мне все эти занятия?» — Я иногда задавалась вопросом. Но, вместо поисков ответа, просто вставала в стойку и начинала работать. Тело и душа просили подкачки этой энергии. Стремление к изменённому состоянию — чем не цель?

Всё когда-то кончается. Осенью Чжан сказал, что ему пора возвращаться на родину. Он уехал, и я опять осталась совсем одна.

## Глава 2

### Служба Безопасности

Свободное время — вещь хорошая. Но, без друзей, в чужом городе?

Иной раз позавидуешь тем, у кого весь день расписан по минутам. Тренировки, безделье, книжки — вот и весь график. Бег по утрам стал таким же привычным, как холодный душ.

Сентябрь выдался на редкость паскудным. Сыро, холодно. Грязь из-под колёс, только успевай уворачиваться.

Накинув капюшон, я трусцой бежала по серой листве парка. Отчаявшись бороться с ней, дворники махнули рукой, поэтому дорожки больше походили на тропинки в лесу. Бег не мешал размышлениям.

«Денег почти нет. Прописки, как ни называй, тоже. На работу не возьмут, да и некуда. Десять классов и коридор. Решено, еду домой. Какое ни есть жильё, да и родителей проведать надо, так на могиле и не была...»

Подняла голову, мазнув глазами знакомый пейзаж: «Что-то не так. Бегун, впереди меня, такой же полудурок, как я, только постарше. Сам он ничем от других не отличался и вопросов не вызывал. Трехцветный «бундес», кроссовки, шапочка, а вот парочка бомжей на корточках возле дерева — не в цвет. Сыро, а они костёр разводят. Бомж — животное умное и сырые дрова в костёр не сунет. А главное, с такой рожей на заводе об холку кирпичи ломать надо, а не кабель жечь, как они собрались. Да и сидят на корточках, словно в пружине. Напряглись. Добавила хода, и, когда черно-жёлтый бегун поравнялся с отдыхающими, краем глаза поймала рвущее ствол движение одного из опереточных злодеев.

Прыжок, подсечка, и мишень кубарем повалилась на грязную листву. Стрелок опешил, сбил движение и сделал шаг в сторону, ища глазами улетевшего с линии прицеливания клиента. Тем самым перекрыл обзор и напарнику. Наконец, поймал концом ствола упавшее тело, но тут раздался крик и выстрел, не задавленный глушителем. Это охранники джоггера среагировали на нештатную ситуацию и рванули к драгоценному телу. «Сейчас ещё и мне достанется. Сваливать надо,» — мелькнула здравая мысль.

«Киллеры» не выдержали и рванули к ограде.

Понимая, что сейчас не самый подходящий момент кричать, в духе старых фильмов, — «я свой», присела и, заведя руки на

голову, стала дожидаться прибытия охраны.

Дальше всё развивалось по стандартному варианту. Хотя, откуда мне знать, насколько стандартны действия наряжённых в похоронные костюмы охранников. Вместо того, чтобы всем коллективом прикрыть шефа от возможного дубля, они гурьбой ринулись за успевшими перескочить ограду лиходеями. Только один здоровяк, в приступе рвения, подбежал ко мне, собираясь ухватить за ворот и уложить мордой в грязь. «Ага, сейчас». После нескольких неудачных попыток цапнуть волшебным образом ускользающую девчонку, он разозлился и, словно родную тещу, сжал меня в объятьях.

Подождав, когда ручищи сомкнутся, я дозировано сжала запястье. Рука обвисла, а одухотворённое лицо перекосила гримаса.

Тихонько шепнула. — Не дёргайся, земля сырая, а лицо потеряешь, хозяин выгонит. Громила замер, изображая готовность повторить безуспешную попытку.

— Оля? — Голос принадлежал вернувшемуся в реальность объекту охраны. Перемазанный грязью он, наконец, поднялся с земли и вгляделся в моё лицо.

— Юрий Петрович? — Я с удивлением признала в нём случайного знакомого, который так тепло отозвался о моих песнях. В том кафе я изредка бывала, но этого человека больше не видела.

— Я тебя и не признал сразу. — Он, словно и не валялся только что в мокрой листве, галантно пожал мне руку.

Заметив, что девчонка знакома с шефом, охранник тут же дистанцировался.

Вернулись остальные секьюрити. Тяжело дыша, распалённые погоней, они стояли полукругом, озирая окрестности. И вроде как ожидали приказов.

— Ну, и? — Задал риторический вопрос мой собеседник, обращаясь к старшему охраны.

— Ушли, — выдохнул тот. — Жигули, девятая модель. Сейчас свяжусь с дежурным, пусть менты объявят «перехват».

— Ладно. — Юрий Петрович махнул рукой, — делай, как знаешь.

«Мне понравилось его спокойствие. Для человека, на которого устроили покушение, он держится очень прилично».

— А ведь это ты меня спасла, — наконец, сообразил он. — Как ты заметила?

— Я пожалала плечами, не видя смысла отвечать банальностью. А собеседник продолжал. — В курсе, что у тебя случилось. Кошмар. Прими соболезнования.

Он помолчал. — Оля, я твой должник, позволь пригласить на ужин. Посидим, поболтаем. Ты меня, действительно, очень здорово выручила.

— А что? Давайте поужинаем.

— Тогда, сегодня в восемь? Куда подослать машину?

— В «приют», — сдохмила я, вспомнив, как называют питерцы гостиницу Прибалтийская. — Я выйду.

— Значит, в восемь.

Вежливо раскланялась и, незаметно подмигнув всё ещё придерживавшему руку горлохвату, потрусила к выходу из парка.

«Не то, что мне хотелось на халюву поужинать... Мыслишка возникла гораздо более интересная, но это нужно было ещё обдумать».

День пролетел в суете, я так отвыкла от спешки, что даже удивилась, как оказывается здорово не успевать. Покупка платья — дело ответственное и требует серьёзного подхода, поэтому, измучив себя, кое-как выбрала закрытое, темно-синего цвета. Похоже, только такие мне придётся носить до конца дней. Дорого, но, если я не ошибаюсь, после этого вечера мне деньги либо совсем уже не понадобятся, либо заработок позволит себя прокормить.

Выврав час у косметолога, пробежала поисковики, собирая информацию о новом знакомом.

«Юрий Петрович Звягин. Генерал-лейтенант запаса. Директор фирмы «FDS Консалтинг». Вспомнился старый анекдот.

— Что производит ваша фирма?

— Фирма производит хорошее впечатление.

«Похоже, мои подозрения сбываются. Хотя, когда-то это должно было произойти».

Когда зашла в ресторан, выбранный господином Звягиным, поняла: дорого и сердито. Солидность и какой-то неуловимый респект. И публика соответственная. В сопровождении вежливого, но крайне молчаливого молодого человека, который назвал себя помощником шефа, прошла к столику.

Генерал поднялся и церемонно усадил за столик. Однако разговор начал после ужина.

— Оля, скажите, Вас не удивило то, что после таких событий, я имею в виду покушение, органы Вас не тревожат?

«Ну, вот и началось. Выходит, права оказалась».

Ответила: — Есть немного, но с другой стороны, я ведь не преступница, что меня таскать?

Юрий Петрович улыбнулся скрытой иронии, прозвучавшей в моих словах. — Вижу, Вы гораздо лучше готовы к нашей беседе, чем хотите казаться. Поэтому, бог с ними, с церемониями.

Давайте напрямик.

Я коротко изложу, как мы, — он слегка акцентировал это мы, — видим ситуацию, а потом будет видно.

— Итак. — Он повертел вилку и, со вздохом положив на скатерть, продолжил. — Итак. После окончания школы Вы приехали поступать в театральный институт. Провалились и, решив зайти в мир искусства с другой стороны, пришли в фирму «Арт Дизайн».

Фирма оказалась примитивной бандитской точкой для набора проституток и отстойником поставщиков живого товара. Договориться они не смогли и были найдены в квартире, но... — Генерал хмыкнул, подбирая выражение, — насилие, которое они совершили, в полной мере оправдывает то, что с ними случилось. Так вот, нашли их в разных позах, но в одинаковом состоянии, то есть неживыми. Причём, тот, кто с ними расправился, поступил крайне изобретательно. Не хочу травмировать Вас подробностями. — Он чуть заметно улыбнулся. — Кстати, на оружии, из которого были убиты двое из них, обнаружены Ваши, Оля, отпечатки. И на плёнке, которой удавили третьего, тоже.

Он, как бы припоминая, глянул вдаль. — А Вы, забрав джип главного из них, исчезли в неизвестном направлении.

Далее. Вы, уже в компании некоего редактора небольшого журнала. У Вашего спутника возникла ссора с некими молодыми людьми. Очевидцы рассказали очень смешную историю, как трое здоровых парней были до полусмерти избиты девушкой субтильного телосложения, чрезвычайно похожей на Вас. Да так здорово, что попали в больницу. Все трое, причём тот, что оскорбил Вас в кафе, попал крепче всех.

— Не повезло ребятам. Бывает. — Решилась я оживить монолог. — Что ж теперь?

— Оля, Вы совершенно верно оценили мои слова. Будь я в настоящий момент, как говорится, карающей десницей закона, мы бы говорили с Вами в другом месте и под протокол. Но, продолжу. Вам, наверное, тоже интересно, что мы знаем об... известных Вам событиях. Заметьте, как я ловко ухожу от каких-либо намёков. — Он собрал морщинки в уголках глаз в улыбку.

«Симпатичный мужик, — в который раз подумалось мне. — Ведь явно сволочь, а располагает. Умеют, когда захотят».

— А Вы отвезли избитого редактора домой и остались ночевать. На следующую ночь некто решил проникнуть в эту квартиру. Бог с ним, решил и решил, люди разные, но встретил неожиданный отпор. В виде двух ножевых ранений. А в доме, кроме хозяйки и Вас, ну, ещё малолетней дочки, никого не было. Хозяйка рассказывает дикие вещи. Кровь, нож. Кошмар. —

Искусно спародировал кого-то рассказчик. — Казалось бы, окончен триллер, ан, нет. На следующий день Вас захватывают несколько человек и везут на дачу к небезызвестному гражданину Камазаеву в просторечии «Камазу».

Короче, Оля, пересказывать мне надоело. Давай, я перечислю только покойников, которые остались после Вашего посещения данного гражданина. Это охранник — дважды судимый Петров Семён Аркадьевич. Он же Грек. И сам «Камаз». Такую мелочь, как угнанный Мерседес, и вспоминать неловко. Что там далее? Мы условились говорить только о трупах.

— Это Вы, Юрий Петрович, говорите, а мне и сказать нечего. — Вставила я свои пять копеек. — Вообще покойников боюсь, с детства.

Он заржал так, что из-за соседнего столика обернулись несколько пар.

— Оля, Вы прелесть, но нельзя же так... Нас выведут, если я буду столько смеяться.

— Ладно, я, так я. — Легко согласился рассказчик. — Совсем коротко: Дом редактора. Трое. Пока всё. А Вы, очевидно, устав от столичной суеты, уезжаете в город Санкт-Петербург. Там, мелкое хулиганство в театральном институте я опушу, заключаете контракт с фирмой и записываете диск. Это, если совсем тезисно. Стоимость контракта — семьсот пятьдесят тысяч евро. Согласитесь, деньги неслабые? Но, отнятые у «Камаза». Доказательств нет, поэтому можете возмутиться.

Я промолчала, с нарастающей тревогой ожидая, когда он перейдёт к Краснодарским событиям. «И не дай бог ему сострить над ними в своей манере. Будь он хоть трижды генерал, но челюсть ему точно придётся вставлять». Всё же дураков там не держат. Юрий Петрович сменил тон. — Оля. Сочувствую твоему горю, но пойми, вольно или невольно ты влезла в жестокие игры. Иной раз в них собственная смерть — самый лёгкий выход. Тех троих я сам порвал бы на части. — Он перестал кривляться, и заговорил серьёзно. — Ты вернулась в Москву и разобралась с подельником «Камаза», отдавшим приказ убить твоих родителей и захватить тебя. Есть показания продавцов, у которых ты покупала реактивы, и результаты экспертизы. В общем. Ты, Оля. Хотя по мне — помер Егор, да и пёс с ним. Дрянь был человечешко.

Мне надоело ходить кругами. — Юрий Петрович, позвольте, тогда уж закончу. А то Вы и так весь вечер за меня говорите.

Он слегка удивился и, хотя вида не подал, такого поворота явно не ожидал.

— А попробуйте. — Кавалер вновь перешёл на Вы.

— Чтобы не копировать Вас, начну с конца. — Я сосредоточилась и начала перечислять. — Когда Вы получили доклад от Максима Геннадьевича Праскудина, информацию о происшествиях в неблагородном семействе, то решили посмотреть на странное дитя, «замочившее» кучу народа. Я имею в виду нашу с Вами беседу в кафе.

Цель операции, которую проводил, если позволите, буду называть его «Особистом», Максим Геннадьевич....

Слушатель, ещё не сумев справиться с изумлением от первых слов, не отозвался.

— Так вот, целью было выйти на иуду в нашей группе войск. И это удалось. Видя, что ситуация выходит из-под контроля, они направили решать проблему как раз того, кого требовалось.

Господин «Особист», кстати, чуть было не провалился из-за попытки сыграть против меня помягче. Я про его поведение на даче и казачков, «заснувших» под носом у объекта.

Юрий Петрович вытянул из кармана серебряный портсигар и начал копать, вытаскивая сигарету.

— Хм, — я слегка спародировала его хулиганскую манеру в начале беседы. — Конечно, у меня нет доказательств, но если это он был в «пеньке», то это не опер, а круглый идиот, и я в нём крупно ошиблась.

А вот то, что снайпер «зацепил» меня — целиком на Вашей совести. Я, почему-то считала, что его возьмут с оружием, но до стрельбы. Извините, мне собственное тело дорого, как ничьё. И сохранить ему жизнь, после того, как он обошёлся со мной, стоило очень больших усилий. Не удивлюсь, что после задержания стрелок подвинулся рассудком и несёт всякую дичь по поводу бывшего армейского друга, капитана Бессонова. — Я чуть улыбнулась, ожидая реакции Генерала. Но он молчал.

— Юрий Петрович, ну не устраивайте Вы сцен. Подумаешь? Так рассказывать?

Он поиграл желваками, но согласно кивнул.

— Ну, а теперь совершенно примитивные умозаключения. — Я решила идти ва-банк.

— По чьему-то недогляду, Вы упустили момент, когда меня выгнали из больницы, и вновь «зацепили» уже в Питере. Моё общение с китайцем, видимо, вызвало огромный переполох, но после беседы с господином Чжан, надеюсь, вопрос прояснился. Хотя, на всякий случай, Вы поспособствовали его возвращению на историческую родину. — Переходя к главному, я взяла со стола бокал и глотнула сок. — Чжан наверняка рассказал о моих успехах. Но, поскольку, как сказал бард: «Верить нельзя никому»... Вы решили проверить. И инсценировали сегодняшнее

покушение. Прекрасно Вас понимаю. Расскажи мне самой такую историю...

— Вы позволите? — Решила я слегка пошалить перед серьёзным разговором.

Он поднял бровь и заинтересованно уставился на меня.

Справиться оказалось не просто. Толстый бокал не поддавался. Наконец, хрустнул и рассыпался в мелкие крошки. С лёгким стуком обломки высыпались из ладони на стол.

— И вот теперь..., — закончила я, — Вы решаете, что со мной делать. Мастер очень много мне дал, но, самое главное, он научил меня управлять собой, и то, что я Вам рассказала, вовсе не результат моей прозорливости, а работа энергии. Голова такой же орган. Скажу честно, то, что «Особист» сидел в пеньке и жив, я сообразила только в процессе своего рассказа, а когда стреляла, была уверена, что в засаде находится снайпер. — Последнюю фразу добавила, чтобы Юрий Петрович сумел прийти в себя и не так сильно расстраивался.

Он затушил сигарету и, наконец, произнёс. — Ты знаешь, я не поверил рассказу снайпера. Слишком фантастично он звучал. Какое-то переселение душ..., воскресший приятель, мистика. Но сейчас... У меня просто нет другого объяснения. Приходиться... Хотя, озвучить её я не решаюсь.

Молча крутанула пальцем, изобразив телефонный диск.

Он хлопнул ладонью. — Оля, перестань делать из старика идиота. С тобой невозможно разговаривать.

Мало, что ты испортила мне сценарий вербовки, который писали не самые глупые люди, ещё и сейчас... Да, именно. Всё там. — Он ткнул пальцем в потолок.

— А что делать? Подскажи, если ты такая умная. — Он не на шутку рассердился или сыграл, беря «на слабо».

— Я думала об этом: «Вот и настал момент истины. Или они разберут меня на атомы, пытаюсь понять механизм произошедшего, либо»...

— Использовать меня в качестве ликвидатора не получится. Ведь, в принципе, разбирался со всеми Алексей. Сейчас он ушёл. И я, к сожалению, уверена, навсегда. Могу отмстить, защититься, но хладнокровно осуществить ликвидацию? Увы, нет.

— Второе. Разведка. — Ни образования, ни опыта, ни языка. Учить? А зачем? И так в Академии конкурс... Телохранитель — слишком мелко. Хотя, будь Вы представителем частного капитала, вполне приемлемый вариант. Но, для государства?

— Секс агент? Боюсь, тоже нет. И не по вопросам морали. Его сознание оставило слишком глубокий след в моем мозгу, да ещё память, в которой не только способы ведения разведдеятельности,

но и личные моменты. Я, кстати, заметила, что стала несколько по-мужски рассуждать. Нет, не в «этом» плане. В смысле подхода к проблеме. И это станет помехой.

Юрий Петрович задумчиво смотрел на меня, прикидывая. Ясно было, что все мои доводы он и сам давно знал.

— Третье. Могла бы, конечно, исчезнуть. Но, быть нелегалом в родной стране. Уж совсем, ни в какие ворота. А что касается крючка. Они, там наверху, всё равно поднимут этот вопрос, и Вам придётся его со мной оговаривать. Так вот, крючок. Три покойника, как Вы правильно заметили, при двух свидетелях, это никакими пределами самообороны не объяснить. Пожизненное, не пожизненное, однако на три срока хватит. Чем не аргумент?

Можно даже не забивать голову, а оформить дело. Посадить легче всего. Но, без ложной скромности, надолго ли? Мне придётся бежать, уходить за границу. Искать работодателя. А тот потребует информацию... Оно Вам надо? Много, не много, но что-то я ведь смогу рассказать.

— Наконец, последнее. Незатейливо ликвидировать. Это, конечно, вовсе неприемлемый для меня вариант. И тогда я, в свою очередь, с себя ответственность снимаю. Во всех смыслах. Сколько народа поляжет?

Это в том случае, конечно, если Вы представляете государство, а не собственную персону...

— Откровенно? — Собеседник задумчиво выстукал пальцами маршевый ритм, но мягкая поверхность скатерти поглотила дробь.

— Привычка. — Заметив мой взгляд, пояснил он. — Что ж, сказано. Что сказано, то сказано. Может и правильно, к чему хвост по кускам рубить? Долгие проводы, лишние слезы. Однако Вы ждёте, как я понимаю, моего ответа?

Генерал почесал бровь. — Скажу, как есть. На встречу я шёл с готовым решением. Однако Вы, случайно или, что более вероятно, сознательно, ответили на невысказанное предложение. Это правильно. Лишний отказ даёт меньше возможностей договориться.

Теперь вижу, учили капитана хорошо. Заставить меня поменять тактику на ходу, полбеда. А вот принимать стратегические решения теперь куда как сложно. Конечно, всё сказанное аксиома. Так понимаю, Вы озвучили ход рассуждений, чтобы ещё раз подтвердить сумасшедшую версию о..., даже произносить-то дико. О переселении..., тьфу... Дурдом. Ладно, будем считать — сказал.

Он болтал о мелочах, но было заметно, что изощрённый мозг аналитика ведёт сложный расчёт вариантов. Я произнесла свою

часть диалога почти на одном дыхании. Слова сами складывались в предложения. И только сейчас осознала, о чем идёт речь. А речь идёт о моем самом ближайшем будущем. Придётся ли мне спокойно лечь спать в уже привычном гостиничном номере, или в камере, а может, предстоит ночь в подвале какой-нибудь хрущевки, прячась от погони.

От напряжения пробил озноб.

«Эк, угораздило. — Невесело подумалось мне. — Поесть напоследок, что ли? Когда потом удастся?»

Подвинула ближе тарелку с необычайно вкусным салатом и, не забывая голову церемониями, принялась за ужин. Однако краем глаза присматривая за жестами Юрия Петровича. — «Решение, каким бы оно ни было, проявится внешне, главное — не упустить момент к действию. Однако пока всё спокойно».

Генерал выкурил ещё одну сигарету. Затянутая пауза показала, что он и впрямь серьёзно размышляет. Наконец, его лицо успокоилось, решение созрело.

Я напряглась, продолжая ковырять в тарелке.

— Успокойтесь, он положил руку на мою ладонь, не будем же мы здесь устраивать вестерн. Никто тебя не собирается выводить из игры. Слишком глупо не воспользоваться таким подарком судьбы.

Давай ещё выпьем, а затем вернёмся к нашим баранам.

— Ты меня просчитала. — Слова дались ему нелегко. — Признаюсь, когда шёл сюда, собирался вербовать втёмную. Теперь понял, иметь дело с памятью одно, а с естеством, совсем другое. Никого за мной нет. Да и кто даст добро на разработку столь дикого варианта? Какой руководитель? «Особист», как ты его назвала, работал не только на фирму, но и на меня. Мы решили не выпячивать твою роль в этом деле. Но мне стало жаль прекрасной возможности.

Я предлагаю тебе сотрудничество. Лично со мной или с моей фирмой, что одно и то же. Мы занимаемся коммерческой разведкой, есть заказчик, есть исполнители. Принципы те же. Оплата совсем иная. Работа, конечно, рискованная, но, если до тебя доберётся комитет, единственный результат его действий будет твоя посадка. Никто не поверит в эту историю и не предложит тебе ничего. И ты, мне кажется, это понимаешь тоже.

Жить, как раньше, ты не сможешь. А без моего прикрытия, это не угроза, а констатация, тебе останется только одно, податься в бега.

## Глава 3

### «Атолл» — это не остров

Большая компания, государство в миниатюре. Свои законы, порядки, история, герои, шуты. Именно в такое мини государство, неторопливо обходя лужи на подсыхающем асфальте, я двигалась поступать на службу, как писали в старых романах. А по-нынешнему, устраиваться на работу.

Встреться мне сейчас кто-нибудь из старых знакомых, не думаю, что он узнал бы в очкастой, чуть сутулой девице, прежнюю Ольгу, не без оснований считавшуюся первой красавицей школы.

Да и не было никакой Ольги из города Краснодара.

Ярким мартовским утром, по неприметной Московской улочке, знаменитой соседством с воспетым классиком Арбатом, шла Ирина Авдеева, выпускница Питерской Академии менеджмента и маркетинга. Шарашкиной конторы с громким названием, гнавшей поток девчонок из обеспеченных семей, которые могли выложить за раскрученное название десятков, другой тысяч евро. Умело сфабрикованный имидж обеспечил Академии солидное положение в российском рейтинге негосударственных вузов. Но, говоря откровенно, выпускницы этого храма науки поступали на работу, как правило, в родительские фирмы и корпорации, либо, на крайний случай, в компании партнёров, где проверку их знаний устраивать не рисковали.

Согласно легенде родители у меня были состоятельные и, возникни такое желание, ни на какую работу меня бы не отправили. Но отец вдруг решил, что дочь обязана сама попробовать встать на ноги. Поэтому, снял небольшую квартирку в Москве, правда в тихом районе, где стоимость квадратного метра равнялась цене комнаты на окраине. А протекцию в выбранной компании составили такие люди, что отказать им не решился даже могущественный олигарх, совладелец шикарного двадцатизэтажного офиса в центре столицы. Головной офис металлургического гиганта, спрут, который опутал своими щупальцами всю Сибирь и стремительно тянул к себе всё новые и новые куски, требовал огромного количества служащих. Мелкая услуга не стоила олигарху абсолютно никаких усилий. Тогда как отказ мог принести в обозримом будущем серьёзные проблемы.

Должность моя в архивном отделе называлась совершенно неприлично. Входящие, исходящие, опись. Протокол. Так и

хочется закончить Папановским «Отпечатки пальцев...» Легенду питерской девчонки строили на памяти Алексея. Колодцы дворов и садики Чёрной реки. Неистребимый говор коренного Ленинградца. Да мало ли плюсов может дать чужая память. За основу взяли попавшую в аварию дочь известного Питерского бизнесмена. Машина, на которой она, возвращаясь из пригорода, попала в туман.

Шофёр из Дагестана, который вёз в город фрукты, поздно заметил стоп сигнал её машинки и на полной скорости смял легковушку в дрова.

Ирина, в состоянии клинической смерти оказалась в больнице, лежала в реанимации, поддерживаемая только аппаратами. Трагедия мобилизовала родителей Ирины на борьбу. Но через полгода, когда стало ясно, что вернуть жизнедеятельность организма не удастся, пришлось принять решение об отключении её от аппаратов. И вот тогда, хороший товарищ Ивана Авдеева пришёл к нему и попросил о необычном, даже кощунственном.

Я видела потом её фото, действительно, сходство поразительное.

Предприниматель сперва категорически отказался, но передумал. Замысел был прост, как сапёрная лопата. Мне нужна была новая биография, новая жизнь. Чем уж генерал убедил своего товарища, осталось неизвестно. Но, факт есть факт. Ирина умерла, но никто об этом не узнал. Я заняла её место. Лежала в больнице, начала выздоравливать. Поправлять здоровье отправили в закрытый санаторий.

Мне вся эта затея показалась глупостью. Из-за денег — такие сложности?

Но, как ужиться с памятью бойца? Она меня в покое уже не оставит. Да и не только о памяти теперь шла речь. Всё естество понемногу менялось. Скука обыденной жизни утомляла больше, чем работа. Как наркомана тянет к порошку, так и мне хотелось испытать всплеск адреналина. Полгода изучения основ экономического шпионажа. На базовые знания разведчика информация легла без усилий. Немного практики, и вот он, первый экзамен. Собеседования и тест на полиграфе проскочила запросто. Мой шеф и это предусмотрел. Машина, обработав правдивые ответы, «свихнулась» и выдала абракадабру. Специалист дал краткое заключение. «Постэмоциональное восприятие». Говоря по-русски, насмотрелась девчонка сериалов. Соответственно отнёсся и служащий СБ, который меня проверял. Чисто, дочка уважаемого человека, солидные рекомендации, а то, что машина среагировала на юношеские заскоки в голове, так это

пройдёт.

Задача стояла: внедриться, обрести связями, понять скрытые механизмы работы. Иными словами, создать резидентуру. Об активном сборе информации или диверсиях речь не шла. Служба безопасности огромной корпорации построена по образу и подобию контрразведывательной структуры и хлеб ест, как правило, не зря. Первое время будет не просто присматриваться к новому работнику, но и временами провоцировать его. Каждый мой шаг или контакт станет поводом для анализа. Но, в то же время, расслаживаться и вращаться годами в окружение времени нет.

Обязанности мои особой сложности не представляли. Труднее оказалось соответствовать уровню выпускницы. Некоторые моменты она знать по определению не могла. Днём я перебирала бумажки, болтала с девчонками из соседних отделов, шлёпала на компьютере, забывая кучу совершенно ненужных цифр. А вечером, придя домой, открывала ноутбук и начинала систематизировать.

«Сбор информации имеет свои законы и правила. Бессмысленно забивать компьютер всем подряд. Отбор и анализ всего, что происходит в разрабатываемом объекте. Тотальная и текущая информация позволяет составить впечатление об участниках, держит в курсе меняющихся событий. Конкретная — наполняет картину и отвечает на вопросы, косвенная — подтверждает или опровергает возникающие предположения.

И, наконец, оценочная — даёт возможность толковать события и прогнозировать их развитие.

Иными словами, до того как начать сбор самой информации о субъекте разработки, необходимо ответить на простые, но важные вопросы.

Что нужно узнать, где может находиться искомое, кто может знать или получить информацию и, наконец, как её получить. Для этого и нужны оперативные данные.

Исходная фактура может валяться в стопке бумаг на соседнем столе, то есть в открытом доступе, полузакрытой, предназначенной тем, кого она касается, и секретной.

Интересно, что порой секретная или ключевая информация ровным счётом ничего не стоит без открытой и полузакрытой.

Информация может быть обнаружена в самом невероятном месте или источнике. Цепочка её прохождения порой настолько замысловата, что невероятно ценные сведения можно обнаружить в самом обычном письме, лежащем в папке с архивной макулатурой.

Источники её — это в первую очередь люди, документы,

средства связи, отношения между сотрудниками. Беседы, разговоры, сплетни.

Смешно было бы думать, что, только выйдя на работу, я начала лазить по чужим компьютерам и мусорным корзинам.

Первое и самое важное в работе нелегала — это проверка системы защиты. Наличие видеонаблюдения, уровень защиты, наличие агентов влияния администрации. Не секрет, что каждая уважающая себя контрразведка держит руку на пульсе своей поднадзорной организации. Лица, именуемые в народе стукачами, на самом деле позволяют выявить попытку проникновения гораздо качественнее любой видеокамеры. Конечно, при условии грамотного и добросовестного отношения к своему делу сотрудниками СБ.

С чего начала я? Конечно, с людей. Кадры решают всё — затёртый лозунг, тем не менее, весьма актуальный и сегодня.

Список сотрудников, их первичные данные добыть несложно. И в обнародованных сведениях, и в открытой служебной информации.

Конечно, самой мне не хватило бы ни сил, ни времени. Отправленный архивный файл на совершенно невинный адрес вернулся через несколько дней развёрнутой базой данных.

Данные на сотрудников прогонялись через огромные базы данных, которые включали не только факты их биографии, но и родственников, родных, а в некоторых случаях и знакомых. В результате анализа служебного положения, перспектив, профессиональных качеств, отбирались наиболее предпочтительные кандидаты на вербовку. Какой смысл вербовать девочку-бухгалтера, которая через полгода уйдёт в декрет, да и в работе неграмотна, безынициативна, туповата.

Людей для перспективной разработки предстояло отсортировать.

Здесь играет роль несколько факторов. Если нужен агент для проведения долгосрочного перспективного внедрения — это одно, тогда есть смысл присматриваться к молодым, перспективным кадрам. А для насущных оперативных действий больше подойдёт уже набравший опыт и соответствующий статус кандидат.

Только перечисление параметров, по которым необходимо провести всех кандидатов, заняло бы три страницы. Однако ошибка в этом деле куда дороже, чем в работе спецслужб.

Поскольку сотрудники СБ руководствуются примерно теми же критериями, но с противоположным знаком, то приходится постоянно иметь в виду, что лица, обладающие совершенно подходящим для вербовки набором качеств не всегда, а как правило, не годятся.

Если предположить, что среди сотрудников, обладающих конкретной ценностью, найден человек, страдающий неумеренной тягой к спиртному, имеющий долги, любовницу или, не дай бог, нетрадиционные сексуальные пристрастия, недовольный своей заработной платой, да ко всему ещё и в оппозиции к остальным сотрудникам.

Нужно быть полной идиоткой, чтобы его разрабатывать. Как агент он совершенно бесперспективен, в силу нестабильности поведения. Главное, он может сорваться и вылететь с работы. Во-вторых, если его не пасёт фирменная служба, то они профаны и бездельники. Что, конечно, бывает, но гораздо реже, чем успешнее фирма. И любой интерес, проявленный к такому сладкому кандидату, будет тут же засечён и правильно интерпретирован.

Разработка делится на несколько этапов

Предварительное изучение.

Я наметила несколько человек из отобранного списка. Средних лет, женщины. Официальные бумаги и данные на них были «пробиты» людьми Юрия Петровича. Рекомендации и психологические портреты, выложенные в сети, маскировались, поэтому, когда я, выйдя на какой-нибудь совершенно безопасный сайт, знакомилась с ними, то никакой связи установить было невозможно. Допуская, что Сбшники с моей новой работы заинтересуются моими интересами в Интернет-пространстве, то ссылки им ничего не дадут.

Формализованное досье придумано не нами, ещё со времён царя Гороха плюсы и минусы систематизировались.

Основанием для заполнения становилось моё личное общение и сведения из других источников.

Что мне нужно было решить. Пойдёт ли человек на вербовку, станет ли достойным помощником. Насколько качественно он сможет выполнять задачи.

К тому же необходимо было спрогнозировать, как поведёт себя объект, и направление по его психологической и физической нейтрализации.

Одно дело, что я «лоханусь» и Марь Петровна, в негодовании поджав губы, откажется со мной сотрудничать, но в силу имеемого на неё компромата, или её моральных устоев, которые не позволят закладывать сослуживицу, она не побежит к нашему «безопаснику». Другое дело, если вся предварительная работа сорвётся из-за её попытки вывести на чистую воду конкурентов фирмы.

И что тогда? Боюсь, что может Марь Петровна скоропостижно попасть под трамвай или, не дай бог, получить острое пищевое от

несвежего пирожка.

Вроде бы игрушки, но, если вспомнить, что на кону стоят миллионы, а иногда и сотни их, то иллюзии пропадают.

Я, конечно, размышляла на тему нравственности моего занятия. Не знаю, может это психология Альтер эго, может ещё какие факторы, но никаких моральных терзаний я не испытывала. Чем-то мне это напомнило рыбалку или охоту. Есть дичь, есть охотник. Действия контрразведки тоже характерны полным отсутствием морали, так что мы играем на равных.

Тестирование, разработка, вовлечение, механизмы отлажены и работают.

Отобрав несколько кандидатур, принялась за работу.

Леночка Иванова родилась в Москве. Родители смогли переломить уклад своей жизни, и когда она подросла, ничто уже не напоминало о первых годах постсоветского бардака. Отец работал в крупной компании технологом по сырью, мать служила в одном из департаментов городского хозяйства. Лена особенно и не интересовалась где.

Окончив институт, устроилась в фирму «Атолл». Начинала с менеджера, через год получила повышение. Однако двадцать три года — возраст, как говорят у лётчиков, принятия решения. А вот с женихами как-то не складывалось. Избалованные москвичи жениться не спешили. Иногородние как-то не вдохновляли. Столичная жизнь блестела неонам рекламы и убеждала. — Ты москвичка, ты лучшая, всё это для тебя. Однако деньги для того, чтобы попробовать это лучшее, почему-то к рекламе не прилагались. Просить у родителей, получая примерно в два раза больше каждого, было неудобно. А уровень службы в солидной фирме требовал подтверждения. Выручали банки. Три кредита позволили обновить гардероб и завести несколько перспективных знакомств в модном клубе.

Настроение портило то, что должность старшего менеджера отдали «вредной и настырной Верке», как про себя обозвала её Лена. «Мало того, что выскочка, так ещё на чужих костях норовит выехать. — Бурчала она в курилке. — У самой муж алкаш, а туда же, на прошлом «корпоративе» мне выговорила. «Если пьёшь, говорит, то голову не теряй». А кто она, чтобы воспитывать».

Я, кстати, и заметила её на той вечеринке, посвящённой, кажется, дню металлурга. Выданные премии и преддверие выходных вылились в безудержное веселье. Недоглядев за количеством спиртного, закупленного на столы, администрация кое-как соблюла относительные приличия и сохранила лицо. У меня вообще сложилось твёрдое убеждение, что «загул» активно использовала и служба безопасности. Уж больно разухабисто вели

себя её руководители на этом празднике жизни. Пресечь загул, кажется, что проще? Но никто не ударил палец о палец. Не удивлюсь, что записи вечера стали темой аналитического исследования целого коллектива психологов и «оперов». Кто на что способен — лучший способ узнать — алкоголь. Неосторожно обронённая шутка под воздействием его может стать чуть острее и вскрыть подсознательное отношение к объекту розыгрыша.

Леночка же просто напилась. Тяжело и угрюмо. Она, набычась, глядела на свою конкурентку, разглядывала отплясывающих мужчин, кривя губы, комментировала их нелепые движения.

Подсев рядом, я удачно поддакнула, плеснула в подставленный фужер и уже через пять минут Леночка с пьяной откровенностью поливала грязью «дуру Верку», и начальника отдела, не замечающего тупость этой крашеной выдры. Когда мелькнула фраза о деньгах, стало интересно. Разница в оплате небольшая. Неужели она ей так важна? Данные подтвердили. Три кредита, один из которых пошёл на погашение предыдущего, — сумма месячного дохода родителей. Её расходы. Баланс отрицательный. Удивительно, сколько можно разболтать за один вечер. Конечно, не о работе. Но неудовлетворённость жизнью в родительском доме, как следствие, попытки отыскать жениха.

Что касается работы, то, используя мотивированный интерес новичка, его неосведомлённость, я получила краткие, но ёмкие характеристики окружающих. Причём, характеризующие, в первую очередь, саму рассказчицу. Не секрет, что, говоря о качествах кого-либо, человек берет за эталон, как правило, себя, и, когда описываемая черта у него ярко выражена, то оценка других будет занижена и наоборот.

Важно было установить симметричную программу общения. Когда стороны не подавляют друг друга.

Леночка стала первым кандидатом. Подвести к ней отвечающего её критериям молодого человека оказалось совсем просто. А дальше, как по учебнику. Расходы выросли втрое, долги зашкалили. Претендент на руку и сердце оказался в непонятках. Просьба выяснить одну, другую информацию. Сперва невинные, ни к чему не обязывающие. После, предложение помочь деньгами. Коготок увяз, птичке пропасть. Моя роль теперь сводилась к наблюдению за ней. Светиться перед кротом, это непрофессионализм. А вот то, как она созревает, не появятся ли глупые мысли пойти к добрым людям с третьего этажа, где разместились «безопасники». Да и поддержать в дружеской беседе нелишне. Мотивация, возможность и внутреннее оправдание. Хрестоматийный треугольник корпоративного мошенничества.

Сама по себе акция примитивная. Примиряло одно — место, где она работала. Отдел, ведающий учётом акций и активов. Данные, которые она предоставляла, для Леночки не говорили абсолютно ничего. Это аналитику рынка многое скажет простая аккумуляция тех или иных активов. Приобретение, реализация доли тем или другим акционером. Руководство тоже не выдаёт готовое распоряжение. Составляется задание так, чтобы ни кто не мог определить область интересов. Но, для того и щука в озере, чтоб карась не дремал. Если честно, мне и не нужно знать результаты её деятельности. Каждый занимается своим делом. Моё дело искать подходящую кандидатуру, присматриваться к ней, оценивать перспективность вербовки и последующее сопровождение. Ни к чему допускать, чтобы у противника появились вопросы к агенту. Как, например, Леночка смогла погасить кредиты, не получая дополнительных денежных субсидий. Совет, подсказка. Помощь, наконец. Агента нужно беречь. От нервных срывов, от истерик. Когда имеешь дело с женщинами, это немаловажно. Поэтому, я постоянно культивировала у неё иллюзию того, что её поступки ничем особым не являются. Вовремя подsunутая статья, пересказанный сюжет телепередачи, исподволь убеждали мою подопечную в том, что её поступки — мелочь в сравнении с тем, что творят...эти наверху. Какие деньги хапают.

Следующее задание было конкретным. Новая технология.

Отдел главного технолога невелик. И каждый человек на виду. Тем более, имеющий отношение к Ноу Хау. Сплетни о мужиках удобны тем, что можно проявить интерес без опаски косого взгляда от агента влияния СБ. Стукачей я вычислила достаточно просто и быстро. Приёмы, которыми они пользуются, как правило, незамысловаты и просты. Самый распространённый — провокация. Когда стукач хочет выяснить отношение собеседника к тому или иному предмету, он вынужден первым заводить речь о нём. А если разговор не поддерживается, то возвращаться к теме позднее. Интерес этот, малообъяснимый, фиксируется на раз. И, если единичный случай может быть случайностью, пара — совпадением, то три — уже система. К тому же сотрудники безопасности, как правило, учились в тех же вузах, что и мои кураторы. Вербовку своих кадров они осуществляли по тем же канонам. Стоило вдумчиво перебрать служащих и зафиксировать отвечающих требованиям методичек, вот вам практически полный расклад агентуры.

После долгого изучения решила взять в разработку достаточно молодого, но амбициозного конструктора. Слабость у него была всего одна. Мотоциклы. Толковый инженер, но вне

работы помешанный на железных монстрах гонщик. Байкер, как их называют. От меня требовалось определить уровень внутренней зависимости Альберта Жукова от чужого мнения. Особенно тех, кого он уважал. Несколько случайных разговоров, беседа с подружкой из «конструкторского» позволила внимательно присмотреться к его столу. И уже на основании первичных наборок приступила к операции. Мир столичного байкерства тесен. И слух о том, что «Каспер», такое прозвище имел Альберт, просто «скамеечник», а своего «коня» не имеет, разошёлся очень быстро. И, как нельзя удачно, случилось ДТП с его участием. Подрезав «Жигуль», и справедливо ожидая, что водитель пропустит мотоцикл вперёд, «Каспер» жестоко, во всех смыслах, ошибся. Его повреждения оказались небольшими, но мотоцикл разнесло в хлам. Так или иначе, но коня не было. Объяснять всем не станешь. «Каспер» затосковал. Хороший аппарат стоит дорого.

Через пару дней, сидя в пивной, байкеры обсуждали достоинства и недостатки мотоциклов, тянули пиво, вечер развивался по обычному сценарию. Однако в разгар посиделок к Альберту подсел малознакомый парень с роскошной лапшой на фирменной косухе и, невинно улыбаясь, спросил. — Слышал ты «Каву» разбил?

«Каспер» махнул рукой, не желая травить душу. Выпили, потрепались. Парень оказался что надо. Мало того, к концу вечера он, словно какую-то мелочь, предложил новому приятелю свой чоппер. — «Я другой взял, а этот в гараже пылится.

Не дело, когда аппарат стоит. Конь бегать должен. Бери, катайся, свой починишь, вернёшь». Уже на следующий сбор «Каспер» гордо подрулил на сурово тюнингованом Харлее, стоимостью не менее десяти тысяч долларов. Вопрос был закрыт. Но, беда одна не ходит. Забежав на секунду в магазин, он обнаружил, что его новый мотоцикл, несмотря на фирменную сигнализацию, увели. Никаких следов. Милиция заявление приняла, но искать явно не собиралась. Ганс позвонил через три дня. Выслушал историю и мрачно пошутил. — «Не делай добрых дел, жалеть не будешь. Ладно. Готовь бабки, по-божески оценю. Но — завтра». Классический развод завершился мягкой просьбой помочь в решении курсовой по специальности. Увидев, какую задачку предложили ему решить, Альберт всполошился и хотел бежать к руководству. Но, поразмыслив, пришёл к выводу, что предъявить злодею нечего. То, что условия задачи разительно походили на данные его разработки? Так он скажет — Ну и что? Я у него секреты не выведывал, мало ли что похожее решение. А вот его репутация в тусовке, которой он весьма дорожил, рухнет в

миг, это к бабке не ходи. Мало того, что мотоцикл зажал, вещь, кстати, не копеечная, так ещё натравил своих «волкодавов». Да ему руки никто не подаст. И другим накажут.

Психологи рассчитали верно. Накарябав решение, Альберт затянул удавку. Теперь этот документ явно свидетельствовал о нарушении подписки, со всеми вытекающими. А мотоцикл, кстати, нашёлся через день. И, нужно отдать должное Юрию Петровичу, забирать его Ганс не стал. Подарил.

Моя работа в отделе регистрации текла своим чередом. Начальница особенно не придиралась. Поняв, что девчонка звёзд с неба не хватает, и подсидеть у неё ума не хватит, успокоилась и только изредка шпыняла, в профилактических целях.

Полгода пролетело незаметно. На мой счёт в банке Юрий Петрович исправно переводил зарплату, раз в десять превышающую официальную. И, считаю, справедливо. Пятеро кротов, завербованных с моей подачи, добросовестно гнали информацию.

Так успешно, что качество их работы даже мешало. Некоторые симптомы позволили сделать вывод, что СБ «Атолла», почуяв жареное, активизировалась. Несколько крупных неудач по слиянию, утерянное первенство на технологическую новинку, другие неприятности говорили сами за себя. Ужесточился пропускной режим, появилось несколько новых замаскированных камер наблюдения. Засуетились агенты, цепляя любое неаккуратно сказанное слово.

Необходимость в смене места работы стала более, чем насущна.

Вспомнился бессмертный Папановский гэг «...Начальство приказало рвать когти, перебазироваться».

Командировка в сибирский город, предложенная Ирине, решала все проблемы. К тому же Алексей, как я знала, был оттуда родом. Отправлялись ревизоры, руководители высокого уровня с неслабыми полномочиями. И как водится, с ними целый штат свиты. Фирма, имеющая свой авиалайнер, могла позволить направить любое количество сопровождающих. От нашего отдела «пнули», естественно, самую молодую. Без детей и семьи. В чем будет выражаться моё участие, так и не поняла, скорее, вписали на всякий случай.

Проверка намечалась давно, и вот, в самый июльский солнцепёк, когда все уважающие себя руководители жарятся на солнышке в отпускных широтах, внезапно была объявлена ревизия.

Производственный комплекс, выкупленный холдингом, получил серьёзные вливания и на режим ещё не вышел, однако

работа, как говорится, велась, и шефы сочли нелишним проверить освоение инвестиций.

А то, что среди лета, может и верно. Людей мало, даже при желании, навести марафет в документации, будет некому, да и местные руководители почти все в отпусках. А если, узнав о проверке, срочно вернуться, значит, вдвойне есть причина копать. Интересный момент. Я настолько срослась со своей ролью, что уже прорабатывала возможность «агентурки» в этом регионе, хотя никаких распоряжений от своего шефа не получала.

Город встретил духотой. Большой, вернее раскиданный, чистый центр, менее ухоженные окраины. Но для меня он показался родным. Пусть и не мои воспоминания вели по улочкам и паркам. Но, странное дело. Всего-то двадцати лет от роду, я помнила, как они выглядели тридцать лет назад, когда мальчишка с русым чубом каждый день мотался через весь город на тренировки в спортклуб. Где он, а не я, убегал с уроков в кино. Где в старом, хрущёвской постройки доме, ещё жила его мать.

Днём бесцельно торчала в новом офисе компании, слушая сплетни и разговоры своих сослуживцев, а вечером гуляла по его заветным местам. Однако прошло несколько дней, и безделье надоело. Проверка затягивалась, и к разбору документов начали привлекать и «прислугу за все», как нас окрестили недовольные нашествием варягов сибиряки. Отобрав несколько папок с договорами, я засела за работу. Разобралась быстро. Мне попалась аренда транспорта и техники. Стандартные договора. Стандартные условия. На первый взгляд, всё чисто. Однако намётанный глаз смутил один момент. В течение года аренда, к примеру, бульдозеров заключалась с тремя фирмами. Следующий год — другие, а в третий — опять новые. В принципе, ничего криминального. Хозяин — барин.

Расценки и условия соответствуют реальности. Но, взяв договора на автомиксеры для перевозки бетона, увидела ту же картину. Год одни, год другие. Так же и по самосвалам и экскаваторам. В чем-то здесь подвох? Начала копать. В отличие от аудиторов фирмы, которые проверяли бумажки, пошла другим путём. В первый же выходной съездила на рынок, расположенный возле клуба имени знаменитого лётчика, и закупила все базы данных, которые смогла, пользуясь subtilной, не вызывающей опаски внешностью, приобрести. МВД, РУБОП, Пенсионный, Соцстрах, Налоговая, несколько кредитных историй больших банков и даже перепись. Не говоря о телефонных компаниях. Кстати, телефонные базы, одни из самых информационных. Зарегистрированные на совершенно разных людей, которые иногда оказываются жильцами одной квартиры, что само по себе

информация.

Вторым шагом стала загрузка в ноутбук. Не так давно я купила себе один из самых продвинутых вариантов. С совершенно неприличной по объёму памятью и тактовой частотой. А вот поисковик — это моё. За программу, позволяющую параллельно сканировать по нескольким ключевым позициям сразу все загруженные базы, выложила приличную сумму. Малоознакомый программист, который слепил её мне перед отъездом на работу в штаты, и нуждался в деньгах, и постарался на совесть.

Информация, пройдя сквозь мясорубку высоких технологий, приобрела вид неразорвавшейся бомбы, красноречиво изображая систему простого и на редкость эффективного воровства.

Руководитель производства через своих знакомых и друзей создал около двадцати мелких фирмочек. Конторы с солидными названиями брали ссуды в банках города под поручительство предприятия, а затем покупали на эти деньги технику. Причём, согласно данным технадзора, состояние техники было совершенно безобразным. Стоили эти, давным-давно проржавевшие трактора и экскаваторы, копейки. Дальнейший механизм можно представить на примере одного экскаватора. Агрегат середины семидесятых годов стоил пятьдесят тысяч рублей. Могу представить, что это за хлам. Купившая его фирма с громким названием «Техинвест», перепродавала фирме «Промэкология», но уже за пятьсот тысяч. В свою очередь деньги у этой фирмы под проценты занимала третья, «Строительные Машины». Нужно ли говорить, что все три фирмы имели одного негласного хозяина. «Промэкология», в свою очередь, заключала договор с предприятием на выполнение работ. С одной оговоркой, техника, якобы, сдавалась в аренду в исправном состоянии. Которое и должно было поддерживаться арендатором. То есть, ремонт выполнял наш сибирский филиал за свой счёт. Сумма относилась на содержание техники и, соответственно, шла в себестоимость. А ремонт обходился в сто, двести, а то и триста тысяч. Экологам же платилась полновесная оплата аренды. Тридцать тысяч рублей в месяц. Это триста шестьдесят тысяч в год. Причём предоплатой. Кредит погашался досрочно. Подведём итог: Кредит: Пятьдесят тысяч. Дебет: Пятьсот. Прибыль тысяча процентов и это с единицы. Это минимум. А таких единиц было несколько сотен. Да на три года.

Получилось прилично. Учитывая, что делалось это, в принципе, не особенно секретно, поняла, что местный воротила проверки либо не боится, либо дурак.

Всерьёз разбирать второй вариант не стала. Следовательно, платит кому-то у нас. Как говорится, «решает вопрос». Я, ради

интереса, просмотрела акты предыдущих проверок. А вот и тот, кому платят. Зам главного инженера. Вся эта бодяга с ревизиями, как правило, проводилась им. А тут, как на грех, попал в больницу с обострением язвы. Вот и послали сборную солянку.

«Фигура такой величины будет весьма полезна. Вербовать почти не придётся. А пользы с него вагон. Ну и местные ребята. Рыло в пуху по самые уши. Чувствую, Петровичу здесь будет, чем поживится. — Собрав компромат, я, конечно, и в мыслях не держала нести его главному ревизору. — Сами пусть работают».

А вот местные ребята, как оказалось, сложа рук, не сидели. То ли хвост оказался весьма искусным и проследил мои приобретения на рынке информации, или это наблюдение в офисе постаралось. Так или иначе, они поняли, что девчонка отыскала хвосты их махинаций. Узнать об этом мне пришлось самым примитивным образом.

Я возвращалась в гостиницу, дорожка проходила через небольшой парк. Вечерний воздух чуть посвежел, и прогулка, скрашенная воспоминаниями, доставляла истинное наслаждение.

Удар железом, нанесённый из-за спины, пришёлся в голову. Только реакция спасла от неминуемого перелома черепа. Железо скользнуло по коже, ободрав скулу, всем весом пришлось в ключицу.

Страшный удар согнул пополам. Мгновение, и тут же получила ещё один, уже в спину. Этот, ожидаемый, встретила по всем правилам железного панциря. Но первый все-таки успел вывести руку из строя. Я рухнула на колени и, преодолевая боль в плече, откатилась в сторону.

Каким бы ловким и тренированным ты ни был, но не зря гласит народная пословица: «Против лома — нет приёма».

Хоть это и было не полноценное изделие ЛС-6, (Лом строительный шестикилограммовый, как пишут в инструкциях), но все-таки и не прутик. Приличных габаритов мужик, держа в руке «монтажку», сделал шаг следом за мной, рассчитывая добить вёрткую жертву. И на полном шагу напоролся коленом на каблук моей туфельки. Нога, выброшенная вперёд с резвостью хорошо пущенного снаряда, вынесла коленную чашечку лиходея, заставив его охнуть от боли и неожиданности. Второй удар повредил жевательный аппарат, а третий — проломил височную кость так неловко согнувшегося громилы. Конечно, можно было ограничиться двумя первыми, но когда голова у тебя гудит как колокол, перед глазами мелькают светлые пятна, а рука залита дикой болью, не до рассудочных построений. Он рухнул головой в траву и, слабо дёргаясь, пытался удержаться на краю жизни.

«Сомнительно. — Сделала я вывод, глянув, куда попал носок

моего остроносого орудия. — Не повезло мужику, бывает».

Деловито огляделась. — «Пусто».

Кряхтя, поднялась и, придерживая руку, побрела к выходу из парка. — «Мало ли пьяных валяется. Не думаю, что народ кинется выяснять, по какой причине здоровый лоб решил отдохнуть на траве. Дураков нет. Так что времени спокойно исчезнуть у меня навалом».

«Сомнения в том, что это не просто шальной маньяк или грабитель не посетили. Слишком жестоко для маньяка, хотя бы поначалу. Разве, что некрофил, но это вряд ли. И слишком рано для грабителя. Да и непрофессионально. Грабитель не заинтересован в нахождении на месте преступления. Поэтому, рвёт сумку сразу после удара. А здесь даже попытки отобрать её не было. «Жёстко играют ребята. «Сибирские отморозки» — Хорошее название для команды КВН. Но в бизнесе надо бы погибче. Поэтому, никаких соглашений. «Я мзду не беру... Мне за руку обидно», — если перефразировать небезызвестного таможенника Верещагина из «Белого солнца пустыни».

«Для шефа агентов ещё навербую, а вот с этими будем разбираться по-взрослому. Главное, с плечом что?»

Как и предполагала, перелом ключицы. Открытый, но, слава богу, хоть без смещения. А могла бы, пока в горячке вертелась, и свернуть всё. Повезло. Лёгкое сотрясение, и синяки, это вообще мелочи.

Шум на фирме мои травмы вызвали неслабый. Местный безопасник рыл землю копытом. Делал умное лицо и, вообще, разве что за наган не хватался.

Однако что-то мне подсказывало, паренёк, которого я успокоила, был местным знаком. Уж больно угрюмый взгляд поймала я краем глаза, когда, выходя от шефа секьюрити, глянула в зеркало. А вот место нападения пришлось кардинально поменять. Не к чему, чтобы покойника в парке связали со мной. Местные, конечно, два и два просчитали, сейчас в «непонятке». Как, такой большой и сильный, специалист по разбиванию голов монтировкой угодил в прохладную тишину морга. Но и они, пока не проведут вскрытие и анализ повреждений, не должны заподозрить полутораметровую секретаршу в причастности к смертоубийству. Скорее, могут решить, что я не обычная говорящая кукла, а фигура более крупного пошиба, за которой москвичи поставили негласную охрану.

Медицинскую помощь оказали в дорогой и первоклассно оборудованной клинике. Но в палате я оставаться категорически отказалась. Хватило мне последнего больничного опыта. Беспокоило одно. Если раньше, когда я ненароком обнажала при

сслуживицах грудь или спину, то на вопросы о шрамах всегда отговаривалась автокатастрофой. Девчонки охали и верили. А вот хирург, который обрабатывал мне ключицу, смотрел очень внимательно. Пулевой «сквозняк» он от царапины точно отличил. Ох, как тревожно мне стало. Брякнет, ненароком, кому-нибудь, и всё. Не та фактура у девчонки для «огнестрела» такой специализированной пулькой... Ну что ж, значит, судьба. Как говорится, не везёт мне в смерти, повезёт в любви».

Опять началась размеренная жизнь. Работа, медитации, без трусой. Изредка встречалась с кем-нибудь, благо, что в фирме было достаточно молодых людей.

Наступил сентябрь. Заметила, что в моих приключениях осень становится временем, когда что-то происходит. Вот и теперь, новость на пятом канале прозвучала в двадцатых числах сентября.

Субботний день, ранние сумерки, пасмурное настроение. Сидя в теплом кресле, я щёлкала кнопками, переключая каналы. Мелькнула картинка. Скороговорка читающей по бегущей строке диктора озвучила малопонятную чехарду кадров.

«Громкое покушение на семью питерского предпринимателя завершилось гибелью». — Дурно скроенная фраза привлекла внимание. И тут поняла — Явно знакомый пейзаж. Крыша особняка, кирпичный забор, частокол высоких тополей. Это же Комарово, дом Авдеева, отца Ирины. «Киллеры расстреляли Ивана Николаевича Авдеева и его жену, находившихся в автомобиле. Так же погибли охранник и водитель». Сюжет закончился, пошла реклама, а я сидела, тупо глядя в экран. С Иваном и его женой я встречалась один раз. Спокойный, уверенный человек. Горе, которое он пережил, было спрятано глубоко внутри. Какие доводы привёл Юрий Петрович, убедив его выдать меня за свою погибшую дочь, так и осталось неизвестным. Но вражды я не почувствовала, скорее, жалость к вынужденной заниматься не своим делом девочке. Однако ситуация в корне изменилась. Являясь в глазах всех его дочерью, я столкнулась с множеством проблем, которые могут не только раскрыть меня, но и создать угрозу для всех заинтересованных лиц.

Первое, что пришло в голову. — «А не приложил ли к этому покушению руку мой любезный шеф. Комбинация получалась очень красивая. Единственная наследница немалого состояния, находясь в интересном положении нелегала, вряд ли сможет отказать, приди ему в голову идея переписать наследство. Тут не откажешь.

Принять эту версию мешало единственное умозаключение. Моя работа в компании «Атолл» приносила ему неплохую

прибыль. Насколько могу судить, цифра отнятого у олигархов значительно превышала десять миллионов, понятно, не рублей. А собственность Авдеева, по данным печати, едва перевалила за пять миллионов. Овчинка выделки не стоит. Устраивать триллер из-за относительно небольших денег, с невнятным исходом? Не думаю, что это ему выгодно.

Открыла почту на Мэйле и обнаружила экстренное сообщение. Такая возможность оговаривалась на крайний случай, когда земля будет гореть под ногами.

Значило это сообщение: «Бросай всё и беги».

Никакого компромата у меня на квартире не было. Сумка с набором вещей на случай эвакуации в шкафу. Короткой медитации хватило, чтобы настроить себя для активных действий. Время словно начало растягиваться. Движения стали пластичней. Такое бывает, когда руки выполняют заученную годами повторений работу. Натянув тёплый джемпер и куртку, я вышла в коридор. На площадке тихо. Однако, уходить всё равно лучше по-английски. Позвонив соседям, я поздоровалась с хозяином и наврала, что потеряла ключ. Позвольте через вас на балкон залезу. Симпатизирующий вежливой соседке мужичок с готовностью распахнул лоджию. Однако, приоткрыв шторы, заметила, что в доме напротив, на лестничной площадке между четвёртым и пятым этажом, кто-то стоит: «На парочку не похоже, те выше второго не поднимаются. А здесь? «Ладно, бережёного бог бережёт».

— Ой, нашла. — Я вытянула из кармана связку и вернулась в комнату. Сосед безразлично кивнул, закрывая дверь.

— Бывает. Ты заходи, если что.

Для виду поковырялась в замке, перебирая варианты. — «Если пасут, то обложили плотно. Кто? А вот это как раз не главное. Не друзья, понятное дело.

Стоя на площадке пятого этажа, вдруг услышала, как приоткрылась дверь подъезда и так же тихо закрылась. Только щёлкнул магнитный замок. Насторожила совершенно не свойственная манера. Жильцы, зная, что дверь закрывается сама, придерживать ленились, и хлопало от души. Загудел вызванный лифт. «Если по мою душу, то зайдут с двух сторон. Подстраховка уйдёт на девятый, а основной пешком, чтобы не упустить жертву и проверить лестницу. Разумно, значит и во дворе кто-то есть. Не удивлюсь, что дверь под прицелом. Хотя?»

Размышлять некогда. Рефлекс сработал, как подсказала моя..., не моя, но память. Рывку по ступеням вверх позавидовал бы профессиональный спринтер. Хватило времени выровнять дыхание и собраться. Кабина остановилась на этаже и двери

начали открываться. Замерла, прижимаясь к стене. «Работаем на «противоходе». Обычно прячутся справа, и грамотный поисковик всегда зашагивает при осмотре влево. Ствол у бедра. Это ежели «спец». Нападающий им был.

Змеиным заступом вынырнул из кабины, бросая взгляд вправо, и тут же дёрнул корпус назад, страхуясь от возможной неприятности.

Мой удар сжатыми пальцами пришёлся в точку между правым ухом и челюстью. Вспышка в глазах и мгновенная потеря сознания гарантированы. Однако в последний момент человек успел среагировать и расслабил мышцы шеи. Единственно верное решение. Удар не достиг цели, а только слегка оглушил гостя. Пришлось добивать, уже не думая о последствиях. Шума особого не наделала, а крикнуть он не успел. Двойка в голову. Одна рука в основание носа, второй контрольный в гортань — блокировать крик.

Мужчина тяжело опустил на пол лифта.

Рассматривать и соображать некогда. В руке ствол, что-то специальное, с глушителем.

Вывернула из намертво зажавшей руки оружие, проверила пульс. — «Аут, готов. Не надо было дёргаться, хотя, жаль мужика, но сам виноват».

Хоть и опаздывала, но пробежалась по карманам. И почувствовала явное облегчение, не обнаружив «ксивы».

«Одно дело завалить «лиходея», который пришёл за твоей жизнью, другое — почти коллегу, выполняющего свой долг. Неприятно. Да и за собственную шкуру тревожно. Не самое безопасное дело в нынешней России поднимать руку на сотрудника, могут и «не довести». Если возьмут, конечно. А так чего? Всё по-честному. Ты догоняешь, я убегаю. Нормальная охота. Сегодня ему не повезло». — Размышляла об этом я, уже сбегая по ступеням.

На мою удачу дожидаться напарника второй гость не стал. Дверь моей квартиры была закрыта, однако половичек, который я, убегая, подвинула к ней, лежал иначе. Мышка в норке. Сейчас осмолит, свяжется с подстраховкой на улице, потом с «верхним». Но тот ему не ответит. И не потому, что телефон у меня, просто с разбитой гортанью и отсутствием пульса много не поговоришь.

Когда завибрировал вызов телефона, я приоткрыла дверцу щитка и повернула выключатель. Свет в квартире погас.

Дверь на себя и, перекатом, на нижнем уровне, влетела в прихожую. Незванный гость стоял на фоне окна, выдёргивая спрятанный в кобуру ствол. Убедившись, что в квартире пусто, он по привычке сунул его назад в наплечник, и набирал номер,

конечно же, правой рукой. Среагировать, выпустить из пальцев телефон, рвануть ствол...

Нужно быть весьма тренированным, чтобы исполнить такой фокус без запинки. Не успел. Мой ствол, оказавшийся автоматическим..., издал короткий треск, словно провели деревяшкой по рёбрам батареи отопления. Поймал он минимум пять пуль, причём была я треугольником, чтобы в случае чего попасть не только в жилет, но и в голову. Однако жилета не было. Как и на верхнем. Хорошо, что не в стекло. Тогда вся конспирация насмарку. Однако, получив такой подарок, мой противник выглядел неважно. Кое-как, преодолевая естественное отвращение, проверила карманы. Легко догадаться на какой предмет.

Вернулась в подъезд и просмотрела вызовы. Так и есть. Предпоследний был за двадцать секунд до звонка на телефон сообщника, лежащего возле мусоропровода на девятом этаже.

Краткая СМСка, набранная мной, гласила: «Поднимайся, у нас «ноль двадцать один».

«Расчёт на психологию. У всех спецслужб этот код означает убитого. Вряд ли они поехали вчетвером. Насколько я понимаю, хотели захватить меня, потому и оружие не особо грели, не собираясь стрелять, как то подсознательно не ждёшь и «ответки». Значит, трое. Два пассажира и девчонка всяко пристойней, чем битком набитая машина.

Любой патруль, увидев на заднем сидении двух мужиков и спящую между ними тётку, будет проверять строже. Будем считать — «трое». Замерла в ожидании. Дверь тихонько отворилась. Протиснулась тёмная фигура. В отличие от первых, этот не сторожился. За что и получил. Лёг тихо.

«Слава богу, хоть живой. К тому же допросить не мешает. Чем-то мне это напомнило старт суматошной Одиссеи. Опять «жмуры». Допрос по-горячему. Как надоело-то. Господи. Хоть немного бы дали по-людски пожить. Однако какой с него прок. Скорее всего, просто наёмный исполнитель. Пусть отдыхает. Если честно, дала слабину. Алексею-то не привыкать. А мне страшно. Да и жаль человека. Ничего моё знание не изменит. Пусть у Петровича голова болит».

Собрала найденное в карманах посетителей, ссыпала в пакет и, не забрав ключи от машины, двинулась по лестнице вниз.

«Машина хорошо. Но практики у меня не было уже давно. А Москва и вечером забита транспортом под завязку. Пока выберешься, все нервы истреплешь. Лучше на метро. Благо, что власти меня не ищут. Им-то зачем?»

## Глава 4

### Наследница миллионов

Встретились на тихой окраинной улице. Тёмные провалы дворов, надолбы перегораживающих тротуар бетонных блоков. Почти полное отсутствие лампочек на столбах.

Несмотря на детское время, всего-то одиннадцатый час, на улице пустынно. Не любят жители окраин дефилировать перед сном. Оно и понятно. Себе дороже. Лучше на балконе постоять. Хвостов не было однозначно, на всей улице ни души. Машина, неприметная иномарка трудно определяемой модели, тормознула возле меня, дверь приоткрылась.

— Здравствуй, Оля. — Юрий Петрович обернулся из-за руля и похлопал по плечу: — Словно с «холода» встречаю.

— Так, понял, новость уже слышала. — Продолжил он, посчитав торжественную часть оконченной. — Хорошо на меня не подумала. Боялся, что так решишь. Потом вспомнил, что опыта у тебя на троих. Успокоился. Но, всё же подтвердить обязан. Иван был моим лучшим другом. Я его дважды от верной гибели спасал, и он меня не раз выручал.

— Я тоже кой-кого спасала. — Вырвалось у меня.

— Оля, не о том речь. — Мягко прервал куратор.

— Минуту. — Не согласилась я. — Возможно, информация изменит расклад.

Короткий доклад о двух «холодных» и предъявленный мешок с барахлом заставил генерала задуматься. Не заглядывая внутрь, спросил. — Кто, по-твоему?

— Не контора. По крайней мере, не «действующие», но опыт и ухватки налицо. Потому и «валить» пришлось. Иначе бы не справилась. Шли грамотно. Но, скорее по привычке. А так, особо не сторожились. Для выводов информации мало. Я не в курсе раскладов по Питеру. Кому выгодно? Кто стрелял? И вообще.

— Господи, ну что за жаргон... — Задумчиво произнёс собеседник и оборвал себя. — Человека убили, а я... Знаю, с тобой хитрить сложно, поэтому буду начистоту.

Деньги, что на «Атолле» заработал, пошли в его бизнес. Там сейчас около сорока миллионов. Строительство. Город у нас большой, но маленький. Всё на виду. Кому-то на ногу наступил, выходит...

Заметив, что я молчу, продолжил. — Ты нас совсем упырями-то не считай. Ирину я с детских лет знал. А Иван, как тебя увидел, ещё больше затосковал. Я ему рассказал твою историю,

без Алексея, конечно. Ты знаешь, они ведь ребёнка поздно завели... Он даже тебя назад отозвать хотел..., чтобы с ними жила. Похожа ты с ней очень... Конечно, и дело вплелось. Что уж тут говорить. Но ты бы всё равно, влезла. По собственному опыту знаю. Так, думал, пусть лучше под присмотром будет, дело, в принципе, спокойное. И для опыта полезно... Теперь надо хвосты рубить. Расклеился я что-то. Так, собрались. — Оборвал себя он и заговорил отрывисто, словно отдавая приказы. — Отправишь телеграмму. Заявление по семейным обстоятельствам. Я дам команду, в квартире приберут. Атолловские тебя с кротами не свяжут. Сейчас возвращаешься в Питер. Вот ключи. Иван с Ниной в морге. Похороны послезавтра. Организацию похорон я обеспечил. Всё сделают. Твоя задача. Прости, говорю прямо, идёшь за наживку. Целью, судя по сегодняшним событиям, была ты. Поэтому, должны продолжить попытки захватить и вынудить передать права. Охрану в коттедже я выставил, поэтому брать тебя скорее будут после похорон, в городе. О твоей роли никто, кроме меня и покойного Ивана, не знал. Поэтому, я для тебя дядя Юра, приятель отца. Сходство у вас поразительное, документы в порядке. Так что никто ничего не заподозрит. Но всё равно, ухо остро держи. В доме, и вообще, больше ни слова. Нет Ольги. Всё поняла? Ну, тогда приехали.

Он тормознул у вокзала. — Вот билет, СВ, поезд через полчаса. За тобой посмотрят. Это я на всякий случай, ты сама девочка большая. Счастливо.

— Да, — он нагнулся к рулю, выглядывая в проем. — Там встретят. Зовут его Глеб. Я ему, вроде, верю. Хотя, присмотришься. Он в охране у Ивана старшим был.

И снова купе. Одна в коврово-занавесочной тишине. Умывальник, обшитый кожей диванчик напротив двухъярусной кровати. Вагон, легко качаясь на стыках, летел по ночному Подмосквовью. Опустив штору, легла. Разве можно привыкнуть к таким кульбитам судьбы. Конечно, жизнь в Москве назвать спокойной можно только в шутку, но всё же какая-то стабильность, хотя бы внешняя.

Раннее утро в осеннем городе — время особое. В такую пору хорошо дремать под шорох падающих листьев, которые порывами ветра вперемешку с каплями дождя бросает в оконное стекло. Когда нет нужды подрываться от визга будильника. Какая бы мелодичная заставка ни была, всё равно в этот час противного и раздражающего. И не нужно, толкаясь в переполненном такими же сонными бедолагами вагоне метро, тащиться на любимую работу.

И уж совсем не годится приезжать в такое время в другой

город. Выходить на промозглый перрон, продуваемый всеми ветрами. Зная, что нет здесь ни родных, ни знакомых, а только заботы, суета, и нервотрёпка. Вот с такими декадентскими рассуждениями я выползла из сумрачной духоты вагона в не менее сумрачное питерское привокзальное пространство. Неожиданно быстро перрон опустел. Встречающих мало, пассажиры в основном командировочные, поэтому я не мучилась в сомненьях, кто бы мог быть обозначенный моим провожатым некто Глеб. Лицо проверенное, однако, требующий к себе присмотра, как обмолвился генерал. Юрий Петрович, как я заметила, редко говорил что-то просто, чтобы сказать. Поэтому, слова его поняла правильно.

Начальник охраны, у которого выбили подопечных, полюбому вызывает подозрение. Примета такая. Если ты жив и не досмотрел. Значит, либо хлопал ушами, либо..., ну, понятно. Однако так думаю, явных подозрений нет. Гляну свежим глазом, будет видно.

Мужик, в коротком плаще тонкой кожи, в стильной рубашке и, явно не массового пошива, костюме, одиноко стоял на перроне, заложив руки за спину. Он безразлично наблюдал за моим спуском и, только когда я сделала шаг от тамбура, приблизился и склонил голову. Слова соболезнования пробормотал явно скомкано. Спросил, как доехала, и, указав рукой направление, коротко уведомил. — Нам туда.

«Однако, фрукт. У тебя полное корыто дерьма, а ты не забыл рубашечку погладить и парфюм освежить? Может, придираюсь? Ну, убили работодателей. Что ж теперь, не жить? У человека, может, крепкая психика? Ничего, крепкой психикой нас не удивить, посмотрим».

Дверь провожатый мне открывать не стал. Забрался в салон довольно приличной Аудио, щёлкнул центральным замком и остался за рулём.

«Может, ему денег не доплатили? Чего это он?» — Я уселась на переднее сидение, утонув в далеко отодвинутом ковше. Регулировки искать не стала: «Потерпим. А кто это у нас такой здоровый? Промелькнула мысль: может таксует?»

— Куда едем? — он и впрямь задал сакраментальный вопрос.

— В город, командир, — сорвалось у меня.

Бровь провожатого дрогнула.

«Сейчас посмотрим, какой-такой Сухов», — хмыкнула я про себя. — Если будет молчать, значит, что-то таит, или просто дурак. Если отработает, то, соответственно, наоборот».

Глеб оказался понятлив. — Ирина, Вы не обижайтесь, на нервах второй день. Задёргался. Простите. — Он смягчил тон и

провёл руками по обтянутому превосходной кожей рулевому колесу. В Комарово?

— Да. — Отстраненно бросила я. — «Теперь помолчим, подумаем».

Улицы ещё не успели заполнить машины спешащих на работу горожан, поэтому шли ходко. Встав на третий ряд, Глеб втопил педаль газа и на зеленой волне проскочил пяток светофоров. Свободный ряд позволял идти, не снижая скорости.

Он знает, что я — следующая цель. Но приехал один. Или просчитал, что до вступления в права наследования меня никто не тронет? Ерунда, чего я сахарная, убедить подписать доверенность элементарно. Тогда чего? А задам я вполне естественный вопрос.

— А почему охраны нет? — Оглянулась я словно в поисках машины сопровождения.

— Так больше и нет никого. — Ответил, не задумываясь.

Я удивлённо повернулась к нему, заглядывая в лицо. — Как нет?

— Двоих убили. А остальные сами уволились.

Ответ слегка удивил. — «Вона, как? Крут мужчина».

— Уволились? — Повторила удивлённо. — А почему?

— Я попросил. Слишком много вопросов к ним набралось.

«Ну, я сейчас тебе устрою». — Играть почти не пришлось. Я действительно терпеть не могу этих пижонов, крепких «задним», иначе не сказать, умом. — А раньше, что? Доверяли? Пока не убили, значит, всё в порядке было? А сам где был? — Вырвалось у меня почти искренне.

Он покосился, опасаясь истерики. — Ирина, сейчас не время устраивать разбирательства. Поверь, я не виноват. Надо пережить это горе. Мы найдём преступников.

Я отвернулась к стеклу, упираясь лбом в холодный триплекс.

Остаток дороги молчали. Он сосредоточено рулил. А мне изображать истерику почему-то не хотелось. Не знаю, стыдно... играть горе перед незнакомым человеком. За неплохого, наверное, мужика Ивана Авдеева и его жену, которую я почти не знала, стыдно. «Жалко, что так у него всё вышло. Сначала дочь, потом сам. Но, устраивать спектакль? Обойдётся. Если ты при делах, то тебе уже всё равно. Не я, так генерал тебя достанет, а если и впрямь не виноват, всё равно не служить здесь. Мне охрана не нужна, а соглядатай — тем более».

Дорога к коттеджному посёлку, выстроенному недалеко от знаменитого Комарово, была отличная. Почти как правительственная трасса. На въезде шлагбаум. Суровый мужичок в мышинном наряде высунулся из будки и, увидев знакомое авто,

нажал кнопку. Пропетляв немного по узеньким дорожкам, подъехали к воротам. Особняк в глубине участка почти не видно. Высокий забор, камера слежения по верху. Мелькнула мысль — «Не забыть проверить запись. — Тут же одёрнула. — «Органы» наверняка всё изъяли, хотя, уверена, должна быть копия. Если он конечно начальник охраны, а не складской сторож. Но Ольги нет, а Ирине это знать не положено». Я вышла, прошла вдоль обочины, вспоминая по кадрам из новостей ракурс, и остановилась возле неубранных осколков стекла. Конечно, основную массу прибрали, но в траве, видно, не стали выбирать. Вот тут и случилось. Глеб подошёл сзади и стоял в шаге от меня. Опять донёсся раздражающе дорогой запах французского одеколона. Я бросила взгляд на него, одновременно присматриваясь к обстановке. Выбрано место было качественно.

Типичная мёртвая зона. На камере ничего видно не будет.

Не сдержалась. — Машина ехала, или садились?

Он помедлил. — Ехала. Вон оттуда стреляли, — кивнул на угол соседского участка. — Выскочили из-за поворота и в два ствола начали поливать. Изрешетили всю машину.

«Зарубка первая: Выскочили, когда машина отъехала и вошла в мёртвую зону. Значит, кто-то вёл. Кто?»

Замерев возле места трагедии, я поклонилась и медленно пошла к воротам. Глеб опередил и включил кодовый замок. Калитка автоматически распахнулась.

— Я первый, — он подвинул меня, протискиваясь вперёд. «Интересно, а что объёмных датчиков здесь поставить не удосужились?» — но это всё про себя. Так понимаю, вопросы этому сторожу задавать бесполезно.

Дорожку от ворот к дому за три дня усыпала мокрая листва. Лужи никто не разметал. «Зарубка вторая: Машину бросил за воротами. Почему не загнал, и почему не убрали во дворе? Или дворника тоже уволил?»

Большой, построенный в стиле классической помещичьей усадьбы, двухэтажный дом. Парадное крыльцо, огромные резные двери. Вазы из белого мрамора. Два крыла, комнат по десять в каждом. Французские окна, затянутые гардинами. Что сказать, роскошно.

Прошлый свой визит я почти не смотрела по сторонам и сейчас с интересом разглядывала обстановку. Большой холл, широкая полукруглая лестница с толстыми, покрытыми тёмным лаком, балясинами и перилами. Ковровая дорожка на ступенях. Большая хрустальная люстра под потолком. Всё гармонично. Не знаю, как называется стиль, но чувствуется рука дизайнера. Господи, как я в этом саркофаге одна буду?

— В доме кто-нибудь есть? — Естественный вопрос.

Ответил отстраненно, думая о чем-то своём. — А? Нет, прислуга уехала в город к похоронам готовить.

«Странно? Где готовить, чего? Не понятно».

— Ирина, я буду в кабинете охраны, — он махнул рукой куда-то в правое крыло, — а ты здесь сама. Выждал, когда начну подниматься, и двинулся к незаметной двери справа от лестницы.

Автоматика добросовестно поддерживала в помещении комфортное тепло. После промозглости приморского утра тепло и уют особняка расслабляли. Я расстегнула замок куртки и двинулась наверх.

Пустой дом, тишина, полумрак. «А если бы вместо меня была обычная двадцатилетняя девчонка? Да ещё потрясённая кончиной близких? Странно всё. Не правильно.

Медленно двигаясь по застеленному пушистым ковром коридору, начала осмотр.

Камер не видно, однако, вовсе не значит, что нет. Сейчас так наловчились прятать, без приборов и не найдёшь. Первая дверь — кабинет Хозяина. Дальше — комнаты, судя по всему, спальни, его и жены. Немного размыслив, вернулась в кабинет. Это самое важное помещение. Довольно уютная комната. Огромное окно, выходит на балкон, скорее веранду. Тяжёлые шторы, камин в углу. Ряды книжных полок, кожаный диван, такое же кресло. Стол массивным утёсом перегораживает другой угол комнаты. Ковёр ручной работы во весь периметр. Что сказать, умел Иван устроить быт.

«Но, сперва дело. Сейчас особенно важно пробить камеру. Вряд ли он разрешил бы кому-то ставить её у себя в кабинете. Если найду, значит, крот в его хозяйстве точно был. После тренировок на «Атолловских» шукарях, которые маскировали свою технику куда как грамотно, жучка вычислила довольно быстро. Просто отсекала ненужные для просмотра сектора и оставшиеся прошла наугад. Камера, утопленная в стене над камином, позволяла отслеживать стол, диван и дверь. Что и требовалось доказать. Ставил человек с понятием, а раз так, то дубль искать, смысла нет. Разве уж совсем над столом? Но это уже, по-моему, перебор. Всё равно, написанное не разобрать, а риск увеличится. Возможно, что друг Глеб, проверенный, но непонятный, как раз сейчас наблюдает за моими изысканиями. Ну, и фиг с ним».

Не забывая голову сложностями, разжевала пластик Бубль Гума и заклеила пуговку объектива: «Фиг вам, а не кино. Если придёт возмущаться, это будет верх наглости, и тогда будем разбираться по законам военного времени. Но, надеюсь, не

решится».

Присев в мягкое, уютное кресло, задумалась: «Что мы имеем? Охрана скорее не стерегла, а шпионила за хозяином. Вести наблюдение в одиночку невозможно, значит, как минимум трое в курсе. Техник и два оператора. Может, конечно, просто запись на диск, но тогда всё равно кто-то должен просматривать, и делать это регулярно. У шефа возможности ограничены. На контроле, а я не удивлюсь, что камеры стоят и в других неположенных местах, должен сидеть штатный, к тому же, тренированный оператор. Значит, трое уже замазаны. Не считая связного. Ладно. Вопрос на потом. Кто нанимал охрану?»

Далее, судя по всему, обыска не было. Порядок хозяйский, менты или просто любопытствующие навели бы либо бардак, либо полный порядок. Всё же не кино, чтобы при негласном обыске восстанавливать прежний вид. И, главное, для кого? Дочка в отъезде, хозяева убиты. Никто не предъявит. Значит, не было. Почему? Нечего искать? Или не было необходимости. Кто может иметь твёрдую уверенность, что у человека нет ничего важного или опасного? Только доверенное лицо. Раз безопасники следили тайно, значит, полностью он им не доверял. Так. А доверял он... Третье. Переходим от размышлений к действиям.

Беглый осмотр выявил наличие сейфа. Вещь дорогая, компактная, склепали его наши японские товарищи по планете. Значит, сделали на совесть. Это у них национальная традиция, наверное, такая. Если чего делают, то, блин, не ломаешь. Выходит, нужно искать ключ. Кабинетный, класс «С», код не менее двенадцати знаков, плюс пять буквенных символов. Запомнить сложно, таскать с собой не разумно, а вдруг потеряешь. Искать рано, нужно ассоциировать себя с хозяином и просчитать ход его рассуждений. Я замерла, погружаясь в спокойную медитацию. Несколько минут безмятежного созерцания зарядили бодростью и энергией, словно полноценный шестичасовой сон.

«Итак: Стол, диван, книги. Камин, часы, ковёр. Светильник, картина. Не так уж и мало. Но код должен быть на глазах, когда открываешь. Не бегать же хозяину по комнате. Солидный бизнесмен, ползает под столом, ища клочок бумаги. Не серьёзно. Что остаётся?»

Я остановилась напротив вмурованного в стену шедевра японских металлистов: «Элементарно, Ватсон. Картина. Какая-то абстракционистская, чуть было не сорвалось, мазня, фантазия. Только в углу разборчивая подпись: Арсен Калюжный. Пять букв, пожалуй, есть. Имя читается, но имеет только латинские буквы. Набираем. На полотне цифр нет. Разводы, пятна, полосы. Но, ни

одной цифры. На рамке явные потёртости. От чего? Правильно. Переворачивали. Об стенку и вытерлось. Обратная сторона. Подпись, ну, тут размашистый автограф. Дата, явно не подходит. А вот это горячее. Приклеенный кусочек картона с фиолетовой печаткой — Инв. 753893685400. Ну, что, попробуем?

Сейф распахнулся легко, как будто и не был заперт. Молодец. Но гордиться нечем. Иван просто не забивал себе голову ерундой. Мы вообще с трудом представляем, что кто-то будет рыться в наших вещах. Это при наличии целого штата охраны. Ну и хорошо, что не умножал сущностей».

Покончив с аналитикой, занялась более прозаическим делом.

Прикрыв дверь на замок, чтобы не отвлекаться на возможный визит моего сторожа-охранника, методично начала осмотр внутренностей.

На верхней полке три стопки евро. Тысяч тридцать. Вторая забита более плотно. Папка с файлами. Договора, сертификаты. Это тоже после. Третья пуста. Только скреплённый двойной листок с рукописным текстом. Текст оказался на редкость занимательным.

*Директору Федеральной службы  
Безопасности Российской Федерации*

*Если это письмо попало к Вам, значит, меня нет в живых. Горько сознавать, что моя жизнь, а главное жизнь моей дочери оборвалась из-за финансовых махинаций.*

*Вы знали меня, как честного человека и офицера. И могли не раз убедиться в этом за время нашей совместной службы.*

*В июле позапрошлого года в автокатастрофе тяжело пострадала моя дочь. Практически она погибла, но ещё три месяца находилась на аппарате искусственного поддержания жизни. Когда пришлось принимать решение об отключении, ко мне обратился мой бывший сослуживец, а в настоящее время компаньон, известный Вам Юрий Петрович Звягин. Он сказал, что смерть моей дочери была подстроена конкурентами. А именно руководителем холдинга «Атолл» Максимовым. Показал расшифровку записи и протокол допроса водителя. Он предложил отомстить Максимова. Для чего внедрить в его окружение агента. Некую Ольгу Шилову. И с её помощью добыть улики, чтобы привлечь Максимова к уголовной ответственности. Требовалось выдать её за мою дочь. Имелось явное портретное сходство между Ириной и представленной девушкой.*

*Я согласился. Оставляя моральные аспекты моего решения, сообщаю только факты. Под именем Ирины Авдеевой агент была внедрена в фирму «Атолл». Звягин сообщил мне, что её внедрение потребует не менее года. Желая отомстить, я готов был ждать. В*

течение шести месяцев после нашего разговора Звягин вложил в разных долях в деятельность фирмы порядка сорока миллионов долларов. Источник средств он обозначил невнятно. Мы нуждались в инвестициях, поскольку получили госзаказ на выполнение большого объёма работ. Я визировал вклады, как доп. эмиссию в уставной капитал от имени своей дочери. Мы были в дружеских отношениях, а генерал-лейтенант Звягин, как находящийся на федеральной службе, не имел права участвовать в коммерческой деятельности. Таким образом, неофициально вклад мой и Звягина в предприятие составил пятьдесят пять и сорок процентов соответственно. Активы фирмы составляют приблизительно сто десять миллионов долларов.

Но несколько дней назад из достоверных источников я узнал, что покушение на мою дочь устроил именно Звягин.

Очевидно, у него уже тогда была кандидатура на роль Ирины. Из того же источника я выяснил, что девушка, которая работает в фирме «Атолл» под именем Ирины, оказалась грамотным специалистом, создала целую сеть информаторов и поставляла Звягину кандидатов на вербовку из числа осведомлённых сотрудников этой фирмы. Ни о каких поисках доказательств вины Максимова речь не шла. Звягин обманул меня и использовал в собственных интересах. На основании добытых сведений он сумел спекулятивно заработать те самые сорок миллионов, которые впоследствии и вложил в дело от её имени...

Отложила письмо и, чтобы немного успокоиться, села, откинув голову на подголовник: «Ах, Юрий Петрович, ах, жук.

Всех «поимел». Прямо Мориарти какой-то. Видимо, так удачно совпало, что моё дело и показания снайпера курировал именно он. Тут ему и пришла в голову неплохая идея подгрести фирму Авдеева и приподнять деньги моими стараниями. Что ж это меня все разводят? Хотя, был ли выбор? Если бы отказалась, он просто сдал бы меня как уголовницу с неясным прошлым, и все дела.

Немного передохнув, перевернула страницу.

Текст, выведенный твёрдым, уверенным почерком, гласил:

«У меня есть основания полагать, что в результате слежки за мной, Звягину стало известно о моей информированности в его преступных планах и действиях. Доказательства его причастности к убийству моей дочери я собрать не смог. Человек, который сообщил мне сведения, исчез. И, подозреваю, не без помощи Звягина.

Теперь наступила моя очередь. Я собираюсь дать показания в Генеральной прокуратуре.

Если со мной случится несчастье или покушение, прошу Вас в

память о нашей совместной службе и хороших отношениях довести расследование его преступлений до конца и наказать убийцу моей дочери.

Все документы, которые могут пролить свет на его действия, прилагаются.

Генерал-полковник Авдеев

Датировано за день до убийства.

«Вот такие пироги». — Я пробежала глазами другие документы, лежащие в папке.

«Договор о капитализации, акции в количестве, на сумму... внесены в реестр..., заверены нотариусом...

Акт о захоронении неустановленного лица. Могила..., место согласно плана, печать, подпись.

Детские фотографии, медицинская карта, карточка стоматолога на имя Ирины Авдеевой.

«Всё понятно. Не успел Иван Андреевич, не успел. А почему в сейф Звягин не влез? Да по той же причине. Ему важнее было меня вытащить. Теперь, когда всё на месте, можно и действовать.

Заставить подписать «отказную» при нынешнем уровне фармакологии, как нечего делать. Глеб, скорее просто соглядачай, а подтянется Петрович со своими воробушками, и возьмут меня по-тихому. Что делать? Что делать. Что-то надо. Ноги делать надо».

Я упрятала содержимое сейфа в красочный пакет, неизвестно каким образом попавший в карман, и направилась к двери, собираясь продолжить осмотр дома. Но едва распахнула дверь, как в лицо мне уставилось дуло пистолета. Ствол держал, естественно, Глеб.

— Стоять. — Проорал он.

— Ноги подкосились и, неловко взмахнув пластиковой сумкой, я грохнулась в обморок. Упала настолько красиво, что самой понравилось. Опешив от столь неожиданной реакции, «вертухай», опустив ствол, следил за падением бесчувственного тела, не удосужившись отступить назад. За что и поплатился. Крутанув ноги в классической вертушке, сбила вооружённую руку в сторону, а второй достала по первичным признакам. Грохнул выстрел, но пуля ушла далеко в сторону, испортив роскошный гобелен, и застряла в дубовой панели. Боль от потревоженного достоинства заставила стрелка непроизвольно сложиться в земном поклоне и получить уже на возврате той же ногой в голову. Рефери в таких случаях открывает счёт. Я пнула ствол от поверженного «соглядачая» и, выдернув из чехла, висевшего у него же на поясе, превосходные швейцарские браслеты, защёлкнула одно кольцо на руке, а второе прицепила к перилам.

Дуб — это вам не осина. Зараз не сломает. «Ты смотри, запасливый. Однако, не понятно, если это ценитель моего таланта его послал, то почему так безалаберно? Уж он-то знает, что на меня троих мало. Да и то, пожалуй, как повезёт. А этот, словно на прогулку промежду прочим вышел. Руки. — Передразнила я самоубийцу. — Ну, ничего, сейчас оклемается, поговорим. Ухватив пистолет за скобу, бросила в пакет к документам. Оружие — не игрушки, махать без дела не стоит. Пока наводила порядок, пленник, наконец, очухался. Он рванулся и чуть не оторвал кисть. Боль от затянутого браслета успокоила. Глеб зашипел, сжимая здоровой рукой пораненное запястье.

— Глеб, не знаю отчества, позвольте спросить, чем вызвано столь грубое отношение к хозяйке? Может, Вы педофил?

— Какая ты, бл..., хозяйка. — Грубо ответил потерявший всю импозантность охранник. — Подстилка Звягинская. Мало вам Иринки было, вы всё захватить решили. Ивана не пожалел. Скотина. — Бессвязно высказался он. Выплеснув эмоции, попытался ещё раз испытать на прочность лестницу. Безуспешно.

— Ты думаешь, я тебя с ней перепутать мог? — Снова вырвалось у него.

«Если играет, то качественно. Хотя, так с ходу отработать версию. Вряд ли успел бы.

И становится понятно, почему сунулся без подстраховки. И среагировал на обморок. Знай он про мою подготовку хоть немного, вряд ли поверил бы, что упаду в обморок от ствола и громкого крика».

— А ты, выходит,...«славный парень Робин Гуд — защитник обездоленных»? — Задала провокационный вопрос я. И добила. — Что ж тогда девчонку не уберёт? Ты же этот, секью-ри-ти.

Он уже не дёргался. Сидел спокойно, но в этом спокойствии было куда больше опасности, чем в заполошных рывках. Боюсь, попадись я сейчас ему в руки, вряд ли остановился бы, пока не удавил.

— Вчера из Киева вернулся, в командировке был. Приехал уже к разбору. Охрану-то вы сами разогнали, хотя наполовину из «ваших». А теперь ещё спрашивает.

— Ладно, чего болтать. — Он внезапно потерял интерес к беседе. — Вы победили, но, хочу верить, и на вас управа найдётся.

«Ох, не просто так брякнул. — Вроде и не грозит, а что-то мне почудилось в его словах странное. Села на ступеньку и задумалась. — Что делать? Если парень сам по себе, а не холуй генеральский, то сдавать его Петровичу, как-то не хочется. Может, вырубить и бросить рядом ключ? — Мелькнула здравая

мысль.

— Пока освободится, уже далеко буду. Однако, как и в случае с «Камазом», полумера не выход. Генерал подключит все каналы, и меня выловят в течение суток. Значит, надо решать сразу. Или пан, или пропал».

Наконец, решилась.

— Слушай, Рембо, — это я уже Глебу. — Говорю коротко, верить или не верить — твоё право. Я сама на него втёмную работала. Прихватил меня Петрович так, что или на нары или в «Атолл». А к убийствам вообще никаким краем. Доказывать не собираюсь, но история такая запутанная, что без бутылки не разобраться.

Короче. Сейчас я для генерала самый ценный приз. И, думаю, не позднее ночи он с горлохватами за мной придёт. А ты меня куда, вообще, деть-то хотел? В милицию? Так через час он оттуда вытащит. Стрелять? Ну, это не так просто. Уж поверь. Предлагаю союз. Сейчас у нас один враг. Победим, и уже там между собой разберёмся.

Глеб помолчал, потом криво ухмыльнулся и вдруг спросил. — И что, отцепишь? А не боишься?

— Не-а. — Я ухмыльнулась в ответ. — Мог бы уж догадаться, меня не с помойки взяли. Извини, молод ты ещё со мной тягаться. Я не про возраст. Отвяжу и пушку отдам. Если в спину стрельнешь, значит, я ошиблась, и в разведку начали дураков набирать. Но, что-то мне говорит, его ты гораздо больше, чем меня не любишь.

Всё ещё разминая затёкшую кисть, он пожал плечами. — Молодец, девчонка. Говорили мне, что ты пятерых в «Атолле» завербовала, не верил. Теперь готов согласиться. Работаешь классно. Согласен, генерал мне куда важнее тебя.

Вот и славно. — Я бросила ключ. Ствол, извини, пока не отдам. Так надо.

Он расстегнул браслеты и встал.

— Пойдём, что ли? — Спросил, кивая на кабинет. — Чего на лестнице торчать. Мы вернулись в комнату и уселись в разных углах. Я забралась на диван, подобрав ноги, а Глеб сел в кресло.

— Значит так, давай коротко. Истории после. Что, как, почему. Всё потом. Главное пережить эту ночь. Оружие в доме есть?

Он кивнул. — В «оружейке» три ствола, помповухи, «Зауэр». Да, слону дробина. — Я понимала, что привлечь спецназ комитетчик не решится. А будет с ним, скорее всего, старая гвардия.

Максим-свет-Геннадьевич, неострелянный. И тройка

питерских охламонов, это те, кого я знаю. Генерал своих телохранителей с фирмы вряд ли подтянет. Свидетели ему ни к чему.

И тут вспомнила кривую усмешку мстителя. — Ты почему про укорот сказал? Только не ври. Я верхним чутьём разберу.

Он помялся, потом, нехотя, буркнул. — Мину я им в фасад заделал. Хотел вас рвануть ночью, и все дела. Потом испугался, что он меня раньше ликвидирует, как свидетеля.

«Во, как? Скромненько и со вкусом».

— Заряд, говоришь? — Раздумчиво протянула я. — Оно, конечно, дело хорошее, но он тоже не дурак.

«Но и я второй раз подрываться не собираюсь. — Вырвалось у меня: — Вот блин, как не вовремя». Сердце сдавила непонятная печаль.

«Почему такие, как Алексей, должны гибнуть, а эти Вовки и Петровичи жировать?»

— Дистанционка есть? — спросила, возвращаясь к реальности.

Он кивнул.

— Ну, да, сейчас с этой сотовой связью только ленивый взрыватель не соорудит. Но, отпадает. Генерал не пацан. На тебя он может и не думает, а от меня любой гадости ожидать будет. С него станется, он и «глушилку» может притащить. Связь блокировать. И вся задумка коту под хвост.

Рисуя возможные варианты, разговорились. Ну, я-то к нему вообще вражды не испытывала. А он вроде как поверил, что всерьёз хочу генерала остановить. Такое чувство, где-то я его видела. Или не я?

По возрасту ему лет тридцать, пересекаться вроде негде было.

— Слушай, — решила проверить неясную догадку, — ты срочную где служил?

— Глеб осёкся. — В/Ч 22879, СКВО

«Ага, теплее». — В 137 отряде ОсНаз, значит? Тогда, ещё вопрос. Изначально на шевроне твоей бригады волк был, потом на змеюку поменяли. Почему? Хотя ты, наверное, уже не застал.

— Так «дедушки» рассказывали. Волка себе 54 отряд спёр. — Озадаченно отозвался спутник. — Вот, а мы уже себе кобрушили.

Я облегчённо хлопнула себя по лбу. — Вспомнила. Восемьдесят девятый. Африка. Был?

— Он кивнул, недоумевая. — А ты откуда...? Кто рассказал?

— Не бери в голову. Всё равно не поверишь. Главное, я тебя знаю.

Действительно, такое забыть трудно. Но воспоминаниям

предаваться времени нет. А паренёк неплохо себя показал. Алексей тогда командиром роты служил, не удивительно, что не сразу вспомнил. Их у него не один десяток таких в подчинении был.

План, не план, скорее намётки составили начерно. Чтобы лучше сориентироваться решила всё же пройтись по дому. Глеб выступил в роли гида. Спальни и гостевые комнаты интересовали с точки зрения обзора. Другое крыло — тоже. «Господи, чего, наверное, никогда не пойму, зачем нужен такой громадный дом? Хотя, кто его знает, может, из-за того, что слаще морковки ничего не пробовала, вот и кажется диким. Закончив осмотр, вернулись на лестницу.

— А в библиотеку пойдём? — Обронил Глеб.

— Так вот же? — Я кивнула на кабинет, стена которого была забита книгами.

— Ну, это он для работы держал. А библиотека у Ивана внизу.

Идти не хотелось, но победило чувство долга. Раз начали, нужно закончить. Спустились куда-то почти в полуподвал. Открыв дверь, остолбенела. Большая комната, посередине огромный бильярдный стол, над ним несколько ламп, в специальных абажурах, или как там они называются. И книги. Вдоль всех стен полки, забитые разномастными фолиантами.

— Неужели всё читал? — Изумилась я? Не знаю, я не видел. — Глеб хмыкнул. Какая теперь разница. Иринка точно оттуда брала несколько раз.

— Извини, если вопрос бестактный, она тебе нравилась? — спросила я.

Он не ответил. Да, в принципе, я и сама всё поняла. — Извини.

Мой провожатый вздохнул. — Ты на неё действительно похожа. Очень. Но только внешне. Она другая..., была. Ты старше и жёстче. —

Помолчал, невесело усмехнулся. — Банальная история. Телохранитель и клиентка. А вот не уберёг. Да что теперь, я за этот грех остаток жизни себя грызть буду. Но мне главное с «ним» рассчитаться.

— Думаешь, станет легче? — Я вспомнила краснодарскую бойню.

— Не знаю. Но так ещё хуже.

Разговор оборвался. Я повернулась, собираясь выйти наружу. Но тут глаз зацепился за маленький железный ящик, прикреплённый к стене возле книжной полки.

— А это что? — ткнула пальцем.

— По-моему охотничье ружьё. Иван его очень берег и редко открывал. Честно говоря, не видел.

— Так давай глянем?

— Давай, вот только где ключ? — согласился спутник.

— Обойдёмся. — Достала «Макаров» и выстрелом снесла петлю. Слабенькое железо лопнуло. Повезло дважды, пуля не срикошетила, а воткнулась в толстую дубовую облицовку.

Открыла скрипнувшую дверцу и обмерла.

В специальной стойке стоял красавец Ремингтон. Мечта любого мало-мальски разбирающегося в хорошем оружии.

Вынув инструмент, принялась разглядывать. Не удержалась, спросила. — Ты знаешь, что это?

Глеб пожал плечами. — На штатовскую, КМПшку похожа.

Правильно, они же на этой базе сделаны, но там массовка. А это мечта идиота.

Штучная «Семисотка». У этой красавицы точность на трехстах метрах менее семидесяти пяти миллиметров.

Порылась в ящике и вытащила приличный Цейсовский «ночник» и коробку снайперских патронов. — «Знал Иван толк в оружии».

Хотя винтовка для меня была явно тяжеловата, но так и не смогла выпустить из рук.

— Слушай, — мой партнёр подозрительно глянул на то, как я оглаживаю винтовку. — Ты, случаем, не из этих будешь?

— Из которых? — не поняла я.

Ну, что по горам, как говорится, «в колготках» бегают. Больно хорошо в снайперском барахле разбираешься.

— Я, вообще, только год назад школу закончила. Не веришь? Ну, твои дела.

А с оружием меня один очень хороший человек познакомил. Может, из-за него и у меня к «кормилице» такое отношение.

Глеб вскинул голову. — Странно, мой товарищ рабочий «ствол» так называл. Давно, правда. Мужик хороший был. Да только на засаду попал. А его потом в дерме вывозили.

— Ты-то, как знаешь, что на Леху чужое повесили? — удивилась я.

Он не ответил. — И спецназовские мульки ты разбираешь, и в оружии, как говорится, сечёшь, и капитана знаешь. Ох, и непростая ты штучка.

Я кинула ему пистолет. — На, забирай твой шпалер, иначе опять начнёшь себе мозги догадками крутить. А ответ простой. Алексей меня всему и научил, и про ваши Ангольские приключения от него знаю. Для меня у него секретов не было.

— Да? — он явно не поверил. — Так уж и не было?

— Сомневаешься? Тогда сам напросился... А кто в самоходе перед командировкой с местными в Перикишкюле подрался, и кого Леха от самосуда спас? — Спародировала говор одессита. — Хочешь деталей? Их есть у меня.

На Глеба невозможно было глядеть. Мужик, за тридцать, залился румянцем. История и впрямь вышла комичная. Глеб познакомился с местной барышней, но не учёл международную обстановку и менталитет. И запросто мог попасть в суровый переплёт, если бы не Алексей, который на вечерней проверке заметил, что бойца нет в строю. Лейтенант кинулся в посёлок и отбил бойца. «Казанову» уже извальяли в грязи и, похоже, собирались немедленно устроить ему обрезание.

— Слушай, — хлопнул он себя по лбу, — понял. Ты его дочка. Да?

То-то, смотрю, ухватки. Нет, правда?

— История длинная, хотя, можно сказать, жизнь он мне подарил. Если доживём, расскажу. — Отмахнулась я.

Мы болтали, словно были знакомы не первый год.

— А ты-то как здесь оказался? — в свою очередь поинтересовалась у неудачливого охранника.

— Демобилизовался в девяностом. Мой призыв на полгода в Карабахе задержали. Пришёл, покрутился, а тут «румыны», мы так молдаван звали, вербовать приехали. А чего, поехал, но там какой-то балаган. Махновцы, одно слово. Я через месяц и ушёл. Через Польшу в Боснию. Года полтора там воевали, пока американцы не полезли. Разнесли всё в дрова со своих этажерок. Вернулся. Два ранения, правда, вскользь. И тысяча «баксов» за всё про всё. Закончил курсы телохранителей. Женился. Год прожили, разошлись. С тех пор в охране работаю. До старшего смены дослужился.

А потом меня Иван к себе пригласил. Мы с Иринкой расписаться хотели. Правда, никто не знал... — он погрустнел и скомкано закончил. — У Ивана охрана нормальная была, но, когда с Юрием Петровичем работать стал, тот потихоньку своих людей подтянул. Меня Ира не отпускала, а мужики поувольнялись. А когда её не стало, я как-то прикипел. И решил — с ними буду, как смогу, прикрою. Однако не смог.

Видишь, какая биография. В трёх словах рассказал. Ты так спросила, будто Алексей. Такие же интонации. Всё... Всё... — Видя, что я не хочу говорить, он замолчал.

Я глянула на часы. — «Ого, два часа».

— Давай перекусим и начнём готовиться. Сдаётся мне, в ночь всё и решится.

Остаток дня пролетел в суете. А ближе к вечеру, часов в семь,

позвонил Генерал.

— Привет, Ира. — Со значением сказал он. — Ну, как добралась, всё нормально?

— Да. Юрий Петрович. Всё хорошо. Только скучно. Сажу в спальню, смотрю телевизор.

— А Глеб где? — вклинился шеф.

— В город уехал. Часа два как. — Ответила я, глядя на замершего рядом охранника.

— Вот, паразит. — Искренне возмущился генерал. — Так ты что, одна?

— Ну да. Никакой охраны, никого. Тишина, жутко.

— Ладно, я с ним после разберусь, — твёрдо заверил собеседник. — А сейчас к тебе своих ребят отправлю. Переночуешь, а я утром заберу. День трудный будет, поддержу. Они на белом «Патроле» будут, через час. Поняла?

— Поняла. Всё поняла. — Повторила я, отключая сотовый. — Эх, генерал, генерал. А с виду порядочный человек.

— На всё про всё час. — Сообщила Глебу. — Уходим.

До намеченного пригорка добирались минут двадцать.

— Может, стоило машину забрать, — Глеб, сожалея, оглянулся на едва приметную среди других особняков крышу.

Договорились уже. Что по волосам плакать, если голову оторвать хотят.

Пока шли, стемнело.

Едва успела устроиться за стволом поваленной берёзы и настроить винтовку, как на трассе послышался звук мощного двигателя.

— Они? Вскинулся Глеб. — Угу, глянув в окуляр и прикидывая дистанцию, щёлкнула настройкой прицела: «Жаль, не пристреляна, придётся рисковать. Ну, да ладно».

Пригорок, заросший мелкими деревцами, позволял наблюдать за площадкой перед домом, а если чуть повернуться, видны были окна левого крыла, в котором располагались спальни.

В прицеле возникла морда большой машины. Чуть поведя стволом, увидела, как из джипа выскочили несколько затянутых в «Ночку» мужиков с оружием.

«Ого, какая честь».

Пока часть их, грамотно прикрывая друг друга, рванула к дверям, другие скрылись за углом особняка.

Медленно тянулись секунды. Но вот дверь дома распахнулась, и боец из группы захвата подбежал к машине.

Тонированное стекло уползло вниз, и возник профиль Юрия Петровича.

Приняв доклад, он с досадой хлопнул по дверце.

Что-то скомандовал и двинулся в дом.

— По-ора, — в растяжку скомандовала я, переводя прицел в точку фасада, помеченную крестом. Чтобы нарисовать этот символ Глебу пришлось лезть на крышу и, рискуя сорваться, чертить мелом.

По моему сигналу Глеб набрал номер генерала. — Абонент недоступен. — Прозвучал бесстрастный голос. Что и требовалось доказать. — Второй, — не отрываясь, бросила телефонисту-наводчику.

Городской номер Авдеева оказался свободен. Длинная пауза. Наконец Глеб протянул мне трубку.

— Алло. — Повторил голос. — Говорите.

— Позови Звягина, скажи, Оля звонит.

Ещё одна пауза. Наконец генерал отозвался. — Ты с ума сошла. — Накинулся он в атаку. — Куда ты делась? Почему... — Он замялся, не желая произносить вслух имя.

— Юрий Петрович. — Произнесла я, плавно совмещая пунктир перекрестия с крестом на стене. — Как же Вы сейф-то Авдеевский не проверили? Надо было смотреть.

— Какой сейф...? — Начал тянуть время, лихорадочно соображая, бывший куратор.

Курок пошёл, звук выстрела, не спрятанный глушителем, прозвучал почти одновременно с грохотом. Взрыв разметал крыло здания, и в небо рванулись языки пламени.

Винтовка лежала на траве, а я зачарованно смотрела на бешеный столб огня.

— Однако, ты постарался, — бросила я Глебу, который молча вглядывался в картину пожара.

— Там ещё бойлер был и котёл с топливом. — Пояснил он.

А уже через десять минут, перевалив через горку и закопав оружие в неприметном лесочке, мы шли к станции.

— Электричка в десять. — Буднично произнёс Глеб. — Успеем.

Я кивнула. Говорить было не о чем. Доедем до города и разойдёмся в разные стороны.

И тут меня осенило: «Сегодня двадцать второе сентября. Мой день рождения. Двадцать один год. А, кажется, полжизни прожито.

Словно подслушав мои мысли, Глеб обернулся и сказал.

— Ты не подумай, что пристаю, но, поехали ко мне, переночуешь. Заодно расскажешь про Алексея. Ведь обещала.

«Рассказать то можно, но вот сможешь ли поверить?» — Ладно, поехали. Только быстрее надо, а то на поезд не успеем. —

Решилась я.

Мы побежали к стационарным огням, мерцающим в ночной дымке. Оставляя позади всё плохое.

# Часть третья

Берег вырос из тумана, словно рухнул занавес цвета бешеной зелени.

Раздвигаю невиданные тропические лопухи и, скользя на глинистом срезе, выползаю на сушу. Только здесь понимаю, что это не совсем я. Загорелые руки, огромный циферблат хронометра на запястье. В недоумении повожу плечами. Мышцы бугрят пятнистый камуфляж. И, словно в отменной стереосистеме слышу свой голос. Вернее голос Алексея, моего недавнего спутника. Оборачиваюсь и насторожённо слежу за парящей гладью.

— Оторвались. — Голос хрипит, срывается в кашель. — Азим, ты как? — обращаюсь к спутнику.

Смуглый, как подкопчённый варан, с мелкими чертами типичного латиноса, паренёк. Машет головой, разгоняя мошку, и сипло втягивает прокуренными лёгкими воздух. — Нормально, Алекс, только Мурена нас всё равно достанет. Он здесь хозяин. В этих местах, без его ведома, никто и охнуть не смеет.

— Всё, хватит, Азимушка, я твои разговоры про местного босса уже третий день, от самой базы, слышу. Однако живы пока.

Оля неожиданно сообразила, что разговор идёт на испанском. Диковинный сленг, или диалект. Но разбираю.

Причём, вроде думает про акцент Алексей, а я, как бы, понимаю. Ослабив доводы рассудка, понемногу растворилась в его сознании и перестала обращать внимание на своё неучастие в картинке.

Едва продышались, как Леха скомандовал. — Подъем, брат, отдыхать в Раю будем, если пустят. Бежать надо.

Громко сказано. Бежать по джунглям — это махать шашкой, по-Чапаевски рубая лианы, и всё равно ползти с черепашей скоростью, притом не забывая осматриваться вокруг, чтобы не отдавить хвост местной ползучей твари. Изматывает подобный темп куда больше, чем бег по пересечённой местности. «Отмахав» за час около пятисот метров, упёрлись в тропу, пробитую кабанами. Идти стало проще. Однако удобство оказалось обманкой. Тропа, вильнув несколько раз среди могучих деревьев, повернула назад к реке.

Далеко уйти не успели, может и к лучшему. Результат был известен заранее. Долго сможет прятаться американец на захолустной российской помойке от местных хулиганов? Так же и здесь. Аборигены шли следом, не особо и напрягаясь. Могли дольше, да, видно, наскучило.

Изначально дохлое предприятие завершилось логическим итогом. Окружили и, выставив с десяток стволов, недвусмысленно предложили сдаться.

Превентивно избили. Без особого рвения, но умело. Впрочем, скорее не из природного гуманизма, а чтобы сохранить у пленных способность двигаться самостоятельно. Скрутив руки кожаными вязками, бросили под неприметным деревцем. Пока веселились, стемнело. Ночь в джунглях, время особое. Если уж застала, сиди где сидишь и не рыпайся. Леха задумчиво прикинул утренние перспективы. Несомненно одно, смерть им выберут самую что ни на есть лютую. Не имевший особых причин грустить о гибели старшего компаньона, преемник активно возражал против нездоровой тенденции. Стоит спустить с рук одному проходимцу, завтра появится десяток желающих проверить на прочность и его черепашку. Поэтому, наглец, застреливший главаря, заслуживал не просто жестокой казни, а показательного изуверства.

На авантюру Алексея подписали неделю назад, и имени, как говорится, не спросили. В общем, задачу нарежали в приказном порядке. А, то, что место незнакомое, и подготовки ноль, по барабану. Приказ есть приказ. Выполни, потом обжалуй. Поэтому, когда проводник указал на карте место работы, Алексей справедливо рассудил, что продукты брать в обратный путь лишнее. Никто их назад и не планирует. Спешут на боевые потери и всё.

«Ну, это мы ещё посмотрим». — Леха успел привыкнуть, что его норовили загнать, куда Макар телят не пас. И крайне удивлялись, когда он возвращался. Вот и сейчас. Переход, день на подготовку, выстрел, кстати, самое простое действие во всей этой истории. И теперь, на исходе третьих суток, в течение которых расстроенные кореша покойного гнали их по джунглям как зайцев, история, наконец, подошла к завершению.

Мурена, такое характерное прозвище носил брат застреленного мафиози, вызвал катер и расположился на ночлег возле безымянной речки.

Впрочем, экзекуцию Мурена решил начать, не дожидаясь прибытия в лагерь. Прямо здесь. Есть в местной флоре одно хитрое деревце, сок которого чуть крепче серной кислоты. Кожа от него сползает, как кожа с молодого картофеля, а уж какие муки испытает при этом человек, говорить излишне. Лёгкий надрез в коре даст достаточное количество этого рассола, чтобы освежать их спины ещё до рассвета. Леха сосредоточился и направил ход энергии в места соприкосновения с изуверским соком.

Воздействие Ци какое-то время сможет нейтрализовать

кислоту. Необходима лишь концентрация. Время шло. Утомлённые погоней спутники зловредного родственника устроились невдалеке и, выставив часового, заснули. Только Мурена, сидя возле костерка, тянул из плетёной бутылки местный самогон, распаляя себя картинами завтрашней казни.

Изредка бросал на пленников кровожадные взгляды и явно наслаждался ситуацией. Азим, спутник и проводник Алексея, уже почувствовал действие чудо-дерева и вертелся, как уж на сковородке, взвизгивая от нестерпимой боли в спине и в руках. Леха молчал. Напрягая и расслабляя кисти, он старался, чтобы кожа связывающих его ремней лучше пропиталась соком. И уже через час заметил, что вязка начала слабеть. Энергия на верёвку не действует, поэтому она должна сгореть раньше. Ещё пара часов ушла на то, чтобы освободить руки. Наконец, удалось. Утомившийся главарь мстителей тихо дремал у костра, сжимая недопитый жбан. Тишина прерывалась цокотом местных тараканов и громким воем. Кто орёт и зачем, Лехе было совершенно без разницы. Азим, потеряв сознание, обвис на верёвках.

«Пора, — решил пленник и вытянул из-за спины руки, с лохмотьями кожаных полос. Думать некогда. Уходить придётся на рывок. Часовой у бандитов с понятием и не заснёт. Одна надежда, что скоро смена. Должен ведь он как-то разбудить сменщика».

Когда сторож зевнул и зашагал к спящим, Алексей рванулся в сторону, уходя в тень, и тут же залёг под прикрытием густых зарослей. Крик и суета, поднявшаяся в лагере сразу после его исчезновения, напомнили московский базар, в момент облавы на нелегалов. Матерные выражения на непонятном языке и полная неразбериха. Всё, как полагается.

Как и следовало ожидать, спутники Мурены кинулись в разные стороны, слепя друг друга светом фонарей. Наконец один из следопытов оказался совсем рядом с замершим в траве. Короткая подсечка, удар в горло, и вот уже Леха разбогател на потрёпанный «Калаш», местный ножик, размером с хорошую саблю, и фонарик. «Вот и всё. Уходить будем, не прощаясь». Алексей ужом отполз подальше от места стоянки и рванул к реке. Нарочито громко хрустя сухими ветками. Такую методику смело можно назвать «Лось по просеке». Подлетев к реке, с громким плеском рухнул в чёрную воду. Ночное плавание в местной речке занятие не для слабонервных.

То, что водоплавающая сволочь, по идее, должна спать, не убеждало. Периодически тело касалось чего-то скользкого и явно живого. Но вариантов всё равно не было. И вообще. Человек в

здешних местах самое паскудное и опасное существо, в чем представители фауны успели отлично убедиться и старались без нужды не приставать. Может, повезло, но проплыв метров четыреста вдоль по течению и не получив никаких повреждений, Леха выбрался на берег. Причём, именно на тот, с которого стартовал.

Ясное дело, Мурена со своей психологией тропического колхозника, рванул бы как можно дальше. И, соответственно, посчитает беглеца не дурней себя.

До утра они след не возьмут, будут идти согласно логике, поэтому нужно постараться уйти как можно дальше. Говоря по совести, ничто не мешало Лехе сделать это раньше и оторваться от преследования, но тогда пришлось бы бросить спутника, который явно выдохся и связывал движение. Но, «русские на войне своих не бросают»... А так, всё по-честному.

«Ну. Почти, стараются». — Попытался убедить себя в неизбежном Алексей. К утру прошёл изрядно. Едва рассвело, сориентировался и продолжил движение. «Нам песня строить и... когти рвать помогает», — усмехнулся он. Бежал под хит Леонтьева: «Я бегу, бегу, бегу, а он мне светит...»

На Кубу их отправили в составе сводного отряда.

«Для организации противодиверсионного обеспечения базы». — Как было написано в задании. Однако, по сути, никакой диверсионной угрозы в помине не было. Какой дурак полезет в пасть волку? Поэтому, уже через две недели их «перепродали» Никарагуанцам. Их тогдашние власти, озвучив переворот лозунгом социализма, под эту лавочку сторговали у наших подмогу. Вот такую, интернациональную помощь Леха сейчас и оказывал. Разборки с Колумбийскими наркобаронами и прочие «непонятки». Испанский, разбавленный диким сленгом и ненормативными выражениями, мало понятен и самим латиносам, что уж говорить о наших дипломатах, изучавших его по академическим аудиозаписям. Однако, слова словами, а на деле обычные бандитские разборки. Пробираясь где то в глубине Колумбийской тайги, Алексей глубоко плевать хотел на все тонкости внешней политики, и единственно чего страстно желал, вымыться и набить морду своему местноговорящему командиру Пабло, как его там, который отправил снайпера на верную гибель и наверняка уже забыл о нём. «Ладно. Задание я выполнил, а остальное — дело их совести. Главное, убраться подальше».

Бежал всё утро, пока не взошло солнце, и стало невозможно дышать. Испарения от влажной земли пахли одуряюще. Крик мелкой лесной живности, радующейся наступлению нового дня, лез в уши. Леха выбрал укромное место под заваленным стволом

и кое-как задремал. Проснулся ближе к полудню. И вовсе не потому, что выспался. Кто-то толстый и длинный неторопливо полз по ноге. Громадная змеюка толщиной с приличное деревце перемещалась вдоль тела, поводя маленькой треугольной головой и оценивая потенциальную добычу раздвоенным языком.

«Ну, что за нафиг, не успеешь задремать, как нороят слопать?» — В принципе, Леха, не очень расположенный к общению с гадами, змей не любил, но жизнь заставит, не такое сожрёшь. Выбрав момент, рубанул мачете и смахнул голову представителю холонокровных. Подождав, когда змеюка затихнет, ободрал и наскоро приготовил обед.

Поджаренного на слабеньком огне удава назвать вкусным рискнул бы не каждый. Не деликатес, но тут не до изысков. Подкрепился и двинулся вперёд. Заросли понемногу превратились в достаточно проходимые джунгли. Идти ночью не рискнул и, едва стемнело, встал на ночлег. По всему выходило, что погоня отстала. А может просто довольствовались одним пленником. Так или иначе, признаков людей в джунглях не ощущалось. Ночь прошла тихо. Не сказать, что спал как младенец. Однако и на шорохи не скидывался. Автомат звери чувствуют гораздо лучше людей. И тревожить вооружённого человека даже ночью не спешат.

А утром, протирая глаза, Алексей заметил нечто странное. Зелень тропического леса однообразна, и когда в её природном хаосе обнаруживается искусственное строение, то, как бы оно ни заросло, всё равно бросается в глаза. В данном случае это были развалины. Кладка из огромных, зелёных от времени и мха, камней с обтёсанными ветром краями.

«Давно это было. — Хмыкнул Алексей, приблизившись к развалинам. Часть стены, обломки, напоминающие полуразвалившийся склеп. Нечто вроде фигуры с оторванной головой.

«Что это? Город? Или храм. Археолог из меня.... — Пожалел Алексей. — Ну, царь, ну, Грозный, дальше что?» — Прочитировал он комедию Гайдая. Надо сказать, он любил в сложных ситуациях цитировать такие фразы. Как то приземляют и не дают впасть в ненужный романтизм. Он пробрался по скользким камням и увидел проем в склоне, полностью заросший лианами. Впрочем, увидел не потому, что присматривался, просто случайно выцепил, что тень здесь лежит иначе. Прорубился сквозь зелёный полог, врубил мощный фонарик и двинул вглубь пещеры.

Обтёсанные стены, испещрены «кракозябрами» неизвестного алфавита. «Картинок-то и нет совсем? — Расстроился Алексей. — А по-местному читать не умею? Жаль, а то, может, что нового

узнал бы».

Развлекая себя таким образом, прошёл метров тридцать и только чудом не рухнул в замаскированный провал.

«От, суки, понастроили, — ругнул исследователь неведомых шутников. — Ведь ноги бы переломал».

Он посветил вниз. Луч отразился от стен колодца, покрытых толстым слоем пыли и паутины. «И чего ты рассчитывал там увидеть? — Задал резонный вопрос рассудок. — Валишь надо отсюда». Однако вопреки голосу рассудка разбежался и перемахнул провал. «Гляну, чего там, и назад». — Успокоил он себя. Коридор несколько раз вильнул и, наконец, закончился массивной когда-то, но совершенно истлевшей сейчас дверью. Только щеколда с несколькими скобами удерживала криво висящие доски от падения.

«Когда-никогда, всё одно упадут». — Рассудил исследователь и недрогнувшей рукой дёрнул скобу. Железяка оказалась на редкость тяжёлой. «Ого, чугун, что ли?» — замахал он потянутой кистью. Посветив внутрь, понял, что чувствовал Али-Баба, посещая пещеру своего имени... Сводчатый потолок. Расписанные иероглифами стены, а посередине, на небольшом возвышении, утопая в вековой пыли, громадный ящик. Стукнув по стенке, понял, что ящик или битком набит, или имеет очень толстые боковины.

«Неужто, книги? Точно, спрятали, чтобы сохранить». — Неудачно схохмил Алексей. Конечно, он уже давно понял, что и ручка, и ящик, как его ни назови, сделаны из золота. И в ящике наверняка драгметаллы. Однако никакого восторга по этому поводу не испытал. Воспитание и отдалённость от цивилизации не позволило впасть в золотую лихорадку.

«Ну, сувенир какой-нибудь, если только, а так, чего с ним делать?» — Он всё же заглянул внутрь саркофага и слегка разочаровано убедился, что тот до краёв набит разным хламом. Вынул из развала маленький обруч. Предмет напоминал... Точно. Браслет. Сделанный из толстой полосы непонятного металла он бугрился залепленными грязью выступами.

— Тьфу, — Оценил Леха качество, однако, махнув рукой, сунул в карман.

«Пусть будет, всё память». — Решил путешественник, заметив, что свет стал слабеть. Развернулся и двинул на выход. Едва успел выйти к свету, как фонарь сдох.

Промигавшись и стряхнув тысячелетнюю пыль, Леха, наконец, рассмотрел сувенир.

«Да, не Эрмитаж, лучше бы пару гранат спрятали». — Невнятный цвет потускневшего металла, изрезанного

загадочными узорами, и тусклые камни, громадные, но совершенно безжизненные, не впечатлили.

«Ладно. Взял и взял». — Выбрасывая из головы глупости, определился по солнцу. Карта в памяти подсказала, развалины находятся где-то северо-восточней от устья.

«Однако, пора и честь знать». — Решил беглец, и уже через несколько минут развалины исчезли, сливаясь с окружающей растительностью. К своим вышел на третий день. Воплотил первую мечту и помылся. Набить морду главарю повстанцев не удалось. За день до возвращения Алексея неизвестный доброжелатель сунул в джип Пабло полкило тротила. Которым и подорвал надежду местных революционеров к местной матери. Злые языки связали эту наглую выходку с Муреной.

Так или иначе, со смертью предводителя игры в сельве закончились, и местные бандиты продолжили свои разборки уже без бряцания коммунистическими лозунгами. А группу срочно выдернули назад. Погрузив в военно-транспортный борт, прямиком на родину. Досмотра практически не было. Так, пробежался толстенный таможенник, отбирая журналы с девочками и лишнюю пару джинсов. Забытый в разгрузке, браслет благополучно прибыл в страну победившего, на тот момент, социализма.

Куда он подевался, Леха и не помнил.

Ольга проснулась и долго лежала в темноте.

«Прямо триллер, а не сновидение». — Сон из Лехиной жизни был таким реальным и ярким, что нужно было время успокоиться.

Наконец, проснулась окончательно и, нацепив тапочки, вышла на кухню. Вот уже год прошёл после её приключений. Вместе с подорванным коттеджем закончились и криминально-чекистские игры. Бывший генерал, и её злой гений, благополучно взлетел на воздух вместе с подручными.

Какое-то время жила у Глеба. Паренёк оказался старым приятелем Алексея, но ей казалось, что он всё время видит в ней свою Ирину. Поэтому ближе к зиме, не прощаясь, исчезла из его жизни. В гостиницу не вернулась.

Денег, заработанных шпионскими играми, хватило, чтобы снять приличную квартиру на окраине. Зима, уже вторая в городе на Неве, прошла скучно. «Сидеть в конторе? — Тоска. Зарабатывать торговлей? — Ещё хуже.

«Ни богу свечка...» — Уныло думалось ей, когда долгими зимними вечерами, перебирая струны гитары, сидела на кухоньке своей скромной хрущевки.

Глядя в окно и подбирая аккорды к ударам стылого ветра, вспоминала чужую жизнь.

Всё началось, когда она, только окончив школу, рванулась покорять театральные подмостки столицы. Итог закономерен. Тут бы и окончилась её непутёвая жизнь, не случись тех событий... Чужая память, чужие умения. Как это вышло? Так и не поняла. Только вышло. Погибший в чеченских горах разведчик не ушёл в небытие сразу, а попал в её память...Защитил и научил многому. Хотя, рассказать кому, прямая дорога в Кащенко...

Лехиных приключений хватило бы на четверых, а после них всё, что бы ни придумывалось ей, казалось пресным и скучным. Однако зимняя стужа, все-таки, сменилась лёгкой оттепелью, вскоре потекли весенние ручьи, и, наконец, мартовское солнце высушило асфальт на Невском и растопило сугробы возле Исакия. Зимняя хандра понемногу начала отступать. И вот, сегодня, этот сон. Вернее, сон-воспоминание.

«А ведь я запросто могу найти эти развалины» — осенило её, когда утром, заварив крепкий кофе, сидела перед телевизором, слушая бестолковые российские вести. — Что меня здесь держит? Паспорт есть. Нужен план и вперёд». Энергия наполнила всё тело. Появилась цель. Золото? Да причём тут? Приключения. Вот, что радовало. Голова, словно включённый на разгон процессор,

выдавала новые детали, формируя их в реальный план.

«Должок». — Напомнила о себе сломанная ключица. — «А долги нужно платить». Разыскала ноутбук и загрузила поиск.

«Так, сибирский филиал Атолла. Документы по аренде транспорта,» — включила отправку.

В сообщении кратко обрисовала перспективы развития ситуации и предложила купить у неё весь пакет документов за каких-то, ха... несчастных триста тысяч евро. Плюс компенсация за моральный ущерб. Ну, сотня. Всего — пятьсот. Поняв, что сосчитала неверно, менять не стала. Пятьсот, так пятьсот. Их проблемы.

Миллион, слишком по-купечески, а половины в аккурат на поездку хватит. Азарт и весёлое нахальство переполняли.

Ответ пришёл на удивление быстро. И звучал кратко. Как она и ожидала, всерьёз её не восприняли.

«Сами виноваты». — Отправка части документов в другой адрес заняла ещё меньше времени. Копия ушла в третий. Этот оказался понятливей. И согласился на все условия. Ещё бы, Главному инженеру «Атолла» было, что терять. Учитывая, что в случае разоблачения его шалостей, разозлённые шефы могли не только отобрать несправедные деньги, но и загнать лиходея на нары, то пятьсот тысяч за свободу и благополучие не показались ему большой суммой.

Номер счета, подтверждение перевода денег, отправка файлов с компроматом. Вся операция заняла два дня. А вот теперь наступила пора выселяться. И быстро. Объект шантажа вполне может попробовать вернуть деньги и устранить нахального вымогателя. Ну, пробовать ему никто не запретит.

Ольга шла мимо старого, двухэтажного домишки. Такие массово строили в конце пятидесятых. Сейчас дом представлял жалкое зрелище. Расположенный слишком далеко от центра, чтобы заинтересовать крупных торговцев недвижимостью, он тихо разваливался без какого либо ремонта и ухода. Неожиданно, в двух шагах от неё, прозвучал ломкий, срывающийся на визг, голос.

Несуразно звучащий в таком исполнении мат и шум падения привлекли внимание. Она заглянула в тупичок.

Картина, знакомая до слез. Несколько вполне сформировавшихся балбесов с азартом пинали мужика явно бомжеватого вида. Удары, недостаточно сильные, чтобы вырубить разом, но вполне способные, в конце концов, убить, сыпались градом. Что-то заставило Ольгу остановиться. Глаза избиваемого или бережный жест, которым он укрывал что-то на груди от малолетних придурков.

«Ох, не стоит». — Одёрнула она себя, уже делая шаг в сторону разошедшихся пацанов.

Короткий толчок открытой ладонью снёс крайнего не хуже удара пудовым кулаком. Агрессор рухнул в набитые мусором пакеты и тоненько завыл, не в силах набрать воздух в лёгкие. Остальные, опешив от внезапного вмешательства, получили своё так же быстро и радикально.

«Не смертельно, оклемаются минут через десять», — окинула Ольга взглядом место битвы, больше напоминающее сейчас лёжку котиков.

— Вставай, дед. — Помогла она подняться бедолаге. К её удивлению от бомжа не воняло, а пальто, даже после столь активного валяния по асфальту, сохранило опрятный вид.

Старик приоткрыл глаза и осмотрелся. — Спасибо, дочка. Только зря ты. Я бы потерпел, а сейчас меня с этого двора точно выгонят. Ну, да всё равно, спасибо. Дед отряхнул брюки и собрал растрёпанные седые волосики в пучок, затянув на затылке в подобие узла.

— Иван Максимович, — он церемонно поклонился и, Ольге показалось, чуть было не приподнял отсутствующую шляпу.

Старик глянул на обидчиков. — Ох, дети, дети. Но, чувствую, скоро детки проснутся, и лучше, если нас с Вами, милая барышня, в этот момент здесь не будет. Он вопросительно глянул на спасительницу. Извините, не представиться, а то мне неудобно обращаться к Вам так, без имени.

— Оля. — Ей стало смешно. «Чего в наше время ни увидишь. Бомжи — интеллигенты». — Идёмте, она повернулась и вышла на тротуар. Отойдя пару кварталов, старик остановился и задумчиво глянул на неё.

— Позвольте вопрос? — В уже знакомой манере обратился собеседник.

— О чем? — Она оглянулась, прикидывая, не преследуют ли их. У Вас очень характерная манера улаживать конфликты. Ни одна из моих знакомых барышень не вмешалась бы в такой ситуации. Правда, у меня знакомых девушек не очень много, — поправился собеседник, — но всё же. А вот раскидать, так вообще ни одна бы не смогла. Вы спортсменка? Если не хотите, можете не отвечать, это в принципе вопрос вежливости.

«Смешной старик», — подумалось Ольге. — И неожиданно ответила правду.

— Учил меня один китаец, вообще учителей хватило.

— Да, Вы очень интересный человек, — прищурившись, покивал головой Иван Максимович.

— А Вы бомж? — Она тоже спросила напрямик. Почему они Вас били?

— Что значит бомж? Если по документам, то нет. А фактически, — он помялся, — ну, я ночевал несколько раз в подъезде этого дома. Здесь замок на двери простой. А мальчишки прогоняли. — Он сказал это так просто, словно не его только что безжалостно, хоть и неумело, пытались убить озверевшие от безнаказанности сопляки.

Ольга хмыкнула. — Ничего себе выгоняли? Они же Вас могли забить насмерть. Старик пожал плечами, от чего старенький шарф разошёлся, и на шее обнаружился громадный синяк. — Да что с них взять? Они не виноваты. Очевидно, я сам спровоцировал их, не успев убраться вовремя из тупика.

— Интересная позиция, Вы дедушка не толстовец, — слегка съехидничала девушка.

— Да какой я толстовец. Вы правильно поняли, бомж, де-факто. Хотя и коренной Ленинградец. Так уж вышло. В моем статусе не до философствования. Кто сильнее, тот и прав. Так что стоит ли... Он не стал продолжать, а просто махнул рукой, отмечая тему беседы, как нечто скучное и не стоящее внимания.

— Очень Вам благодарен, — вновь поклонился он, — пойду, постараюсь привести себя в порядок и подыскать ночлег. Он развернулся и шагнул в сторону перехода.

— Иван Максимович. — Повинуясь внезапному порыву, Ольга остановила уходящего.

— Проводите девушку до метро, а то вдруг эти хулиганы

вернутся. Мне одной боязно. — Она весело улыбнулась.

— Да уж, — старик тоже сощурил глаза в улыбке. — Вы, я заметил, совершенно беззащитны, но отказать даме, пусть и столь юной, не смею.

Они двинулись по тротуару, неторопливо переговариваясь о каких-то пустяках, как давно знакомые люди.

История его, похожая на сотни, а то и тысячи подобных судеб, всё же выпадала из общего числа.

Иван вырос в Ленинграде, закончил мореходку, плавать начал четвёртым помощником. За двадцать лет вырос до капитана дальнего плавания. Огромная ответственность, необходимость держать в узде самый разный экипаж. Умение принимать мгновенные решения — всё это у него было. Однако, строгий командир, умелый руководитель в море, на берегу он становился совсем другим. Женился рано, через год родилась дочь. Жили хорошо. Вернее, так считал Иван, когда возвращался из рейса, и встречали его весёлые лица родных. Хорошая квартира, достаток. Машина, дача. В общем — живи, не хочу. А Иван хотел в море. На берегу он скучал. Томился в безделье, не зная, чем занять длинный отпуск. И, кое-как отгуляв пару недель, сбегал в рейс. Хозяйством и воспитанием дочери занималась жена.

Однако всё хорошее имеет обыкновение заканчиваться. Перестройка застала врасплох. Сокращения в пароходстве ударили в первую очередь по пенсионерам. А Иван Максимович аккуратно разменял пенсионный возраст. Не спасли ни заслуги, ни ордена. Моложавый пенсионер оказался в круговерти новой жизни. Как нарочно, неприятности покатались как снежный ком. Накопления сгорели в девяносто первом. А денег было очень даже немало. Если бы не Павловская выходка, то жил бы Иван, припеваючи, до самой смерти. А так, вышло, что и нет больше денег. Жена, последнее время жаловавшаяся на сердце, удар не пережила, инфаркт, второй. Чтобы похоронить по-людски, пришлось продать машину. Не принял берег старого моряка. Работы нет, знаний, кроме штурманского дела, тоже. Пенсия — слезы. Умевший ломать ситуацию, он упёрся и сделал всё, чтобы наладить жизнь. Продал гараж и занялся челночным бизнесом. Благо, что знания языков, хотя бы для грамотной торговли, хватало. Но и тут облом. Прогорел. Вездесущий китайский ширпотреб и мизерные доходы народа подкосили торговлю. Одно радовало, дочка удачно вышла замуж. Муж при деньгах, на своей машине.

«Дёрганный, правда, какой-то. Однако лишь бы ей по сердцу». — Считал отец. Дочка, прежде спокойная и ласковая, понемногу

изменилась. Началось с малого. Пару раз попрекнула куском хлеба. Мол, что мы тебя кормим—поим?

Дальше, больше. В большой трехкомнатной квартире сталинской постройки сделали роскошный ремонт. Евро, как похвалилась подружке дочка. Отец, правда, считал, что ремонт сделал квартиру похожей на третьеразрядный офис в слаборазвитой Испании, но не спорил. Дочке нравится и слава богу. Подрабатывал, где мог, пока не начало прихватывать. То спина, то сердце. Одно, другое. В общем, не работник, если руками. А самое главное, после ремонта из трёх комнат вышло две, но громадных. «Зал, — сказала дочка, — должен быть большим, чтобы в углу мог стоять аквариум, где сможет тихо плескаться бегемотик. А спальня, это наше семейное гнездышко».

— Короче, батя, проблема у нас одна, и эта проблема — ты. — Конкретно объяснил тестю её муж, поигрывая толстенной золотой цепью. — Выбирай. Или в пансионат, но там «башлять» надо. У тебя есть чем? Нет? Тогда, это, решай сам. Я послезавтра замки поменяю. Барахло твоё выкидывать пока не буду. Может, найдёшь какую..., тогда и заберёшь.

Онемевший от удивления Иван Максимович кинулся к дочке. — Доча, да куда ж я денусь-то. Та, осторожно, чтобы не поплыла тушь, уронила слезинку и сочувственно покивала головой. — Ты знаешь, папа, он у меня кремень. Как сказал, так и сделает. А ты, вот что..., у тебя же полгорода приятелей флотских, может, кто на квартиру пустит. Мы заплатим, потом. Она вспомнила, что записалась к парикмахеру, и унеслась. А через несколько дней, вернувшись из магазина, он обнаружил, что ключ к замку не подошёл. На звонок вышел зять и веско рекомендовал испариться. — Ты что нервы мотаешь, козёл старый, дочку пожалей, она вон и так извелась от твоих вздохов.

Стоя перед захлопнувшейся дверью, старик хотел стукнуть в обшитое панелями железо, но постеснялся соседей. А этот амбал может и с лестницы спустить, как обещал. На первое время, действительно, приютил старый приятель. Но в однокомнатной квартирке на Лиговке, где, кроме него, жили ещё трое домочадцев, было тесно. Пришлось Ивану Максимовичу осваивать жизнь бомжа.

Судиться с дочкой было стыдно, да и сам он как-то махнул на всё рукой. «Менять квартиру точно не захотят, а жить с ними вместе после всего не смогу». — Решил он и крепко понадеялся, что возраст возьмёт своё, и долго он так не протянет. Однако организм, словно вспомнив молодость, когда Ивану приходилось сутками мотаться с мостика на палубу на пронизывающем ветру Атлантики, сам выгнал все хвори. Нигде не кололо, не болело.

Даже сорванная поясница перестала о себе напоминать. Он приноровился оценивать парадные и чердаки. Иногда заходил на вокзалы. Там главное — не примелькаться милиции. Тогда начнут гонять. Пуще всего следил за собой. Деньги, которые удавалось добыть, тратил аккуратно. При любом раскладе выделяя сумму на баню, в которой мылся по субботам. Угнетало то, что дочкин муж не разрешил забрать паспорт.

— Мы ж пенсию за тебя получить не сможем. — Резонно объяснил он своё решение. — А ты, потом, заскочишь — мы тебе денежку и отдадим. Однако, сколько ни пытался пенсионер выскрести своё, вечно что-то мешало. Да и то сказать. Дочке общаться с ним было морально тяжело.

Заботливый супруг пояснил. — В положении она, так что ты смотри, не волнуй её. Понял? Иван Максимович не то, что смирился, он приобрел некую философскую уверенность в том, что сам заслужил подобное завершение жизни. Своей беззаботной морской жизнью или может ещё чем. Однако заслужил.

К спиртному он с юности был равнодушен. Не переносила печень алкоголь и всё. Хмель вылетал через десяток минут, а вот жесточайшее похмелье мучило после невинной бутылки пива три дня. Спасительное в его положении свойство организма помогло выстоять и не сорваться на самое дно. Однако и жить так было сложно. Не такой уж и старый по нынешним меркам, всего шестьдесят пять, он чувствовал, может ещё многое сделать. Силы и знания были, но вот что?

Ольга историю его скорее домыслила по тем коротким фразам, что бросал спутник. «Странно. — Она пригляделась к собеседнику. — Вот как бывает.

И тут её осенило. — Моряк, штурман. Это же самое то, что надо». Картинка, возникшая перед глазами, стояла так зримо, что она даже зажмурилась.

— Вот что, Иван Максимович. — Разговор серьёзный. — Вопрос у меня к Вам один. Вы с моторной яхтой управиться смогли бы? И, к примеру, выйти на ней в открытое море?

— С яхтой? — переспросил старик раздумчиво. — Ну, если эхолот и GPS будет, то вполне. А курс, он, что для яхты курс, что для лайнера. Это при условии, что движок хороший.

«Ага. — Ольга ещё раз пробежала все пункты своего плана. — А гори оно. Будь, что будет. Решила. Всё».

— Вот что, хочу нанять Вас капитаном на яхту. Собираюсь отправиться в Америку, к примеру. Денег у меня в достатке. Желания тоже. А родных никого, так что, если Вы откажетесь, придётся объявление давать. Блефовала она.

Старик почему-то замер, и тут она заметила, что рука его

слабо подрагивает.

— Зарплату я Вам положу в соответствии с мировыми расценками. Не обижу.

— Иван Максимович как-то по-детски шмыгнул носом и хрипло произнёс. — Не надо по мировым. Сколько дадите, столько и ладно. Я согласен. Он отвернулся и посмотрел вдаль, но, похоже было, не видел ничего.

— Решили. — Ольга торжественно протянула старому мореходу ладонь. — По рукам?

Он дёрнулся пожалть руку, однако, сник и замер. — Ох, я ж забыл. Паспорта у меня-то и нет. А заграничный никто без этого не даст, да и регистры у дочки в доме все.

— Ну, это не Ваша проблема. — Ольга почему-то очень сильно захотела познакомиться с семейством, так лихо решившим судьбу его знакомого.

— Документы они вернут. Это вопрос решаемый. А сейчас мы сделаем вот что. Заедем в магазин, в счёт аванса приобретём Вам приличное платье. И снимем номер в гостинице. Сегодня приводите себя в порядок, а с завтрашнего дня займёмся поиском судна. Вперёд. Она вскочила. И двинулась к обочине, на ходу вытягивая руку. Иван Максимович, сражённый недевичьим напором и решимостью спутницы, поспешно двинулся следом.

Сняв два номера в недорогой гостинице, Ольга оставила спутника отдыхать, а сама отправилась за покупками. Не забывая голову, заглянула в первый попавшийся бюджетный магазин и, объяснив габариты своего работника, ткнула в проходящего мимо мужчину средних лет.

Через двадцать минут свёртки с вещами уже оттягивали её руки. Закинув барахло в номер всё ещё отмокающего в ванне старика, она развернулась и двинула в банк. Номерной счёт дело знакомое. Перевод поступил вчера. Да, вся сумма, хотите перевести? Куда? Она оформила несколько операций, перегнав деньги на пару транзитных счётов, и сняла тридцать тысяч. «На оперативные расходы», — всплыло явно Лехино выражение. Он словно невидимо возник рядом с ней. Странно, но она почувствовала это присутствие. Стало так тепло и спокойно, словно два больших, похожих на огромные пуховые платки, крыла укрыли её от остального мира.

— Лёша, ты здесь? — Мысленно задала вопрос Ольга. И вдруг огромное облако, закрывавшее солнце, словно по мановению волшебной палочки исчезло.

Открылось бездонное небо с ослепляюще ярким диском солнца.

«Это он», — поняла Ольга и улыбнулась.

Следующий адрес она вспомнила из рассказа моряка. Дом на набережной Фонтанки. Войдя во двор, спросила у дремлющей возле подъезда старухи: «Не подскажете, Антонов Иван Максимович, в какой квартире живёт?»

— В сорок третьей он прописан. — Словоохотливо отозвалась бабулька. — Тока не живёт тут. Дочка с мужем его в интернат отправили.

Ольга отлично поняла ход рассуждений выживших старика из собственного дома кукушат. — Интересоваться, спрашивать всё равно будут, а так — в приюте и всё. Какие вопросы?

«Вопросы, однако, есть. — Ольга шмыгнула в открывшуюся дверь, за выходящей из подъезда молодой женщиной с малышом на руках.

Дверь в квартиру распахнулась, едва она нажала кнопку.

— Тебе чего? — Встретил её вопросом полураздетый цыганистый крепыш в тренировочных штанах. Волосатая грудь и наглые глаза довершили картину.

Разговаривать с таким, только время терять.

Вместо приветствия Ольга ткнула пальцем под кадык навороченному хозяину и прошла в комнату, перешагнув через рухнувшее на пол тело.

Крепыш, судорожно выпучив и без того круглые глаза, пытался справиться с внезапной слабостью, лишившей его сил. Он сидел, привалившись к стене, и едва мог вдохнуть глоток воздуха.

— Двери закрывай, — попросила Ольга. — Что? Не можешь? А когда замок ставил? Смог? Ладно, давай поговорим.

Где документы Ивана Максимовича? Только не врать, иначе, прости за грубость, яйца раздавлю.

— Хозяин без хозяйства, — хмыкнула она каламбуру. — Ну? Приближённый к криминальным кругам, а потому враз понявший, что с ним не шутят, и при всей миниатюрности ножки, обутой в остроносые сапоги, угроза совершенно реальна. Опыт великая вещь.

Он молча ткнул пальцем на фибровый чемоданчик.

Ольга раскрыла потёртый замок и увидела сложенные в прозрачный пакет документы, лежащие поверх фотографии, на которой бравый курсант, улыбаясь, держал в объятиях девушку, неумовимо напоминавшую встреченную в подъезде молодую мамашу.

«Паспорт, мореходка». — Англоязычные документы с якорем и земным шаром на обложке.

— Всё? — Она угрожающе нависла над начавшим подавать признаки жизни собеседником. Тот поднял слабую руку и

прикрыл орган.

Оля уже было собралась выйти, но остановилась: «Нет, всё же учить таких надо. Иначе они весь мир под свою задницу упихают».

Нагнулась к криминальному гегемону и, проведя пальцем по плечу, упёрлась в соединение нескольких пульсирующих жилок. Хозяин побледнел, глаза затуманились, и сквозь наползающее беспамятство донеслись слова.

— Без руки проживёшь, пособия по инвалидности сейчас хорошие. Да и жена прокормит, если захочет. Ну, бывай, здоровья, извини, не желаю. Незнакомка вышла, прихватив маленький чемоданчик, а здоровяк, побледневший как мел, пытался ущипнуть ставшую внезапно чужой и неподвижной левую руку.

«Может и жестоко? — Размышляла Ольга. — Ну, а старик, которого выгнали умирать на улицу, без документов, это что, нормально? Дочку трогать не стоит, всё же мать. Да и понятно, здесь этот битюг всё решал. Нормально. Проживут. Не война».

Зайдя в номер Ивана Максимовича, Ольга увидела сидящего в кресле пожилого импозантного мужчину совершенно роскошной фактуры. Аккуратно подстриженная белоснежная шкиперская бородка. Такие же платиновые волосы, стянутые на затылке резинкой, делали его совершённым двойником знаменитого Шона. Джемпер со скандинавским орнаментом и неброская тенниска совершенно преобразили давешнего бомжа.

— Бог ты мой. — Всплеснула Ольга. — Да Вы, прямо, киногерой. Поставила чемодан на столик. — Вот, здесь документы и остальное. Привет Вам от дочки и внучки. Они очень рады за Вас.

Он огладил чемоданчик по вытертой крышке. — А Вы знаете, Оля, это мой курсантский чемодан. Я с ним на флот пришёл. Надо же, думал, и нет его уже. Дочка сохранила.

Он прикусил губу. — Оля, Вы не передумаете? Что-то в его голосе заставило её отнестись к словам серьёзно. — Нет. — Твёрдо ответила она. — Но при одном условии. Суша кончилась. А на море мне нужен не интеллигент «толстовец», а решительный и твёрдый капитан. Ясно? Он подобрался и даже попытался привстать. — Есть. — Ответил коротко, даже как-то по-военному.

— Мне нужна океанская моторная яхта, не большая, но экипированная полностью.

— Вот проспекты. — Выложила она на стол красочные буклеты.

— Ориентируйтесь на триста — триста пятьдесят тысяч евро. Подготовка, топливо, продукты, разрешения, карты. В общем, Вам

виднее, что нужно. Ещё сто. Конечная точка плавания Перу. Выйти нужно по-возможности быстрее. Маршрут выбирайте сами. — Ольга выдохнула.

— Что могла, сказала. Я в этих вопросах профан. Идём не то, что по делу, скорее за приключениями. Ну как, реально?

Похоже только сейчас, глядя на рассыпавшиеся по столу проспекты, Иван Максимович всерьёз поверил в реальность всего творящегося. — Да, постараться уложиться можно, — он уже прикидывал первые затраты и нужды. — Вполне реально.

Правда, кое-какие моменты я не знаю, но в пароходстве у меня ещё знакомые остались, подскажут, и помогут. — Да. — Ольга вспомнила. — Вот вам деньги на расходы и аванс. — Она протянула тысячу Евро. — Отчитываться будете раз в неделю. Если нужны дополнительные — спрашивайте. И ещё, не смотрите, что я молодо выгляжу. Всего сказать не могу, но, если поверите, то, образно говоря, по возрасту, мы с Вами почти ровесники, а по опыту, боюсь, я впереди. Если выпадет случай, расскажу.

— Я верю, — вполголоса произнёс моряк. — Верю.

— Ладно, что мы всё о делах. — Сменила тему Ольга. — Иван Максимович, раз мы затеяли морской поход, то можно вопрос? — Как на судне зовут капитана?

— Кэп, Мастер. — Начал перечислять мореход. — Стоп, — оборвала девчонка. — Мастер. — Можно я буду так Вас называть?

— Да ради бога. — Улыбнулся капитан. — Тем более, что мне и самому будет приятно.

Ольга распрощалась с новоявленным компаньоном и отправилась спать, а Иван Максимович долго ещё сидел за столиком, перебирая проспекты, делая короткие заметки на обратной стороне, ерошил волосы, перекладывал бумаги. И, наконец, откинувшись в кресле, с удовольствием потянулся и вполголоса произнёс. — А ведь и впрямь, может получиться.

— Мастер. Ишь, ты? — Он задремал в кресле и только ближе к утру прилёг на кровать.

А Ольга вернулась в свой номер и, едва дойдя до кровати, заснула. И опять приснился сон.

Сон, вроде, как сон. Может, только реальный слишком. Снился ей путь Алексея в союз, и как он по возвращении пришёл в свой дом, он тогда жил в Ленинграде. Квартирка маленькая, но отдельная. Гостинка, как называли их в то время. Окраина, виднеются поля и берёзовые рощи, и стрелы башенных кранов. Жены не было. Он походил по комнате, больше похожей на пенал, и в ожидании начал вынимать подарки, рука наткнулась на свёрток. Железяка, тяжёлая и грязная, вызывала желание убрать с глаз долой. «Мария не оценит, это точно». — Мелькнула мысль.

Да он и так привёз ей красивые бусы и прочие Кубинские безделушки. Алексей запрыгнул на табурет и точным броском закинул небольшой, но тяжёлый свёрток на антресоль, заваленную разным барахлом. Стук о стенку и шорох строительного мусора подсказал, что артефакт провалился в щель, между стенкой и перекрытием.

— Ведь собирался замазать этот пылесос, да всё руки не доходили? — коротко удивился снайпер. Однако звук открывающейся двери мгновенно перевёл мысли в другую, гораздо более приятную плоскость. Визг жены и последующие объятия вконец выкинули из памяти мысли о браслете. Дальше Ольге, почему-то сон не понравился, да он и забылся, а вот стук упавшей вещицы врезался в память.

А вот утром на старого моряка навалились сомнения. — «Девочка странная. Очень. Такие деньги? Она явно не представляет, насколько сложное и опасное дело идти через Атлантику на моторной яхте. С одной стороны, ему мучительно хотелось в море. Хоть на лодке, хоть на яхте и, если суждено, там и остаться. Это всяко лучше той жизни, что была сейчас. А с другой, девочку жаль». — Он решил честно рассказать о проблемах, которые их ждут, если решиться на такое плавание.

Ольга влетела в номер уже собранная и сжатая как пружина. — Ну, что, есть варианты? — Без подготовки задала она вопрос.

— Оля. — Иван Максимович вынул из кармана деньги и аккуратно положил на журнальный столик. — Скажу честно, будь у меня желание пристроиться возле тебя и потихоньку тянуть деньги, то я и слова бы не сказал. Однако не могу. Понимаешь, плавание через Океан — это не прогулка по Ладоге. Дело настолько серьёзное, что я не могу взять на себя ответственность за твою жизнь.

— Та — ак. — Протянула Ольга, присаживаясь в кресло. — Давайте сначала. Прежде всего. Сложности, какие? По пунктам. Слушаю.

— Первое: запас топлива. В самом лучшем случае придётся пройти по открытой воде минимум две с половиной тысячи миль. Это, при расходе примерно три литра на милю, семь с половиной тонн солиarki.

Второе: команда. Три человека — это оптимальный состав. Не может один человек бессменно нести вахту на руле в круглосуточном режиме. Третье: риск громадный. Даже опытные экипажи не всегда справляются со штормами в Атлантике.

Ну, и ещё, ещё, ещё. Оля, почему Вам просто не полететь в то же Перу и не взять моторный катер на прокат там? Этот экстрим совершенно не подходит для молоденькой девушки. Вы поймите. Тяжёлая мужская работа. Болтанка.

— Стоп. — Оборвала монолог слушательница. — Вы сэкономите кучу времени, если перейдёте от описания ужасов одиночного плавания к выводам. Я вам помогу слегка. Если Вы заботитесь о моей безопасности, то это преждевременно. Нам ещё пока совершенно ничего не угрожает. По крайней мере, с этой стороны. А если Вы отказываетесь из опасений за свою жизнь, это совсем другое. Я не хочу пока забивать голову своими рассказами, но, поверьте, не так много в мире вещей, которые могут меня напугать. И, с Вами, или с другим капитаном, я всё

равно выполню намеченное.

Мастер тяжело вздохнул, однако, как ни странно, в душе он был даже рад той отповеди, которую услышал от хозяйки.

— Я не боюсь за себя, только хотел, чтобы и Вы полностью осознали, что дело очень сложное. — Иван Максимович пожевал губу, подбирая сравнение. — Мне бы не хотелось в открытом море выслушивать жалобы и упреки.

— Ясно. Значит, все точки расставлены. Ольга сама удивилась той непреклонной жёсткости, с которой она приняла возможное отступление от первоначального замысла. Точно какая-то сила заставляла её идти вперёд, сметая все преграды. Она прислушалась к себе. «Ещё вчера этой твёрдости и уверенности в своих поступках не было и в помине.» — Поразила своему новому состоянию.

— Итак. Что Вы нашли? — Она всё же постаралась смягчить тон вопроса улыбкой. — Ну, не томите, Мастер.

— Есть один вариант, пожалуй, единственный в нашем случае. Моторная яхта Эллинг. Их делает одна Шведская фирма на заказ. Обычно в сэйле их нет, но, видно, кто-то нам ворожит. Продаётся уже полгода, так что цена будет меньше, чем у новой. Достоинства её запас хода до полутора тысяч миль, а если поставить дополнительный бак и заполнить ёмкости на палубе, то и все две. Полная экипировка. Класс мореходности без ограничений...

Ольга дёрнула плечом. — Вы капитан, Вам и карты в руки. Считаете, подойдёт, значит, едем смотреть. К чему забивать сухопутной крысе, пусть даже симпатичную, голову морскими терминами? Собираемся и вперёд. Через пять минут я переоденусь и за Вами зайду. Ольга словно тайфун сорвалась с кресла и исчезла.

Понимая, что фраза про пять минут не больше, чем идиома, когда это женщина могла собраться за такой срок, Иван Максимович созвонился с продавцами и выяснил, где находится салон. Каково же было его удивление, когда в номер вошла строго одетая элегантная дама в неброском, но, явно купленном не на Черкизовском рынке, костюме и с нешуточным бриллиантом, блеснувшим на безымянном пальце. Он недоуменно глянул на часы. Прошло четыре с половиной минуты.

Сделку совершили настолько быстро, что менеджер ещё долго приходил в себя от крутости русской «бизнес-леди», образ которой талантливо воплотила в короткой мизансцене Оля. Она коротко распорядилась внести в договор пункт о дополнительных работах, с целью подготовки яхты к спуску на воду. И срезала цену на двадцать процентов. Именно до той, за сколько и

планировали продать хозяева. Иван Максимович, хоть и ошалел от её напора, тем не менее, внимательно осмотрел судно. Не удержался и незаметно показал Ольге большой палец. Девушка согнала с лица строгость и подмигнула компаньону. Выйдя из салона, и перечитав договор, она совсем по-девчоночьи запрыгала вокруг спутника.

— Яхта, яхта, парход. — Я хозяйка... — Она внезапно остановилась. — Иван Максимович. На Вас оформление морских документов. Платите, сколько запросят, но чтобы сделали быстро. Есть какие противопоказания по сезонным прогнозам?

Мастер живо отозвался. — Думал, придётся пересекать ревущие сороковые, а они в это время очень беспокойные. Но, думаю, проскочим. Сейчас весь вопрос в команде и дополнительном снаряжении.

Ольга покосилась на старого морехода. — А вот «ревущими» девочку пугать не надо. Разберёмся.

Капитан шёл рядом с излучающей уверенность спутницей и никак не мог прийти в себя. Оказавшись на палубе небольшого, всего сорок пять футов, судна, он всё равно был так счастлив, что не мог сдержать слезу. Пусть оно и было букашкой в сравнении с теми суперлайнерами, которыми ему довелось командовать, но это было его судно. И вполне могло стать, что он сможет уйти на нём от этой оказавшейся настолько неласковой к нему суши.

Ольга прервала размышления старика. — Мастер, пока «гоняют» платёж, есть у меня одно дельце. Не составите компанию? Иван Максимович слегка выпрямился. — Всегда, пожалуйста. Командуйте.

Задумчиво прошептала. — Пархоменко. Двадцать восемь. Точно. — Словно очнувшись, повторила. — Двадцать восьмой дом, третий этаж.

Частник довёз их в район правобережных окраин быстро. Время предобеденное, народа немного.

Машина тормознула возле невзрачной девятиэтажной коробки. Из окон торчали уродливые решётки для сушки белья — явный признак «гостинок».

— Переодеться бы мне не мешало. — Сожалея, покачала головой Оля, заметив, как оживились при её появлении сидящие возле подъезда старухи. — Больно приметна я сегодня, если что, уходить будет сложно. — Непонятно вздохнула она.

Не знакомый с её способами решения проблем, капитан пропустил реплику мимо ушей.

Они миновали наблюдателей и вошли в страшный подъезд.

Страшный, не в фигуральном выражении, а по сути. Ободранные, закопчённые стены, вырванные с корнем

выключатели. И всё это на фоне непередаваемой вони. Даже у пообтершегося в последних своих мытарствах Ивана Максимовича перехватило дух. — Ого, он закашлялся. Живут же люди?

Ржавая железная дверь с косо нарисованной масляной краской цифрой двенадцать оказалась целью Ольгиного похода. Она коротко и внешне несильно стукнула в дверь. От толчка дверь завибрировала и через короткий промежуток времени отозвалась хриплым женским голосом.

— Кто? — Спросили из-за двери.

— От Алексея Бессонова, — коротко проинформировала Ольга. Через некоторое время дверь распахнулась.

— Входи. — Произнесла хозяйка. Женщина, когда-то явно красивая, а сейчас постаревшая и потёртая жизнью, вглядывалась в провал коридора, пытаясь признать в гостях знакомых.

В маленькой комнатке царил привычный бардак. Видно было, что живёт здесь одинокий человек. Конечно, явной грязи не наблюдалось, но и порядка особого тоже не было. А уж о достатке и говорить нечего. Бедность, её за версту видно.

— Кто вы? — Предсказуемо начала беседу хозяйка.

Ольга не ответила, рассматривая убранство помещения.

«Она, та самая «гостинка», из сна. И даже шкаф тот же».

— Мария? — Наконец ответила вопросом на вопрос Ольга. Сбитая с толку её роскошным видом и уверенностью, женщина невольно кивнула в ответ.

— Вы знаете, что Алексей погиб? — Ольга почему-то не удивилась, не заметив на лице у собеседницы никаких эмоций.

— Да, мне говорили, — отозвалась та. — Мы ведь с ним уже лет десять как развелись. Так, что...

— Ну да, ну да. — Ольга упёрлась взглядом в то место на стене, где должна была находиться та самая вещь, из-за которой она сюда пришла. Судя по всему, ремонт здесь так и не сделали.

— Мы знакомые Алексея. — Начала она, — я врач из краснодарского госпиталя, куда его доставили. Ольга почти ни чем не рисковала, излагая простенькую легенду. — Его последней просьбой было зайти к Вам и передать, что он виноват и просит прощения. Произнесла она неожиданно искренне. Ей словно кто-то подсказал эти слова. — Вот, возьмите. — Ольга порылась в сумочке и достала стопку купюр. Несколько тысяч евро представляли собой внушительную пачку. Мария нерешительно затеребила край халата. Видно было, что деньги ей давали не часто.

— Берите, — сунув купюры в ладонь хозяйке, Ольга перешла к делу. — Мне нужна одна безделушка, которую Алексей у Вас

оставил.

— Сжимая деньги, Мария удивлённо оглянулась. — Да какие там безделушки? У меня и нет вроде ничего?

Ольга хмыкнула. — Да уж. Однако будем надеяться, что есть.

— Вот что, хозяйushка, давайте мы с Вами посидим, выпьем за Алексея.

Хозяйка понятиливо кинулась к холодильнику. Но остановилась на полпути.

— Нету у меня ничего. В садике зарплата послезавтра только. — Она тяжело вздохнула: Как с Лешенькой разошлись, словно отрезало. Ни работы, ни денег, ни ухажёров. — Она, уже не стесняясь маячащего позади Ольги старика, шмыгнула носом: — Так и живу.

Гостья вынула несколько крупных купюр. — Вы с Иваном Максимовичем сходите в магазин, а я Вас здесь подожду. Доверяете?

— Хозяйка невесело усмехнулась. — Да уж, запирать здесь, пожалуй, и нечего.

Она быстро собралась и, сопровождаемая Иваном Максимовичем, вышла в коридор.

А гостья, скинув дорогой жакет, принялась осматривать стену.

«Ага. Вот он ты где?» — На глаза попался молоток с засаленной ручкой.

Удар по стене прозвучал глухо. Гипсокартонная перегородка просто не содержала твёрдых веществ. И через полминуты в стене образовалось приличное отверстие величиной с ладонь. Поиск внутри, она наткнулась на завёрнутый в ткань предмет. Сомнений не было. Тяжесть подсказала — это браслет. Повинуясь невольному импульсу, Ольга хотела рассмотреть его, но передумала. Она подмела пол и, придвинув к стене полочку от обуви, закрыла дыру. Вскоре вернулась Мария. За ней, пыхтя, нёс громадный пакет Иван Максимович.

— Ну, сейчас гульнём. — Весело засмеялась Ольга. — Я тут нечаянно колечко потеряла, предупредила она возможный вопрос. Искала, подвинула. Ничего?

Занятая сортировкой покупок, хозяйка отмахнулась: — Да и пусть, так даже удобнее, а то я об неё колготки рвала.

Однако, вспомнив о срочном деле, гостья вдруг заторопилась. Скомкано попрощавшись и обещав заглянуть позднее, они убрались из убогой комнаты.

Ольга шла по улице, бережно придерживая сумку с почему-то ставшим ей чрезвычайно необходимым артефактом, и размышляла. «Странность какая-то есть в том, как этот браслет

повёл себя при её появлении. Словно ожил и подал сигнал» Она никак не могла забыть чувство, испытанное при первом контакте с вещницей. «Ох, не простая штука». — Сделала она глубокомысленный вывод.

Иван Максимович тоже шёл молча. Наконец, не выдержал.

— Хорошая девка, только несчастная, — наконец произнёс он. — Я, пока с ней ходил, многое понял. Не стоило ей с тем Алексеем расходиться. Кто такой, не знаю, но в сердце ей запал точно. Потому и замуж после не вышла, что по нему всех мерила. Кто он был? — Спросил старик у Ольги.

— Капитан, спецназовец. Погиб. — Коротко ответила она. А вообще, история длинная. Как-нибудь, если случится, расскажу.

— Нам сегодня ещё много дел нужно сделать. — Сменила она тему.

Договорились, что Иван Максимович едет в пароходство, а Ольга в банк.

Однако поехала она в гостиницу. Задёрнув штору, словно кто-то мог подсмотреть, положила свёрток на стол. Ольга поёжилась, однако, насмелилась и развернула платок. Невзрачный браслет, явно кустарного производства, согнутый из неровной полосы тёмного металла, камни, почти невидимые из-за вековой пыли, лишь чуть заметно выступали над поверхностью. Ольга ненадолго задумалась, потом набрала в раковине тёплой воды, добавила шампуня и хорошенько промыла железку.

Под действием ли воды, или моющего средства, но грязь сошла на удивление легко. Всего после трёх минутного полоскания Ольга вынула из мгновенно потемневшей воды нечто, назвать которое железкой не повернулся бы язык у самого отпетого резонёра. Металл не блестел, он жил своей жизнью.

Поражённая исследовательница застыла, не замечая текущей с мокрых ладоней воды.

Не успела она убрать тазик, как в дверь постучали, и появился её благообразный спутник.

— Оля, всё в порядке, документы сдал, оформят в самый короткий срок. Мало того, встретил в гидрографии старинного друга, мы с ним на Зеландию ходили, он подберёт весь комплект лоций и карт.

— Ох, ты, — вдруг заметил Иван Максимович браслет, — простите, из чего это? Какой необычный материал. И камни, словно живые.

Он разглядывал вещичку. Постепенно слова его замерли, и только частое дыхание выдавало волнение. Наконец он помотал головой, прогоняя наваждение.

Невидяще глянул на Ольгу и кое-как произнёс. — Я еле смог

оторвать взгляд. Необъяснимо. Знаете, я не буду спрашивать, где Вы это взяли. Боюсь, что ни к чему мне знать больше положенного.

Он присел на диван. — Теперь дело за командой и судном.

— Сколько нужно человек для нормального управления яхтой? — Поинтересовалась Ольга.

— Да управлять может и один, — смутился старый моряк, — только без смены долго вахту не прстоишь. Нужно минимум три человека, чтобы стоять на штурвале. Ну, и..., хотя, троих достаточно. С прокладкой я сам управлюсь.

— Значит, будем считать, двое уже есть. — Ольга ткнула себя в грудь. Матрос из меня неважный, но, обещаю, научусь быстро. А вот о третьем будем думать.

— Простите, Иван Максимович помялся, не решаясь спорить с хозяйкой. Но ответственность победила. Стоять вахту — это не просто. Я обязан предупредить, что...

— Опять? — Ольга рассмеялась. — Дорогой мой мастер, во-первых, давно хотела попросить обращаться ко мне на «ты». Это даже не просьба, а указание. И второе: поверьте мне на слово, я достаточно сильна, чтобы выдержать качку».

— Ладно, верю, и Вы сможете стать отличным матросом. Значит, ищем третьего и продолжаем подготовку. — Не желая затягивать спор, подвёл итог капитан.

События завертелись так, что у них не оставалось свободной минуты. Деньги зачислили, и продавец, перегнав яхту на лодочную станцию, передал ключи и документы новым хозяевам. Яхта качалась на лёгкой волне возле низенького пирса. Только теперь Ольга смогла как следует рассмотреть её. Увиденное поразило.

Три полноценные двухместные каюты, два салона, верхний и нижний, две туалетные комнаты с отдельными душевыми кабинами. Интерьеры, выполненные в классическом корабельном стиле, с обилием дерева, в частности, вишни, материал обивки мягкой мебели — кожа. Есть полноценный камбуз и даже винные погреба.

В отличие от неё старый капитан был в восхищении от другого.

— Оля, — в возбуждении теребил он её. У неё расход один литр на милю, — ты представляешь? Двигатель всего четыреста пятьдесят сил, а может развивать скорость в восемнадцать узлов. Вспомогательный двигатель, радарная арка заваливается дистанционно, пройдёт практически любой мост. А осадка всего сто двадцать сантиметров. Мы же к любому берегу подойти сможем. Ты знаешь, она своих двухсот семидесяти тысяч стоит.

Вот поверь моряку. Стоит.

— Единственно... — Капитан озадачился, — я приказал крышу заварить. Она сдвижная, а это минус. На хорошем шторме может сорвать запросто. И на стекла усиление распорядился изготовить. Это самое слабое место. Вылетают уже на семи баллах. Красоты конечно поменьше, зато сухо будет.

— Как скажете, капитан, — весело согласилась Ольга, — я в эти вопросы не лезу. Занимайтесь.

Так прошло несколько дней. Она настолько привыкла к браслету, что почти не замечала его. Только, когда кто-то начинал рассматривать вещицу слишком внимательно, не в силах оторвать глаз, прятала под рукав. И уже несколько раз предлагали ей за него такие деньги, что даже страшно вымолвить. Однако пока удавалось отшутиться. Вещь, мол, старинная, цены немалой, подарок папин...

А сама она, взвешивая варианты, обдумывала самый важный вопрос. Конечно о третьем члене команды. Что греха таить, сложность в этом деле не поспешить, а не угадать. Был у неё вариант.

Познакомилась она при довольно пикантных обстоятельствах с одним пареньком. Хотя по возрасту, может, лет на десять всего старше её, но простоват больно.

Служил тот в своё время под Лехиным началом «срочную». Потом оказался в службе безопасности одной хитрой фирмы. А когда Ольга попала в оборот, выручил её. Поверил дикому рассказу девчонки и помог устранить самого главного противника. Однако пути разошлись, и вот уже с полгода ни слуху, ни духу о нём. Хотя, если честно, Ольга обставила уход так, чтобы не дать своему нечаянному приятелю возможности её разыскать.

«Ни к чему лишний хвост», — решила она и ушла по-английски.

И вот теперь, взвешивая все «за» и «против», размышляла. «За» — было то, что паренёк, вроде, без червоточины. И воспоминания Алексея о нём, хоть и комичные иногда, но без какого-то осуждения. А «против» — то, что срывать человека с места не очень хотелось. Всё же, что ни говори, дело предстояло совсем не простое.

«Может и не захочет ещё? — отговаривала она себя, тем не менее понимая, что лучшего варианта, всяко, нет. Ладно, что гадать, делать надо». — Наконец решила она.

Позвонила с чистого номера. — Здравствуй, Глебушка, узнал?

— Оля! — Чуть не оглушил криком собеседник. — Где ты? Куда пропала? Я...

— Стоп, стоп. Не шуми, туточки я. — Оборвала она вопли абонента. — После обо мне. Ты как? В порядке?

— Да, я-то в порядке. — Отозвался собеседник, чуть дрогнул голосом, но выправился и снова зачастил. — Где ты живёшь? Как найти?

«Тфу ты», — Ольга убрала трубку от уха, давая ему высказаться. Когда взволнованный голос чуть стих, заговорила снова.

— Я так понимаю, встретиться, поболтать ты не против? Вот и здорово. Давай в двенадцать возле «левой» лошади. — Сориентировала она.

Глеб врубился и коротко подтвердил. — Есть, понял, буду.

— Ну, до связи. — попрощалась Ольга любимым выражением Алексея.

На Невский приехала загодя. Что-то в голосе старого знакомого насторожило.

«Непонятки» у мил дружка. Лучше подстраховаться». — Проклянулось спецназовское прошлое.

Глеб пришёл вовремя. Однако не тот, уверенный в себе и даже слегка нагловатый начальник службы охраны, с которым она увлекалась подрывным делом в Комарово. Потёртый вид. Не сказать сразу, в чем эта потёртость проявляется. То ли в чуть измятом плаще, или отросших сверх меры волосах. А может, в походке, ставшей немного иной.

«Сдал парнишка. — Вынесла вердикт Ольга. — Попивает. Не так, чтоб профессионально, однако, уже на продвинутом уровне. Но слежки за ним нет. Это уже радует». Она вышла с той стороны улицы, которая при обстреле была наиболее опасна, как гласила бронзовая табличка, висящая на фасаде, по соседству с корявым граффити.

— Глеб. — Окликнула она приятеля.

Тот обернулся. Замер, словно увидел кого-то давно ожидаемого, и вдруг понял, что обознался.

«Никак он ту девочку забыть не может. — Поняла Оля.

История простая и одновременно трагичная. Начальник охраны влюбился в дочку своего босса, да и та, вроде, была к нему равнодушна. Однако вмешалась суровая проза жизни. Девочку убили. Так, по деловым показаниям. А вместо неё подсунули всем Ольгу... Ну, скажем — очень сильно похожую. Охранник решил вывести фальсификаторов на чистую воду, а тут и хозяина его не стало. Всё как по нотам.

Чуть было тогда парень Ольгу не застрелил. В расстройстве. Спасло его только Олино благодушие. Не стала ему сразу голову отворачивать, а после разобрались. Оказалось — совсем неплохой

парень. Только вот в Ольге он то и дело свою, ту, сбитую девочку видел. Потому и сбежала, чтобы душу ему не рвать. Думала, забылось. Поторопилась, выходит».

Они стояли рядом. Глеб, кинувшийся обнять, тормознулся и неловко замер, не зная как себя вести.

И тут, из вереницы медленно ползущих по Невскому авто вывернул неприметный седан, вильнул, огибая зазевавшуюся Волгу, и замер у обочины. Гудки негодующих участников движения его явно не тревожили. Все двери легковушки синхронно распахнулись, и наружу высочила четвёрка плотно сбитых парней явно прикладного толка.

— Стоять, сама. — Рывкнула Ольга, мгновенно оценив ситуацию. — Стрельбы только не хватало.

Её уверенность, словно разлитая в воздухе сила, сковала действия напарника. Глеб замер.

Крутанув головой и поняв, что кроме четвёрки рейнджеров нападающих нет, она сама шагнула навстречу первому из летящих к ним нападающих.

Описывать действия профессионалов скучно. Ни тебе эффектных прыжков, ни замысловатых уходов. Затянутый в кожу амбал вдруг замер и начал заваливаться на бегущего следом подельника.

Тот сделал шаг в сторону, пытаясь увернуться от столь резко сменившего планы главаря. И сам, ощутив, что земля почему-то уходит из-под ног, перевернулся в воздухе, словно напоровшись на стальную нить, натянутую как раз на уровне груди. Нить перебила дыхание и сдавила горло. Какое нападение?

Руки боевика слепо царапали кожу на шее в бессильной попытке отбросить невидимое лассо. Безрезультатно. А вторая парочка, хоть и смущённая неправильностью развития ситуации, продолжала движение.

Передний, вытягивая из кармана ствол, уже вышел на линию огня, когда что-то мелькнуло у него перед глазами, и всё исчезло

«Картина маслом». — Оценила мизансцену Ольга. Четвёрка копошилась на несвежем асфальте. Картина совершенно непотребная.

Всё действие заняло три-четыре секунды. Глеб, ещё только начавший осознавать ситуацию, наконец, отмер.

— Оля, поверь, я проверялся, чисто было. — Он заторопился, боясь, что напарница неверно поймёт ситуацию.

— Ладно, не время сейчас разбираться. — Ольга махнула рукой. Мелькнул браслет.

— Уходим огородами. — Пошутила она, дёрнув спутника за рукав.

Они нырнули в проходной двор, поплутали между колодцев Питерских реликвий. Наконец, вышли совершенно в невероятном месте.

— Ты знаешь, где мы? — Спросила она Глеба. Тот пожал плечами.

— Да бог его... Здесь и коренной не разберётся. Глянуть надо.

Они пошли вдоль тихой набережной. — Вот как вышло, — начала Ольга. — Только встретились, и тут же приключения. Рассказывай, что за проблемы. — Она построжела, видя, что спутник закатил глаза к небу, намереваясь плести небылицы. Врать не советую. Правда и ничего кроме правды...

Глеб совершенно неприлично расплылся в радостной улыбке.

— Оля, ты совсем изменилась, а всё такая же. — Несуразно начал он.

— Эй, оставь, что за привычка начинать с комплиментов. Коротко. Кто? Где? Чего надо? Казалось бы куда проще. — Она смягчилась. — Ну, а потом за жизнь поболтаем. У меня, кстати, есть к тебе одно дельце.

После всех событий в Комарово живым-то лишь я остался. — Начал Глеб.

— Тебя они тоже посчитали в доме погибшей. Таскали с месяц. Но обошлось. Отвязались. Дело закрыли, а может, висит ещё, не знаю. Но это власти. А вот криминалы, что с Юрием Петровичем работали, земля ему камнем, — озлобился Глеб, — не успокоились. Трясли меня куда как плотнее. Было у них подозрение, что... Ну, ты понимаешь. И видно телефон на ухо поставили, или ещё как, только, отследили.

— Да. Коротко и сердито. — Вырвалось у Ольги. — Что за народ. Всё им денег мало. Суется, стреляют. Ладно, проехали. Теперь пусть они нас боятся. — Она сказала это просто, и не задумываясь. Но Глеб почему-то ей поверил. И пожалел бандюков. Причём искренне. Совсем даже не та шла рядом с ним девочка, что полгода назад. Хотя и тогда была она сплошная тайна. Сейчас рядом с ним шагала не просто молодая симпатичная женщина. Исходила от неё непонятная сила и уверенность. Казалось, нет на свете ничего, что могло её испугать. Да как объяснить? Он просто знал, что всё в её словах — правда. А то, как она расправилась с четвёркой, вообще за гранью понимания. Сам неплохой боец, он так и не понял, как она заставила этих мордovorотов улечься на асфальт. «Мистика какая-то».

А Ольга продолжала: — Собираюсь я, Глебушка, заняться морским туризмом. Вот, ищу компаньонов. Пойдёшь со мной? Яхту купила. Капитан опытный. Однако, потонуть можем, запросто. Ну?

Глеб замер, невольно закашлявшись. — Оля, я от тебя всё, что угодно ожидать мог. Но такое?

Авантюристка поморщилась, логично предположив, что следом начнутся вопросы и советы подумать. Она положила руку на плечо приятеля. — Я всё решила, вопрос не обсуждается. Спорить не буду. Не хочешь, найду другого. Решай. Или вот что. Ответь, что тебя здесь держит? Работа? Жена? Любовница? Пока я вижу только непонятные разборки и беготню от криминальных инсургентов, — блеснула она малопонятным словом. Глеб помолчал, потом вдруг наклонился к ней и смущённо произнёс. — Я плавать не умею, и воды боюсь.

Она весело засмеялась, — И все? Да вот это как раз самое простое.

Если что случится, будь мы хоть трижды чемпионами по плаванию, не выплывем. А с психикой, надеюсь, справишься. Вспомни, как в первый раз на прыжках орал. Леха тебя за шкурку выкидывал.

Глеб смущённо отвернулся, пряча внезапно вспыхнувшее лицо: — Нет, всё же ты ведьма.

Он, вроде, пошутил, но что-то мелькнуло в голосе: — Откуда про это знаешь? Ну, не мог ведь он тебе всю жизнь пересказать. Ты, кстати, так и не рассказала, кто он тебе. Сбежала и ни слова, ни записки.

— Я думала, тебе тяжело будет вспоминать об Ирине. Поэтому и уехала. — Призналась Ольга.

— Думала она. — Пробурчал Глеб, — Ох, не могу на тебя сердиться. А куда плыть собираешься? — Спросил он, как бы невзначай.

— Тут рядом. В Перу. — Отмахнулась вредливая собеседница. — Глеб, не тяни резину, вижу ведь, согласишься. Ну, три, четыре. — Она кивнула, приглашая продолжить.

— Согласен. — Расплылся в улыбке паренёк. — Как тебя одну на край света отпускать. Ты же всю их наркомафию в расход выведешь. — Пошутил он.

— Вот и хорошо. — Девушка подвела черту. — Давай сделаем так. Ты собираешь вещи и тихонько исчезаешь. Телефон в помойку, писем не оставлять.

— Короче, встретимся завтра вот по этому адресу. — Она прошептала ему название яхт клуба. — Поселим тебя на воде. Не волнуйся, там всё по высшему разряду. Как в «Астории». Да и я туда переберусь. Раз возникла ситуация, то продолжение, как говорится, следует. А нам проблемы не нужны. Вместе и отбиться легче будет. Да и ты, если что, выручишь. — Польстила она компаньону. Заодно с капитаном судна познакомлю. Хороший,

кстати, дедок.

Однако, придя в гостиницу, она застала капитана в тяжёлом раздумье.

— Иван Максимович, что с тобой? — Поинтересовалась, заметив его состояние.

Тот погладил бороду и нерешительно глянул на собеседницу: — К дочке я заходил. Беда у неё, мужу рука отказала, парализовало.

Вот, как ты к ним зашла, так и отказала. Он по врачам, те руками разводят. А рука как плеть висит. Как она одна-то с ребёнком да с инвалидом останется? Плачет шибко.

— Значит, так понимаю, опять не слава богу, — вздохнула Ольга.

— А Вы, дорогой «Мастер», не подумали, что если он выздоровеет, то Вас опять на вольные хлеба выгонит. Он ведь ничему не научился. Такое уж воспитание. Вы же опытный человек.

— Всё понимаю, Оленька, — тяжело вздохнул старик. — Но как тут быть? Она же дочка.

Ольга изумлённо покачала головой.

— Нет, всё же толстовец. — Буркнула она под нос. — Ладно, — добавила громче. — А если выздоровеет, не начнёте вилить?

— Да, если не беда, разве я смог бы... — Бессвязно забормотал старик.

— Хорошо. Считайте, ожил зять Ваш дорогой. Но, вот помяните моё слово... — Она не закончила, понимая бессмысленность дальнейших разговоров.

— Вы мне скажите, лучше, как с дополнительным баком? — Перевела она разговор в практическую плоскость.

— Бак почти готов, установили, осталось горловину наварить, и можно заправлять.

Ольга сперва хотела разместить в топливном баке тайник, для кое-каких мелочей, вроде дорогого её сердцу Винчестера, однако, раздумала. «Баловство это всё. С коррупцией у нас борются давно и пока с переменным успехом. Так что гораздо легче заплатить кому-надо и пройти досмотр по облегчённому варианту, чем городить тайники.

Выполняя данное старику обещание, вновь заехала на знакомую улицу, где жил его болезненный родственник. Честно, без всякого желания.

«Не мне их судить, — наконец решила она. — Дед сам выбрал».

При виде её хозяин, уже растерявший большую часть своего гонора, приподнялся с кровати, на которой лежал, баюкая

недвижимую конечность.

— Выйдем, — коротко бросила Ольга.

Они вышли на лестницу.

— Говорить долго не буду. — Она старалась не смотреть ему в лицо.

Будь моя воля, фиг бы я пришла. Старик больно переживает. Но, запомни. Ещё раз, хоть слово против него или дочки его вякнешь, не только руки, ноги поднять не сможешь. Как в сказке про Колобка остаток дней доживать придётся. Понял?

Оробевший мужичок согласно закивал головой.

Она брезгливо вытянула палец, прижав к его плечу. Мысленно провела энергию по каналу и отпустила. — Всё, свободен.

Не дожидаясь продолжения, двинулась вниз по лестнице. А пациент, не веря себе, медленно пошевелил ожившей рукой и нерешительно сжал пальцы.

«Не сказать, что он совсем уж подонок, — размышляла она, шагая прочь. — И почему ты решила, что можешь ломать его жизнь?

Стоп, это я от «толстовца» нахваталась. — Оборвала она себя. — Хватит».

Подготовка продолжалась. Уже закупили провизию, выправили необходимые документы. Топливо решили залить в последний момент.

Месяц ушёл на всевозможные согласования, оформления и нестыковки. Да и подготовка самой яхты заняла значительно больше сил и средств, чем планировали. Но, в первых числах июля, наконец, созрели.

Они сидели в каюте. Ветерок с Невы легонько задувал в открытый иллюминатор. День выдался не жаркий.

— Завтра последний выход, и можно трогаться. — Обыденно сообщил капитан, помешивая остывший чай в стакане с матёрым мельхиоровым подстаканником, который старик берег пуще глаза.

— Талисман. — Говорил он, любовно поглаживая тёмный узор на металле. По всем морям со мной прошёл.

Ольга, с облегчением вздохнула. — Слава богу. А то думала, никогда не соберёмся. — Ворчливо прокомментировала она, в глубине души, однако, испытывая огромную радость.

Глеб, умудрившийся загореть на неярком Питерском солнышке до кофейной черноты, сидел молча. Он втянулся в работу и был занят мыслями о том, как лучше разместить двадцать коробок с компотами, которые где-то выцепил сноровистый капитан.

Громкий хлопок и вспышка. Едкий дым повалил от влетевшего в окошко предмета, по палубе застучали тяжёлые шаги кованных ботинок. В каюту влетели две упакованные в камуфляж фигуры.

— Лежать, работает спецназ. — Нагоняя жути, заорал передний и мощным ударом опрокинул Глеба на палубу. Все замерли. Преимущество было явно на стороне нападающих. Теснота каюты и скученность играли на руку визитёрам.

Ольга, сохраняя спокойствие, медленно опустилась на корточки, подняв руки за голову.

— Всё в порядке, Мастер. — Вполголоса произнесла, обращаясь к капитану. — Вы вообще не причём. Она вгляделась в нашивку продолжающего сольную партию маскарадного персонажа. «Спецназ, уже легче. Всё не бандиты».

Бойцы сноровисто заковали присутствующих в наручники и замерли, контролируя каждое движение задержанных.

— Максимыч, — прошептала Ольга, — тебя через пару дней выпустят, будь на судне. Жди. Мы вырвемся. Когда, не знаю. На уговоры не поддавайся, ничего не подписывай, помни, нет за тобой грехов...

— Разговоры — Гаркнул боец в маске. — Приклада хочешь? Молчать.

Их выволокли на пирс и загрузили в подъехавший «Соболь».

Автобус, собранный на базе «Газели», был оборудован несколькими зарешеченными «собачниками», так что перекинуться словом с Глебом Ольге не удалось. Однако перехватив взгляд, отмаячила: «Не дёргайся. Всё беру на себя».

Глеб, поняв, что Ольга собирается выгораживать его, покатал желваками, но подтвердил команду.

Ехали недолго. Врубив сирену, спецмашина перла по осевой, сгоняя особо нерадивых криканьем и рёвом в мегафон.

«Развлекаются ребятки. — Усмехнулась Ольга. — Кто же это нас принял? Вариантов несколько. Или по наводке бывших друзей покойного куратора, обломившихся возле памятного места на Аничковом мосту, или... Она задумалась. А не «Атолловские» уши торчат? Они, вообще, не дураки, вполне могли раскрутить главного инженера и без моей помощи. Ну, а дальше, как говорится, дело техники. Заявление, приправленное приличной суммой, гораздо эффективней просто заявления. А если сумма очень приличная, то и заявления не надо. Сошлются на оперативную разработку и, за милую душу, на месяц, как

«организованных» упакуют. За это время из святого можно Иуду вылепить. А уж меня, если всерьёз начнут разрабатывать, и подавно... Ох, интересно им станет. Ладно, поживём, увидим». — Она закрыла глаза и откинулась к прохладной решётчатой стене.

Во дворе, огороженном пятиметровым оцинкованным забором и увенчанным спиралью-путанкой, ожидал конвой.

«Внутренние, так сказать, войска. — Мелькнула у неё в памяти Лехина шутка. — Да ещё из внутренних органов. Прямо, загадка.

Однако работали они, нужно признать, споро. Выводили по-одному, слышались только короткие команды да редкое взлаивание сторожевых собак. Ольга шла последней. Во дворе, кроме пятёрки конвоя, не было никого.

Спецназеры, сдав задержанных злодеев, ускакали праздновать «успешное задержание опасной банды».

В комнате приёмки отобрали все вещи, обыскали. Не то, что грубо. Обыденно. В ходе осмотра у Ольги пару раз возникло горячее желание прекратить этот балаган. Она точно знала, что удержать её не смогла бы вся опереточная ВОХРа, но удержало понимание. «Сбежать — не проблема. А что потом. Как выходить в море?

«Ждать, надо ждать». — Успокоила она себя.

Никаких обвинений, никаких объяснений. — Узнаете после. — Ответ обтекаемый и конкретный. Мол, отстань, мы и сами не при делах. Наше дело тебя принять, а что, почём, это в другое окошко.

Через час заселили. Камера оказалась вполне комфортабельной. По размеру, правда, чуть больше каюты на Ольгиной яхте, а вместо дуба и кожи — масляная краска и ржавое железо. Духота, это само собой. Маленький вентилятор не спасал. В пятиметровой камерке находилось человек пятнадцать.

Ольга, не знающая всех этих понятий, решила. «Люди везде люди, а если что не так, это их проблемы».

Она осмотрелась, поздоровалась в никуда и спросила, громко, но спокойно. — Кто здесь старший? Подскажите, как определиться.

Полог у ближней к решке кровати отодвинулся, и на бетонный пол прыгнула огненно-рыжая девка с нахальными, слегка косящими глазами.

— Чего орёшь? Не видишь, люди отдыхают. — Слегка подзагрузила она новенькую. — Первоход, что ли? Понятно. Чего предъявили?

— Молчат. — Нехотя ответила Ольга, не зная, стоит ли начать геноцид прямо сейчас или подождать развития событий.

Но девчонка добродушно кивнула: — Ты не шугайся, здесь почти все бытовые. Никто не «наедет». Спать будешь в третью смену, спроси там у кого. Объяснят. Ну, а если непонятки какие, меня Жанной звать, я, как бы сказать, тут «на-старшинку».

Ольга устроилась на краю койки, застеленной жёстким одеялом, и задремала. Полудрёму оборвал чей-то громкий голос.

— Ах ты, вобла сушёная. — Разорялся противный бас. Из редких печатных слов Ольга поняла, что кого-то обвиняют в воровстве. Она глянула в проход. Худенькая, одетая в выцветшую китайскую кофту, девчонка, пыталась отпихнуть наседавшую на неё бабу весом в центнер. Тётка умело таскала противницу за волосы, при этом не уставала сотрясать воздух перекатами виртуозного мата.

— Стоять. — Рывкнула из своего угла Жанна. Что за шум, что не поделили?

Бабища набрала в аршинную грудь воздух и затарахтела. — Эта тварь после меня спала, я под подушку спрятала, а проснулась, смотрю, нет. Точно. Крыса спёрла. — Она вновь потянулась к голове оппонентки.

— Ну? — Глянула на девчонку разводящая. — Что скажешь?

Та оглянулась, словно ища защиты, и, наконец, произнесла. — Я не брала.

Видно было, девчонка боится громадной противницы и не в силах связно ответить на претензию.

— А это чего? — Громогласно объявила та, указывая пальцем на задний карман девчонкиных джинсов, откуда торчал кончик какого-то платка.

— Покажи. — Веско предложила судья.

В маленьком носовом платке оказались завернутые в сторублевую купюру серёжки с тусклыми камешками.

«Вещь грошовая, но важен сам факт». — Поняла Ольга.

Тем временем Жанна, приняв решение, собралась оповестить о нём остальных.

— Погоди. — Приподнялась с места Ольга. — Сдаётся мне, наветом пахнет, — выбрала она литературное выражение. — Спроси-ка ты и у этой. — Кивнула она на «правдоискательницу». — Пусть честное слово даст. Ну, поклянется.

— А чего? Всё чётко, «доказуха» на кармане, чего тут выяснять? — Удивилась рыжая. — Хотя, не убудет. — Слышь, ты. Подтверждаешь предъяву? Под протокол забожись.

Толстуха зыркнула на Ольгу, но вступать в пререкания не посмела. Выпрямилась и произнесла. — Она у меня серёжки спёрла, чтоб я сдохла, коли вру.

— Ну, что? Глянула «старшая», теперь довольна?

— А ведь за язык не тянули. — Оля свела губы в невесёлой улыбке, поднялась и медленно приблизилась к горой возвышающейся над кроватями уголовнице. Касание рукой, совершенно неприметное и лёгкое, даже не насторожило бабищу: «Провела девка пальцем по шее, и чего? Может, она из этих? Усмехнулась кобла, но... додумать не успела.

Всё вокруг крутанулось и поплыло. Дружный вздох и тяжёлое падение. Тётка, только что колоссом возвышавшаяся над вторым ярусом, рухнула на пол и забилась в конвульсиях. Лицо посинело, глаза выкатились из орбит. Она сипела, тщетно пытаясь вдохнуть.

Ольга пожала плечами. — И что теперь? Если покойника в камере найдут, сильно мотать будут?

— Душу вынут. — Жанна механически кивнула. — Это точно.

— Тогда попробуем без жмуров. — Ольга нагнулась к теряющей сознание тётке. И громко, отчётливо, произнесла.

— Если правду скажешь, оживёшь. Но торопись, секунд пять тебе осталось.

На последних глотках воздуха та просипела. — Соврала.

Короткое нажатие тоненького пальца за ухом, и она, жадно хватая воздух, зашлась в долгом лающем кашле.

— Всё слышали? — Ольга повернулась к Жанне. — А ты говоришь: «Чего тут решать?»

Сама подсунула, на девчонку поклёп возвести решила.

В камере повисла тишина, прерываемая только стонами оживающей бабы и всхлипыванием девчонки.

Ольга присела рядом с плачущей девчонкой. — Всё, успокойся, разобрались. Ну, кому говорят, хватит.

Понемногу та угомонилась. Затихла и ушлая тётка.

— Как звать? — поинтересовалась Оля у соседки.

— Наташа. — Шмыгнула носом сокамерница.

— За что взяли?

— С Новгорода я, без регистрации...

Семья Натальи была пьющая. Профессионально. Отец, рукастый и смышлёный мужик, встретил перестройку мастером автосервиса. Выпивал, но в меру. Однако шальные деньги, что потекли в карман после открытия российских границ для европейского автометаллолома, сгубили мужика. Дальше скучно.

С работы не выгнали, но перевели на самый грязный участок. А после того, как умудрился запороть движок на бешено дорогом джипе, в мойку. Хорошо, «на хату» не выставили. Незаметно подтянулась жена. По субботам, а потом и в будни. Наташка скандалила, пыталась достучаться, но, увы. Вход копейка, а вот выход... Не выдержав вечной пьянки, едва получив аттестат, удрала в Питер. Ждали её там. Без особых знаний, без денег и

связей. Итог известен. Уехала в чем была, устроилась прислужой. А у них коробка с кафелем пропала. На меня заявили. Кафель дорожный, итальянский, теперь в крупных размерах предъявляют. А зачем мне кафель? Я эту коробку и поднять-то не смогу. А они говорят, все вы дохлые, пока до навару не дошло. Ругаются. — Она снова тихонько засопела.

Ольга покачала головой. — А и правда, не ты? Мужик-то хозяйский к тебе клинья не бил?

— Не я, честное слово. — Вскинулась девчонка, — Точно, хозяин в тот день сильно подпитый приехал, всё ко мне приставал. А как сказала, что пожалуюсь, ещё пригрозил, мол, пожалею. Может и впрямь он. Да, только всё одно, мне сидеть.

Ольга хмыкнула, удивляясь изгибам жизни. «Тут на шее «жмуров», за десяток висит. А у неё грошовый кафель? Чудны дела твои...»

Размышления прервала Жанна. Она тихонько спросила. — Слышь, подруга, ты что, всё можешь? — спросила она, находясь под впечатлением последних событий.

— По-разному. — Не стала вдаваться в подробности сокамерница.

— Но с этой ты лихо разобралась.

— Я? — Ольга искренне удивилась. Она сама с собой чуть не разобралась. Могла бы ведь решить, что блефую. Тогда точно кранты.

Жанна оторопело уставилась на собеседницу. В глазах у неё плеснулся страх.

Она промолчала, только, уходя, шепнула. — Ты осторожней. Баба злопамятная, её по «мокрой» статье закрыли. Как бы не отомстилась.

Ольга весело засмеялась: — Спасибо. Её развеселила картина возможной схватки. — Постерегусь.

— А тебя как звать? — успокоилась, наконец, девчонка. Она заинтересованно глянула на спасительницу.

— Ольгой меня зовут. — Ответила та. И добавила. — Ладно, успеем, поговорим ещё. Отдыхай. А я подумаю.

Однако не удалось. Ужин, суэта сокамерниц. Стук тарелок. Наконец, все уgomонились.

Свет в камере продолжал гореть, однако время уже близилось к полуночи. Ночная смена легла, и остальные прикорнули кто где.

Камера затихла. Ольга прислонилась к перекладине и задремала. Сон, не сон — лёгкое видение. Она перебирает документы в офисе Атолла. На глаза попалась неприметная папка с рядом цифр и фамилий, мимоходом просмотрела её и сунула в

карман сумки. Привычка разведчика. «Надо же, а ведь эти листки там и лежат. — Сквозь сон удивилась она. — А вот где сумка? Стоп, а не вместе с винчестером я её припрятала? Точно, сумка, скроенная на манер парашюта, в собранном состоянии занимала всего ничего, а если развернуть, танк можно спрятать.

Ну, и к чему это мне?» — Не поняла Ольга, вырываясь из сна. И тут заметила, что к ней приближается отвратное лицо неудачливой «мокрушницы». Видимо, Жанна недаром стала главной в камере и в людях разбиралась.

«В крайнем случае, от удара уйти всегда успею, может, поцарапает чуть». — Спокойно подумала, ожидая продолжения. А злопамятная толстуха, сжимая в кулаке заточенный гвоздь, уже тихонько склонилась к ней. Рука пошла на замах. Движение ускорилось. Она явно намеревалась загнать грозное орудие в печень ничего не подозревающей жертве. Мягкий, обволакивающий блок, и несильный толчок в локоть. Вместо прямого, разящего удара рука злоумышленницы невероятным образом вильнула и со всего маху воткнула пику в живот своей хозяйке. Удар оказался такой силы, что оружие вошло по самую ручку. Баба закачалась и повалилась на лежащих в первом ярусе арестанток. Рука замерла, сжимая обмотанную тряпицей рукоятку самодельного стилета.

Перепуганные женщины в страхе смотрели на извивающуюся в агонии самоубийцу. Несколько секунд, и она замерла, изогнувшись в невероятной позе, но, так и не выпустив из рук заточку.

— Так понимаю, факт самоубийства оспорить будет трудно? — спросила Ольга у подскочившей Жанны.

Та пришла в себя, присмотрелась к покойнице и широко перекрестилась, кивнула.

— Эй, там, в дальнем. — Крикнула она, — зови вертухаев, пусть выносят. «Толстая вскрылась».

И, уже отходя, пробормотала. — Интересно, кто такой, больной на голову, тебя закрыть удумал?

Удивительно, на допрос Ольгу вызвали уже на другой день. Скорее, это был даже не допрос, а очная ставка. Хотя, как назвать встречу главы не последнего в мировом рейтинге холдинга с подследственной. Причём, в комнате допросов, кроме них, не было никого.

Ольга встречала этого холёного господина в бытность свою клерком компании. А вот он о её существовании узнал совсем недавно.

Как она и боялась, служба безопасности, получив анонимный подарок в виде полного расклада хищений в сибирском филиале, не очень и обрадовалась.

— Кто это, осведомлённый в нашей кухне, нам «добряк подогнал»? — Образно выразился глава СБ.

Матёрый в прошлом опер, он никак не мог избавиться от уголовного жаргона. Впрочем, работе это не мешало. Рыть начали в двух направлениях. В первую очередь, по сути компромата, и одновременно из всех сил пытались разобраться в личности доброхота.

— Профи справились быстро. Ольгу, вернее, ту, под кого она маскировалась, вычислили не просто, а очень просто. Умелый спрос мигом развязал языки сибирякам. И те, опережая друг друга, поведали о шустрой москвичке, раскопавшей договора, и сложившей два и два.

«Во как? — Удивились Атолловские опера. — Смотри, какие у нас клерки отчаянные».

Глянули внимательно её личное дело. И вот тут им поплохело всерьёз. Девочка оказалась с таким шлейфом загадок, что без бутылки не разобраться. Попала в страшную аварию, поправилась за неполных полгода. Отец, генерал ФСБ, пусть и в запасе. Да, только всем известно, что бывших чекистов не бывает. И вот он погибает, и жена тоже. Девочка, ставшая владельцем неслабого капитала, не успев затвердить права наследования, тоже гибнет. И с ней вместе подрывается тоже, к слову сказать, генерал, и, надо же, ФСБ.

А Звягин имел репутацию самого хитрого и жестокого рейдера.

— Это уже водевиль какой-то? — не выдержал шеф холдинга, когда ему доложили всю картинку. — Ага, сколько у девочки зарплата была? Да она за квартиру, поди, платила в два раза больше. Короче, в дерьме вы, господа. — Отбросил он документы. — Сдаётся мне, и я вместе с вами. Вы что, не понимаете, это

она... Она нас развела.

«Крот» это был. Звягинский крот, понятно? И не думаю, что девчонка в особняке сгорела. Всех опознали, и только от неё ничего не нашли. Ну, менты, понятно, им лишний глухарь не нужен. А вы-то куда смотрели? Короче. Что делать будете, не знаю и знать не хочу. Платите, пытайте, но чтобы её нашли. Понятно? Вперёд и с песней.

Деньги ему, в принципе, было не жаль. Тем более, Звягин уже в прошлом, но, дело принципа: «Воровать, у меня, не позволено никому».

— Найти и, чтоб неповадно другим было, высечь, показательно. — Распорядился магнат.

И вот она перед ним.

Максимов всмотрелся. — «Привлекательное личико. Миниатюрная фигурка. Словно и не из камеры привели... Вот только глаза не в масть. Не такие глаза у неё быть должны. А здесь, спокойствие и уверенность. Вроде, это не её ко мне на аркане приволокли, а она снизошла до общения.

Странно. — Насторожился олигарх.

— Допрыгалась, Ирина? — Прервал он затянувшееся молчание.

Ольга внимательно глянула в лицо воротилы: «Нормальный, с виду, мужик. Умный, сильный. Может, чуть испорченный деньгами и властью? Но, было бы странно, кабы падал от голода, что твой нарком продовольствия.

Не понравилась ей, сквозящая в каждом движении, уверенность в своём праве распоряжаться чужой жизнью. Даже странно, что такое, вполне объяснимое его поведение, вызывает столь сильную неприязнь.

«Болею, что ли? — хмыкнула она про себя. — Или это общение с «толстовцем» сказывается? Сама-то лучше?» — Так и не разобравшись в своих чувствах, продолжила изучать гостя.

— Ну, что, допрыгалась? — Спросил, наконец, гость. Вопрос прозвучал риторически.

— Не бейте, дяденька. — Сорвалась она в плач. — Я всё скажу. Всё, всё. И где алмазы зарыты и куда труп спрятали.

— Какой труп? — Опешил Максимов. — Ты что, сдурела? — Он искренне недоумевал. Уж больно здорово она сыграла страх и растерянность маленького человека.

— А, так Вы не из-за старухи? Нет? — Вмиг успокоилась шкодливая девчонка. — Тогда, я не знаю.

А вообще..., и впрямь, что тянуть? — Она внезапно и неуловимо изменилась, и олигарх почувствовал себя дураком.

— Значит, так. Упростим задачу. Давайте от выяснений, кто

прав, кто виноват, перейдём к делу. — Она закинула ногу на ногу и внимательно взглянула на олигарха. — За моё задержание ответите особо. Хотя, это, в принципе, семечки. А, касательно денег, что я с главного инженера получила, так все вопросы к нему. Украл их он. Его и трясите. А мне спасибо сказать нужно. Но, думаю, на конструктивную беседу Вы пока не способны. Поэтому, я сейчас коротко изложу свои требования. Она протянула руку и вдруг коснулась его руки. Да у вас пульс что-то частит. На сердце не жалуетесь? — Провела по запястью прохладными пальцами, несильно нажала.

Собеседник с негодованием вырвал руку и не смог сдержать возглас удивления. — Нормально у меня с сердцем, а вот у тебя морда не треснет от требований? — Совсем попросту выразил он своё мнение.

— Выслушайте, а потом будем выяснять, что и у кого треснет, простите за вульгаризм. Итак...

Но прежде я, уж простите девичью болтливость, не с кем здесь особо поболтать, расскажу, как пройдёт Ваш сегодняшний вечер. Рассказ будет недолгий, но содержательный, поэтому прошу не перебивать.

Заинтригованный олигарх решил: «Пусть болтает девчонка, а я пока сделаю выводы и решу, что с ней делать».

— Вы, Андрей Григорьевич, от меня двинетесь к начальнику Вашей службы безопасности. Устроите разгон и потребуете, чтобы он к завтрашнему утру представил Вам..., ну, это неинтересно. И поедете Вы на свою дачу, она у Вас за фирмой числится, но Ваша. И вот, где-то часов в девять или, чтобы быть совсем точными, в девять ноль семь, сядете в кресло и потянетесь к пульту, посмотреть, что творится в мире. И вот тут Вас прихватит. Оно. Милое. Никогда ведь не болело, а тут: ни вздохнуть, ни охнуть. За грудиной огонь, в лёгких вата. В голове туман. Голос её странно замедлился, стал тягучим и проникал в самую душу слушателя.

И поймёте Вы, Андрей Григорьевич, что вот она. — Продолжила Оля. — Стоит перед Вами та самая дама с косой, свидание с которой не назначают.

И миллионы Ваши достанутся всем, кому ни попадя, а Вам достанется уютная могилка два на два с роскошным мраморным памятником. И так Вам станет тоскливо, что не передать. Дальше слушайте внимательно, — подняла палец Ольга, увидев, что слушатель порывается вставить своё слово. — Повторять не буду, а от того насколько правильно Вы всё это исполните, зависит Ваше благополучное избавление от, скажем так, неприятности.

— Так о чем это я? — припомнила Ольга. — Ага. Первое, звонок вашему милицейскому приятелю с приказом немедленно

освободить меня и моих спутников и доставить на яхту. С извинениями. Это важно. Чуть полегчает.

Вы решите, что я Вас развела, озлобитесь и попытаетесь своё распоряжение отменить. И вот тут долбанёт, очнётесь минут через пять, ну, отдышаться Вам пару минут хватит. Дальше, приказ начальнику охраны. Забыть наши имена. Никаких слежек, прослушек. Навсегда. Денег я с Вас не возьму. Что я, рэкет, что ли. Вы лучше..., ага, скомандуйте-ка Вы, чтобы отпустили с нами одну девчонку. Она в моей камере сидит. Натальей зовут. За какой-то паршивый кафель её закрыли. Деньги можете за этот кафель сами внести, или пусть Ваш «Мент» расплатится, мне без разницы. Вот, вроде, и всё. И последнее. Поверьте на слово. Опоздаете, уже не откачают. И всё, «карачун подкрался...» — это цитата, не обижайтесь.

— Теперь Вы. Только просьба, без мата. — Закончила слегка издевательский монолог хулиганка.

Олигарх, онемевший от такой наглости, не нашёл, что сказать. Наконец выдохнул. — Ты мне эти пятьсот штук на карачках принесёшь, и ноги будешь лизать. Ясно? Да ты понимаешь, что за суммы в сто раз меньшие на куски людей режут.

Чувствуя, ещё немного, и он кинется на неё с кулаками, подпрыгнул со стула и дико заорал. — Охрана.

Дверь мгновенно распахнулась.

— Ну, погоди, тварь. — Бросил уже на ходу, — завтра с тобой иначе поговорят. Ах ты, сучка. — Он плюнул на пол и выскочил наружу.

— Встать. — Рывкнул охранник. — Вперёд. Руки за спину.

Остаток дня она провела спокойно. Выспалась, поболтала с Жанной. Её положение в камере укрепилось настолько, что сокамерницы разве что не крестились на неё.

— Смотри, — пошутила рыжая, — они скоро кол осиновый с воли просить начнут.

Ольга усмехнулась. — Да я сегодня уже выхожу. Ошибка говорят. Извините.

Жанна недоверчиво покачала головой. — Дай бог, только, чтобы ночью выпускали? Я сомневаюсь. У них график железный. А в ночь тут только охрана. Хотя, тебе видней, — не стала спорить опытная сиделица. — А вообще, я с тобой бы ещё поболтала.

Ольга пожала плечами. — Ну, это не от меня зависит. Если есть какие вопросы, спроси. Может, отвечу.

Жанна задумалась. — Слушай, а ведь и страшно. Это как к гадалке. Только чувствую, ты в сто раз верней предскажешь. Ой,

боюсь.

Ольга улыбнулась. — Не рви себя, а то совсем голову задурила себе. — Ольга упёрлась ладонями в подбородок. — Ох, что-то я закрутилась сегодня. — Наташа. — Обратилась она к девочке, сидящей поодаль. — Хочу предложить тебе со мной в море пойти. В круиз, не шуточный, идти далеко. Но если дойдём, и денег заработаешь, и жениха встретишь. Уж поверь мне, всё у тебя будет.

Девчонка испуганно заморгала. — Я же под следствием? Мне тюрьма светит.

Ольга отмахнулась. — Не бери в голову. Это как раз самое маленькое препятствие. В общем, думай, только сегодня. И не бойся, в обиду тебя не дам.

Наташа осталась сидеть с открытым ртом, а Ольга отошла на своё место.

Взбешённый олигарх выскочил из ворот изолятора и грохнул дверцей Мерседеса так, что водитель подпрыгнул от неожиданности, а охранник рванулся за табельным оружием.

— Поехали. Что заснул. Твою мать. — Сорвал зло на невинном водиле олигарх. Трехтонная машина взвизгнула резиной и снялась, как гоночный болид. Ошалевший от такого невиданного поведения обычно чрезвычайно сдержанного хозяина, водитель втопил педаль до пола.

Едва войдя в офис, Максимов распорядился. — Начальника охраны ко мне, живо. Референт вздрогнул и рванул выполнять. «Даже когда шефу сообщили о потере Нижнеудинского комбината, стоимостью в полтора миллиарда, тот так не рычал. — Что бы это могло быть?» — Терялся в догадках секретарь, вызывая безопасника.

Оповещённый о настроении патрона тот влетел, даже не нацепив галстук.

— Звали, Андрей Григорьевич? — Поинтересовался он, просовывая голову в приоткрытую дверь сановного кабинета.

— Давай, шляется он, — пробурчал слегка отошедший глава холдинга. — Записывай. Всё на эту тварь. Всё отдать ментам.

— «Зарядить» столько, чтобы её на параше сгноили. — Проявил недюжинное знание уголовных реалий бизнесмен. А сами трясите всех, кто с ней связан. Яхту в арест, деньги, что за ней, тоже. Я её, блин, в Африку без штанов... Всё, свободен, выполнять немедленно, к утру доложить.

Отпустив главного охранителя и чистодела, он расслабил галстук и автоматически потянулся к бару. Рука ткнулась в пузатую бутылку. Не глядя, плеснул в бокал и залпом махнул обжигающий напиток. Коньяк растёкся по жилам, даря

благодатное расслабление.

Но, тут сердце кольнуло нехорошее предчувствие.

«Хватит на сегодня, домой пора». — Решил он, подхватил с кресла скинутый в горячке пиджак и скомандовал референту. — Я отдыхать. Если что, звони на дачу.

Устроившись в салоне бронированного лимузина, пультом дистанционки выбрал музыку любимого Морриконе и откинулся на мягкие подушки. Машина стремительно неслась по пустой трассе, удаляясь от мегаполиса.

Удар, визг тормозов, и сила инерции кинула его на перегородку, отделяющую салон от водительского сидения. Машина, пролетев ещё с полсотни метров, замерла.

В интеркоме прозвучал голос телохранителя. — Всё в порядке, Андрей Григорьевич. Ворону «лобовым» поймали. Главное, сволочь, будто специально ждала. — Возбуждённо закончил охранник. — Но стекло уцелело, трещины только. Сейчас Володя протрёт и едем.

Озабоченный молчанием секьюрити повторил. — Как слышите, приём. Однако Максимов по детски шмыгал носом и молчал. Страх, возникший внизу живота, поднялся в желудок и сдавил его диким приступом изжоги. Ох, как давно он так не боялся. С тех самых пор, как ему, тогда ещё мелкому торговцу компьютерным вторсырьём, прислали в конверте патрон от «Макарова». Однако те времена благополучно миновали, и он уже напрочь позабыл это паскудное чувство.

Кое-как продышавшись, олигарх скрипучим от злости голосом разрешил продолжить движение.

Остаток пути он сидел в тяжёлом раздумье, не вспоминая уже про музыку.

Вид привычного интерьера слегка успокоил. Он прошёлся по комнатам, зачем то проверил окна. Включил свет и потянулся к пульту. «Что там, в мире твориться?» — Мелькнула ленивая мысль. Его обожгло воспоминание. Он кинул взгляд на часы. Огромные стрелки фирменных часов, висящих в проёме, показывали ровно девять ноль семь.

Боль вспыхнула в груди. Заполнила тело и плотным комком сошлась под грудиной. Губы старались поймать глоток воздуха, но онемевшие лёгкие не смогли втянуть ни капли. Он захрипел, обмирая от сознания, что это конец. Ещё чуть-чуть, и ничего уже не станет. «И кому все?» — Сверкнула мысль. — Она знала...? Ведьма!» Ему вдруг почудилось, что в полумраке, хотя горели все лампы, перед ним возникло светлое пятно. Оно уплотнилось, и вот уже видны стали пустые глазницы и надвинутый на лоб тёмный куколь капюшона.

«Что? Что?» — Из последних сил он пытался вспомнить, что сказала ему та девчонка. Скрюченными пальцами выцарапал трубку и нажал кнопку.

Абонент отозвался сразу. Превозмогая мучительную боль, и судорожно перхая, Максимов хрипло прорычал. — Девчонку и тех, что с ней были, отпустить немедленно. Сейчас же. — Вдруг понял, что может втянуть глоток воздуха. — Отвезти на яхту, извиниться. Дашь ментам сколько скажут, но, чтобы выпустили, немедленно.

Дело жизни и смерти. Не выполнишь, пожалеешь люто, — сумел он выговорить почти связно. Привыкший ничему не удивляться начальник охраны подтвердил распоряжение. Максимов заметил, что неясная фигура начала растворяться и таять. Боль ещё стояла в груди, но уже не так бесповоротно.

Добавил, припоминая. — С ней ещё девчонка будет, звать Натальей. За кафедлю сидит. Заплати эти копейки, и пусть с ними отпустят. Да, извиниться нужно. Он, наконец, смог вдохнуть полной грудью. В трубке запиликали сигналы отбоя. И тут Максимов обнаружил, что сидит возле кресла и тупо смотрит на растекающееся по ковру сырое пятно. Он продышался, стянул мокрые брюки и, пошатываясь, двинулся в ванную комнату. Боль практически исчезла. Только холодный пот и мокрое бельё напоминали о случившемся приступе.

«Ах ты, паскуда». — Вновь поднялась волна ненависти. Так меня запугала, что сам себе внушил. Разбрызгивая воду, выскочил из душевой кабины и ринулся к телефону. Боль вломила без предупреждения. Совсем не так плавно, как в прошлый раз. Он мешком рухнул на пол, теряя сознание от нового, ещё более сильного приступа. Очнулся вдруг. Перед глазами расплывается узор дорогого ковра. Обессилено потянул к груди непослушные ноги. «Уже высох». — Безразлично отметил он сухость тела.

Приподнял голову и обмер, увидев своё лицо в зеркальной поверхности шкафа-купе. Однако не обвисшие вдруг щеки и огромные мешки под глазами напугали его. Поразил короткий, ухоженный ёжик. Ещё утром внимательно осмотренные на предмет седины волосы сейчас стали совершенно белыми.

Дрожащей рукой олигарх перекрестил зеркало, зашевелил губами, припоминая молитву. И тут, словно дрогнуло что-то в его душе. Он лежал на полу, и чувство громадного облегчения и неземной радости наполняло его.

Максимов отчётливо понял, опоздай его собеседник ответить на звонок, лежать ему сейчас бездыханным посреди этой огромной комнаты.

«Да что может быть важнее этого счастья, просто жить? — с

умилением осознал он. — И она показала мне, как мимолётно всё, как мелко. Суетимся, рвём жилы. А вот придёт эта..., Максимов содрогнулся и вновь обмахнул себя неумелым крестом, — и всё. И ничего. Ничего совсем. Пустота».

Он задремал, сознание затихало. Однако оставалась уверенность в том, что сон этот будет спокойным и добрым. «А девчонка — ведьма». — Мелькнула краем вялая мысль. Однако не вызвала ни злости, ни раздражения. Наоборот. Чувство непонятной благодарности, за урок, который ему дала маленькая... Он спал.

— Вот и всё. Пора на выход. — Пробормотала Ольга, увидев, что крашенная суровой шаровой краской дверь распахнулась, и в камере мгновенно стало тесно от обилия разномастных служивых чинов, блеск шитья погон и шевронов вызвал у задремавших обитателей дружное оживление.

Ольга, прощаясь, кивнула Жанне и жестом подозвала Наташу. Вещи собери, а если ничего ценного нет, то и ладно. Пусть здесь остаются. Не дело, в новую жизнь старые воспоминания тащить.

Их вывели из камеры и провели в ту же комнату, где принимали. Вещи выдали под роспись, всё это с каким-то насторожённым удивлением и даже с опаской. Обращались с ними, как с переодетыми принцессами крови, на «Вы» и, разве что не кланяясь. Наталья, не веря в то, что их сейчас выпустят, жалась к Ольгиному плечу и вздрагивала. Наконец, вручили документы.

Вперёд вышел представительный человек в штатском. — Андрей Григорьевич Максимов приносит Вам свои искренние извинения. И ещё, он просил поблагодарить Вас, сказал, что Вы поймёте за что. — Слегка вымученно произнёс он.

Ольга глянула на посла доброй воли. — Принято. Я рада, что Максимов — умный человек. А главное — умеет делать выводы. Передайте ему, у меня претензий нет.

Начальник СБ, а это был он, круглыми глазами смотрел на странную девчонку, которая, образно говоря, поимела его шефа в извращённой форме, и она же ещё не обижается...?

«Всё смешалось в доме Максимовом». — Пробормотал бывший опер. Однако от других комментариев благоразумно воздержался.

Во дворе их ждал блестящий чёрный лимузин. Из приоткрытой двери машины видны были фигуры Ольгиных компаньонов. Она глянула в салон. — Ну, как вы? — Оглядела она их лица. Глеб подмигнул, обозначив полное приятие ситуации. Он явно наслаждался развитием событий. Иван Максимович вежливо кивнул девчонке и поздоровался с хозяйкой. — Всё нормально, — отрапортовал он, даже

извинились.

Ольга подвинула вперёд спутницу. — Знакомьтесь. Это Наташа, а это мои товарищи и друзья. Капитан — зовут его Иван Максимович. Глеб — мой охранитель и помощник. Ты с ним поосторожнее. — Шутливо подмигнула Ольга. Садись, и ехать нужно. Чего нам тут выстаивать? Вертухай махнул рукой.

Ворота неторопливо распахнулись, выпуская Мерседес. Такого освобождения тюрьма за всю свою многовековую историю ещё не видела. В машине Ольга задала девчонке назревший вопрос. — Подумала над моим предложением? Или посадить?

— Наташка, которой явно было не по себе, замерла на краешке роскошного сидения и нерешительно произнесла. Так я ведь ничего не умею. Какая от меня польза?

Капитан недоуменно поднял бровь. Намекая, что судовая роль уже оформлена и согласована. И вообще женщина на корабле не порядок.

И, кроме того... — Ольга скроила ему укоризненную гримасу глаза и повернулась к девчонке. — Не об этом ведь речь. — Мягко оборвала её бормотание. — Идёшь с нами или нет?

— Да! — Отчаянно закивала собеседница. — Я с вами. Я домой не хочу и никуда не хочу. Возьмите... — Она облегчённо расплакалась и ткнула носом в кожаную обшивку дверей, пряча слезы.

Занятые разговорами они и не заметили, как машина плавно остановилась у пирса, возле которого одиноко покачивалась их яхта. В ночном воздухе слышны были крики чаек. Свежий ветерок тянул с Невы прохладу. Они выбрались из салона и остановились перед своим новым домом.

— Вот, Наташа, это и есть наша... Кстати, — Ольга повернулась к капитану. — Иван Максимович, а что же мы имя кораблю так и не дали? Непорядок. Какие будут предложения. Народ задумался.

— Так мы всю ночь на пирсе проторчим. Предлагаю назвать — «Амазонка». — Подвела итог Ольга.

Приняли единогласно.

Приняв душ и наскоро перекусив, отправились спать. Места хватило всем. Ольга с Наташей заняли по отдельной каюте, а капитан с Глебом разместились в двухместной на корме.

Шёл уже третий час, а Ольге не спалось. Устав вертеться на роскошной кровати, оделась и вышла на палубу. Тишина спящего берега, слабый плеск у борта настроили на раздумчивый лад. Она замерла, уперев ладони в перила. В неярком свете огрызка луны посверкивали камни загадочного браслета.

«Что это? — думала она, вспоминая свои внезапно

открывшиеся способности к ясновидению. Да и только ли это знание будущего и прошлого? Не с её ли помощью случился у несчастного олигарха приступ, чуть не отправивший его на свидание с предками? Тогда совсем страшно. — Я ведь всего-навсего человек. Мне свойственно ошибаться. Испытывать чувства. Как я могу взвалить на себя такую ответственность? И почему так случилось?» — Ответов не было.

Она вгляделась в темнеющую за бортом воду и вдруг заметила, что вместо едва заметных волн видит неясное свечение. Оно шло словно из глубины. И вот начали проявляться вполне различимые детали. На неё смотрел Алексей. Не усталый, помятый жизнью сорокалетний капитан-неудачник, с седым клоком над правой бровью и глубокими складками возле обветренных губ, а тот весёлый лейтенант, которого сослуживцы не без гордости прозвали Викингом. Он смотрел на неё из этого светящегося пространства и улыбался.

— Здравствуй. — Прошептала Ольга. — Как ты?

Он кивнул головой, показывая. — Нормально.

И тут она услышала его голос.

— Нормально. Но здесь, — силуэт глянул ей за спину, — было лучше.

— Ты всё шутишь? — Удивилась она.

Алексей не ответил.

Ольга поняла, что пришло время спросить о главном. — Ты всё знаешь, тогда скажи: за что это мне? — Кивнула она на яхту.

Ответа не было долго. Затем голос произнёс. — Не просто... Объяснить непросто. Это твоя горка. Как у меня, у других. У каждого она своя. Ноша иной раз выпадает вовсе тяжкая и может сломать. Но нужно через это пройти. Будут и ещё испытания. Но будет и счастье. Главное, ты будешь жить и любить. И всё плохое пройдёт. Останется только счастье.

— Помни, всё, что должно, то и случится.

Изображение расплылось и начало темнеть. — Прощай. — Донеслось уже вовсе издалека.